НАШИ • ТАМ
РОМАН КАЗИМИРСКИЙ
ДЕВЯТЬСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Древняя Русь никогда не была специализацией Марселя Ивановича. Но именно в этот период его забросила чья-то злая воля. Славянские волхвы еще представляют собой грозную силу, лихие люди на дорогах творят все, что им вздумается, любая ошибка может стоить жизни. Как уцелеть городскому жителю в таких условиях? Особенно если он как две капли воды похож на посланника греческой церкви, которому предстоит склонить князя Владимира в православную веру.

- Роман Казимирский
  - Часть первая
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
  - Часть вторая
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
  - Часть третья
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4

Роман Казимирский
Девятьсот восемьдесят восьмой

Часть первая
НЕЧАЯННАЯ ПРОГУЛКА В ПРОШЛОЕ

1

— Так, говоришь, иначе будем жить? И что же, князей не будет у нас? А кто управлять станет? Само собой все наладится, что ли? — Мефодий недоверчиво хмыкнул и покосился на остальных: поддержат ли?

Собравшиеся в питейной избе мужики сидели с хмурым видом — судя по всему, им было не до смеха. Даже виночерпий, этот розовощекий здоровяк, молча смотрел перед собой, раздумывая о чем-то. Не дождавшись ответной реакции, Мефодий снова обратился к рассказчику:

— Добре, пусть так. А поклоняться кому будем? Неужто и Рода забудем, и Макошь?

— Эх, знал бы ты…

Сидящий напротив него мужчина икнул и тоскливо огляделся вокруг. Сложно было сказать, что в нем не так, на первый взгляд, мужик мужиком, но он отличался от остальных — то ли выражением лица, то ли осанкой, то ли еще чем-то. Наверное, именно из-за этого к чужаку, когда он только появился в селище, отнеслись настороженно. К тому же вел он себя более чем странно — говорил на каком-то нелепом наречии, задавал неуместные вопросы, да и в остальном проявил себя как юродивый. Поэтому, когда однажды кто-то в шутку назвал его Баламошкой, всем показалось, что это имя как нельзя лучше подходит ему. Так его и стали называть. Вскоре никто уже и не помнил о том, что его, на самом деле, звали Марселем. Действительно, что за имя такое — Марсель? Будто ругнулся кто-то ненароком. Срамота, а не имя.

Со временем Баламошку полюбили, правда, никто не мог с определенностью сказать, за что и почему. Впрочем, он был совершенно безобидным и даже в чем-то полезным. Знал множество интересных историй и мог трепать языком без устали ночи напролет. К тому же за ним обнаружилась способность давать разумные советы. Например, о борьбе с вредителями, которые до его появления частенько уничтожали значительную часть урожая, или о хворях различных, хотя когда его спрашивали о том, не знахарь ли он, тот лишь отмахивался: мол, так, кое-что кое-где услышал, вот и запомнил, ничего особенного. Да много чего непонятного было в этом мужике. Первое время он часто напрашивался в помощники: кому дрова порубить, кому помочь поле вспахать — но в результате только мешал и путался под ногами. В конце концов, его попросили ограничиться советами, которые он мог давать, стоя в сторонке. Посовещавшись, сельчане

пришли к выводу, что человек он нужный, так что если им придется его кормить, от них не убудет.

Правда, у Баламошки обнаружилась одна странность — иногда, выпив настойки, он пускался в совсем уж поганые россказни о том, что и когда случится. При этом его заплетающийся язык поведывал о настоящих чудесах, от которых волосы на голове не шевелились разве что у плешивого. Мол, пройдет много веков, и людям больше не нужно будет использовать свои ноги, чтобы передвигаться. Мечтательно закатывая глаза к потолку, он описывал повозки, которые ездят без лошадей, летающие ящики, в которых можно облететь весь мир, и много чего еще. Конечно, взрослые посмеивались, слушая его пьяные разглагольствования, однако они были намного интереснее разговоров о том, у кого корова сдохла или баба понесла, так что со временем подобные посиделки превратились в традицию, и раз в пару недель в местную корчму набивалось все мужское население, чтобы послушать очередную байку. Вот и сейчас, несмотря на то, что рассказ подошел к концу, народ и не думал расходиться, хотя Баламошка успел принять своё и уже начинал клевать носом.

— Так что там с богами нашими? — напомнил Мефодий. — Неужто забудем?

— Забыть — не забудем, — помотал головой из стороны в сторону мужичок. — Но будем о них вспоминать, как… Не знаю… Вот ты какие сказки своим детишкам рассказываешь на ночь?

— Разные, — Мефодий удивился неожиданному вопросу и не сразу нашелся, что ответить, но тут же горделиво выпрямился и оглянулся на остальных. — Э, о чем ты? Это бабье дело — детей сказками баловать.

— Да не важно, чье это дело, — отмахнулся Баламошка. — Пусть и бабье. Например, про Змея Горыныча знаешь сказку? Нет? Про каких-нибудь богатырей, м? Вот и всем вашим родам-перунам-сварогам место только в байках и останется. Да, хорошего мало, но что поделаешь?

— Не бывать этому! — вдруг грохнул кулаком по столу один из слушателей.

— Успокойся, Гридя, — замахал на него руками Мефодий. — Не видишь — человек пророчит? Ты не можешь сказать, что завтра в своей жизни случится, так почему твердишь о том, чего не знаешь?

— А он, получается, знает? — продолжал возмущаться здоровяк. — Зачем нам слушать его?

— Затем, что всем любопытно, — рассудительно заметил сидевший в сторонке мужик с длинной окладистой бородой. — А

кому не нравится — дверь всегда открыта. Ты хочешь на свежий воздух, Гридя? Никто тебя не держит.

— Нет, я еще не допил, — проворчал мужик и, замолчав, уставился в свою кружку.

— Вот и ладно, — улыбнулся бородач и кивнул Баламошке. — А ты продолжай, милый человек.

— Да я уже все, — тот пожал плечами и попытался подняться, но зашатался и снова опустился на свое место. — Что-то я, кажется, немножко перебрал. Не встать…

— Все, мужики, сказок сегодня больше не будет, — Мефодий подхватил рассказчика, который уже готов был завалиться на бок, и постарался вернуть его в прежнее положение. — Наш пресноплюй, кажется, готов.

Собравшиеся разочарованно вздохнули, однако не стали настаивать на продолжении потехи — Баламошка то и дело клевал носом, и было ясно, что от него больше ничего путного не услышишь.

— Доведешь его до хаты? — мужик, которого здесь, похоже, уважали, поднявшись с лавки, похлопал засыпающего сказочника по спине и вопросительно взглянул на Мефодия.

— Конечно, Михайло, не беспокойся, — отозвался тот со вздохом. — Мне не привыкать. Хорошо еще, что он щуплый. Представляешь, каково было бы его таскать, если бы он был, как наш Гридя?

— И то верно.

Подхватив под руки то и дело норовящего соскользнуть на земляной пол Баламошку, мужик вывел его наружу и, шикнув на заворчавшую собачонку, потащил его по направлению к небольшой избе с покосившимися стенами. Пыхтя, он с удовольствием отметил про себя, что ночь выдалась лунная, так что было светло, почти как днем. Пнув калитку ногой, мужчина осуждающе поцокал языком: двор сказочника не производил впечатления ухоженного и мог принадлежать только такому мухоблуду, как его шатающийся спутник. Ограда держалась на честном слове, крыша избы прохудилась. Единственным участком, на который можно было смотреть без содрогания, были несколько грядок — к ним хозяин, похоже, относился с особым вниманием.

— Начнутся дожди — как жить-то будешь? — обратился он к Баламошке, опуская его на сооружение, на котором тот обычно спал.

И все же — странный он человек, подумал Мефодий, рассматривая скрепленные между собой лавки. Места ему, что ли, мало? Был бы он крупным, а то ведь тонкий, как тростинка, за

косой спрятаться при желании сможет. Неодобрительно покачав головой, мужчина еще раз взглянул на бедное убранство помещения и вышел.

Как только за ним закрылась дверь, Баламошка открыл глаза и недовольно поморщился. Зря он так много пил, последняя порция явно была лишней. Наговорил всякого. Дурак, что тут скажешь. Или как они здесь говорят? Дуботолк? Это о нем. Чувствуя, что его начинает мутить, мужчина сел на кровати и сделал несколько глубоких вдохов. Однако это не помогло, и уже в следующее мгновение он бросился к ведру, стоявшему в углу помещения. Порционно отдавая ему все съеденное и выпитое за вечер, он в очередной раз пообещал себе больше никогда не прикладываться к этой коварной медовухе, будь она неладна. Пусть вон Курьян ее хлебает, раз ему так нравится. И как получалось у здешних мужиков пить, как не в себя, и при этом оставаться на своих двоих? Загадка природы.

Откинувшись, наконец, от ведра, он на четвереньках дополз да своей постели и с трудом вскарабкался на нее. Упав на спину, мужчина некоторое время старался унять колотящееся сердце и, наконец, пришел к выводу, что глаза пока лучше не закрывать. Сосредоточившись на квадрате окна, он попытался собраться с мыслями. Марсель Иванович Лавров, доцент исторических наук, декан одноименного факультета одного из киевских вузов. Тридцать девять лет, не женат. Большой человек, одним словом.

— Был, — пробормотал мужчина вслух. — Был да сплыл. Тю-тю.

Все происходящее вокруг него давно перестало казаться ему кошмарным сном — напротив, теперь он был абсолютно уверен в том, что не спит. Хотя первые несколько дней ему казалось, что в его мозгу что-то перегорело. И ведь ничего не предвещало такого поворота. Все было, как всегда: лекции, административная дребедень, чай с коллегами, куча бумажной работы, которой он намеревался заняться дома. Зашел в магазин, улыбнулся знакомой продавщице, даже отпустил какую-то новую шутку, услышанную от студентов. И вот — он уже непонятно где и когда. Сначала он подумал, что его хватил удар. Иначе как можно было объяснить то, что вместо продуктовых полок перед ним вдруг оказались заросли дикой ежевики, которая моментально оставила целую тьму зацепок на его новеньком и довольно дорогом костюме?

Он прекрасно помнил ощущение беспомощности, близкое к панике, охватившее его тогда. Единственное, что его сдержало, была надежда на то, что скорая помощь, которую, скорее всего, уже вызвала продавщица, приедет вовремя. В противном случае

ему предстояло выяснить на собственном опыте, что, на самом деле, стало причиной галлюцинации — простой обморок, вызванный переутомлением, или предсмертная агония. Второй вариант ему абсолютно не нравился. Знания Марселя Ивановича о медицине всегда были очень поверхностными, так что, продираясь сквозь колючий кустарник, он искренне верил в то, что очень скоро все это кончится. Тем не менее, его еще тогда удивила реальность видения — шипы оставляли на коже весьма болезненные царапины, а изорванная одежда выглядела по-настоящему испорченной. Общую картину дополнила самая настоящая пчела, которая, недолго думая, ужалила его в щеку, отчего половина лица тут же вспухла, а глаз заплыл. Морщась от боли, Марсель подумал о том, что слишком натурально он как-то галлюцинирует. И уже в следующий момент, выбравшись, наконец, из зарослей и сделав всего несколько шагов в сторону, он застыл на месте от удивления. Рядом с ним протекала река — он отчетливо видел ее очертания, а неподалеку от нее мужчина разглядел какие-то строения. Несмотря на то, что в такой ситуации любой на его месте постарался бы поскорее оказаться ближе к людям, независимо от степени их реальности, ему почему-то не хотелось обнародовать своего присутствия. Что-то было не так. Совсем не так. Историк неплохо разбирался в географии — можно сказать, это было его хобби. Поэтому он мог бы поклясться, что все еще находится в родных краях. Река была похожа на Днепр, однако линия берега немного отличалась от той, к которой он привык. Было в ней что-то чужое и незнакомое. Село, привлекшее его внимание, также выглядело подозрительным. В первый момент мужчина не понял, что его так смутило во всем этом, на первый взгляд, идиллическом пейзаже, и только спустя некоторое время до него дошло: вокруг, насколько хватало взгляда, не было видно ни одного электрического столба. Для сельской местности, в которой он, понятное дело, оказался, это было совершенно невероятно.

Ошалело озираясь, Марсель не обнаружил ни намека на современную цивилизацию. Вспомнив о своем мобильном телефоне, он выхватил его из кармана со скоростью, которой мог бы позавидовать сам Клинт Иствуд, но уже спустя несколько секунд с раздражением засунул его обратно: устройство показывало отсутствие сети. Поколебавшись некоторое время, историк все же решил, что глупо вот так топтаться на месте, и медленно двинулся по направлению к населенному пункту, где надеялся найти помощь. Он уже не знал, что и думать. С одной стороны, Марсель не мог не заметить, что все детали были слишком четкими для глюка. С другой, это просто не могло

происходить на самом деле. Почему? Просто потому, что так не бывает. Но он был деятельным человеком, так что решил пока не думать о причинах, по которым его мозг решил так соригинальничать, а просто выяснить опытным путем, насколько красочным может быть его воображение.

К его счастью, стояла достаточно теплая и солнечная погода, иначе он и представить себе не мог, как бы пробрался в своих рабочих туфлях по поразительному бездорожью, которое здесь наблюдалось повсеместно. Создавалось впечатление, будто местные веси вообще не знали такого явления как автомобиль.

— Научный прогресс, ага, конечно, держи карман шире, — бормотал Марсель, с сожалением глядя на свою обувь, которая уже покрылась толстым слоем пыли и ошметками грязи. — Кому нужны ваши нано технологии, если вы до сих пор не научились дороги строить, а? Шуты гороховые.

Наконец, достигнув окраины села, он увидел поразительно чумазую девочку лет пяти, которая, открыв рот от удивления, глазела на него, стоя у деревянных ворот, весьма оригинально расписанных каким-то умельцем.

— Привет! — помахал ей рукой доцент. — Родители дома? Мне бы…

Не дослушав до конца, девочка так стремительно бросилась в дом, что если бы ворота были закрыты, она, наверное, сшибла бы их. Проводив ее удивленным взглядом, Марсель посмотрел на себя и был вынужден признать, что его вид не внушал особого доверия. Заляпанные туфли, подвернутые до колен штанины, из-под которых виднелись желтые носки — его способ молчаливого протеста против глобализации, дебилизации и много чего еще. Картину дополнял пиджак, пришедший в негодность. Если прибавить к этому перекосившуюся от пчелиного укуса физиономию, то реакцию ребенка вполне можно было понять. Вздохнув, Марсель пожал плечами и решил, что не стоит стесняться не самой презентабельной внешности, особенно если ее причиной послужило случайное стечение обстоятельств. Подумав, что не стоит пугать ребенка, пусть даже воображаемого, он подошел к соседней избе и, не найдя ни намека на дверной звонок, несколько раз громко постучал в ворота.

— Кто? — тут же раздался заспанный мужской голос, и историк услышал, как за забором скрипнула дверь.

— Добрый день! — громко и внятно проговорил он. — Извините за беспокойство, но я немного заблудился, а мобильник почему-то сеть не ловит. Мне бы позвонить…

Ворота открылись, и Марсель осекся, непроизвольно попятившись. Над ним нависал внушительных размеров детина,

выражение лица которого не предвещало ничего хорошего. На нем не было ничего надето, кроме холщовых штанов, подвязанных поясом. Мощная грудь говорила о недюжинной силе ее хозяина, и историк неожиданно заробел, вспомнив о собственных скромных габаритах.

— Простите, — пискнул доцент. — Я разбудил вас?

— Не беда, — отозвался здоровяк, позевывая. — Давно пора вставать. А ты, я вижу, тоже вчера знатно погулял у Антипа-то?

— Что? — не понял Марсель.

Вместо ответа его собеседник показал на свое лицо, и Марсель, вспомнив о неудачной встрече с пчелой, рассмеялся:

— Ах, это… Нет, это укус. У меня аллергия, знаете, на всяких насекомых.

— Хм, — здоровяк как-то странно посмотрел на него и поднял брови. — Добре. Так чего хотел-то?

— Позвонить, говорю, надо, — историк достал из кармана мобильник и помахал им в воздухе. — Сети нет, нужен стационарный аппарат.

Глядя на то, как хозяин дома смотрит на него с совершенно обалдевшим видом, Марсель уже пожалел о том, что вообще обратился к нему. Судя по всему, цивилизация не только обошла стороной этот забытый богом уголок Вселенной, но и вообще решила не заглядывать сюда.

— Сеть… Кажись, где-то у меня была, — наконец, промямлил здоровяк. — А звонят у нас в било, когда есть такая необходимость. Зачем тебе? Или случилось что? Странный ты какой-то. Немец, что ли?

— Почему немец? — удивился историк. — Местный я.

— Ну, говоришь как-то не по-нашему. Точно не иноземец?

— Говорю же: нет. Просто заблудился.

— Тогда точно немец. У нас здесь свои никогда не потеряются. Так откуда ты, мил человек?

Не зная, что ответить на этот вопрос, доцент только растерянно развел руками. Несмотря на то, что хозяин дома, казалось, был настроен вполне дружелюбно, историк никак не мог понять, как ему следовало вести себя с ним. Может быть, стоило прикинуться дурачком, чтобы хотя бы соответствовать ожиданиям собеседника? Тогда ему, возможно, с большей готовностью помогут. Решив, что это лучше, чем и дальше пытаться донести свою мысль до непонятливого мужика, Марсель дурашливо улыбнулся и кивнул в сторону села:

— А где там управляющий живет? Мне бы поговорить с ним.

— Староста-то? В большой избе, на воротах трезубец намалеван для пущей важности. Только ты его сейчас лучше не

беспокой, осерчать может.

— Отчего же?

— Так я же говорю: накануне Антипу баба сына родила, так мы всем селищем гуляли. А в таких делах, сам знаешь, всякое может случиться.

— И что случилось?

— Да я нос ему расквасил. У него сейчас, думаю, рожа покраше твоей будет. Хотя…

Нерешительно почесав подбородок, покрытый густой растительностью, мужик подумал несколько секунд, а потом кивнул:

— Да, ты прав, негоже человека похмельем мучать, да еще и в оскорбленных чувствах его оставлять. С тобой пойду. Обожди.

Скрывшись в доме, здоровяк появился снова спустя всего пару минут, но теперь на нем уже была широкая рубаха из натуральной ткани, а в руках у него был глиняный кувшин с какой-то жидкостью внутри. Держа свою ношу перед собой, чтобы не расплескать, мужик весело кивнул Марселю:

— Курьяном меня зовут. Можешь и ты так звать, если хочешь.

— Да, конечно, приятно познакомиться, — отозвался историк и, отвечая на вопросительный взгляд собеседника, продолжил. — А меня зовут Марсель.

Почему-то собственное имя показалось мужчине странным, и он смутился. Марсель всегда был благодарен родителям за то, что те не назвали его каким-нибудь Иваном или Василием, однако сейчас он почти пожалел об этом — во всяком случае, на Курьяна имя произвело странное впечатление. С довольным видом расхохотавшись, он перехватил кувшин одной рукой, а другой хлопнул своего щуплого спутника по плечу с такой силой, что едва не сшиб того с ног:

— А говорил, что не немец! Но ничего, это правильно. Раз приехал сюда, то и старайся быть, как все. Вот увидишь: пройдет время — появится у тебя новое имя, как у добрых людей.

Сейчас, вспоминая о том разговоре, историк пьяно усмехнулся: кто бы мог подумать, что эти слова окажутся пророческими? Он действительно получил новое имя в рекордно короткие сроки, однако предпочел бы, чтобы его назвали как-то иначе. Имя Баламошка означало «дурачок», и жить с таким эпитетом ему, человеку с ученой степенью, было крайне неуютно. Впрочем, каждая ситуация требует индивидуального подхода, напомнил он себе. Кому он здесь нужен со своими дипломами? Он уже успел установить точные место и время, в которых оказался. И если первое время Марсель-Баламошка еще надеялся на то, что вот-вот очнется в больничной палате под

капельницами, то вскоре понял, что это, как минимум, надолго. Почувствовав очередной приступ тошноты, он снова подполз к ведру и, стараясь как-то отвлечься от происходящего, вернулся в тот день, когда все началось.

Курьян, несмотря на пугающую внешность, оказался довольно дружелюбным парнем, которому было всего-то двадцать два года отроду. Выходит, он вполне мог оказаться в числе его студентов. С уважением взглянув на выдающуюся фигуру своего спутника, Марсель подумал, что тому следовало бы податься в профессиональный спорт — в метатели ядра, например, или диска. С его комплекцией он смог бы добиться больших успехов. Так или иначе, но ни о каком высшем образовании и речи идти не могло — очень быстро выяснилось, что у Курьяна был настолько ограниченный кругозор, что историк только диву давался. Тем не менее, вспомнив о ситуации, в которой оказался, он постарался пока не демонстрировать собственного превосходства. Кроме того, он все больше убеждался, что происходящее не могло быть плодом его фантазии. А картина, которую доцент наблюдал вокруг себя, пугала его своей дикой красотой. Наверное, он уже тогда понял, что с ним произошло, но всячески гнал от себя эти мысли.

— Так, говоришь, староста может быть не в духе? — обратился он к спутнику, чтобы как-то поддержать разговор.

— Угу. Забавный ты, — отозвался Курьян, не сбавляя шага. — Я не понял, о чем ты толковал мне там, у ворот, но Михайло, думаю, быстро разберется, что к чему.

— Михайло — это кто?

— Да староста наш.

— Понятно. Скажи, а что за место такое? Никогда не был здесь.

— Ого! — здоровяк остановился и многозначительно поднял палец. — Наше селище на всю округу славится, нельзя его не знать. Триполье! Запомни.

— Кхм, — Марсель поперхнулся от неожиданности. — Ты уверен? То есть, я прекрасно знаю Триполье, у меня здесь отец родился.

— Нельзя, друг, столько пить, — сочувствующе покачал головой Курьян. — Знаешь, как у нас говорят: наливай, да меру знай.

— Да я… — историк хотел было возразить, что к алкоголю совсем равнодушен, но вовремя сообразил, что для собеседника это, пожалуй, было единственным разумным объяснением его амнезии — во всяком случае, другого у него не было. — Пожалуй. А что, часто в Киеве бываешь?

— Частенько.

Марсель успел уже обрадоваться такому ответу, но в следующий момент с трудом сдержался, чтобы не выругаться, услышав уточнение:

— Если на рассвете выйдешь, то к вечеру можешь и добраться. Путь-то неблизкий, верст пятьдесят будет. Но это ничего, если очень нужно, найдем тебе попутчика.

— Благодарствую, — пробормотал историк, решив, что пока не стоит вдаваться в подробности. — Буду очень признателен.

— И все же, откуда ты такой взялся? — Курьян с улыбкой взглянул на своего спутника. — Говоришь странно, одет не по-нашему. А что за торба такая? Заморская, м? Я таких здесь не встречал.

Марсель только сейчас сообразил, что все это время машинально сжимал в руках свой дипломат. Подумав, что он с ним напоминал какого-то сельского чиновника, мужчина просто кивнул:

— Да уж… То есть — да, заморская торба. Мне ее издалека привезли. В подарок.

Отчасти это даже было правдой — дорогую вещь ему подарили студенты-выпускники. Конечно, ему не следовало принимать ее, но слишком уж ему понравилось качество — добротный дипломат уже служил ему верой и правдой четыре года и мог прослужить еще столько же.

— Я так и подумал. Знатная вещица, видно, что немалых денег стоит. Ну, вот, мы и пришли.

Оказавшись перед домом старосты, Марсель огляделся вокруг и почувствовал, что его начинает колотить нервная дрожь. Древняя Русь никогда не была его специализацией, однако кое-какое представление об этом периоде он имел и теперь пытался уместить в своей голове тот факт, что действительность, в которой он вдруг оказался, чертовски сильно напоминала быт тех росов или русов, о которых он столько читал. Стоя во дворе, доцент то и дело поглядывал на местных жителей, которых он, похоже, заинтересовал не меньше, чем они его. Мужчины — все, как на подбор, бородатые — были одеты в просторные рубахи светлых тонов и штаны, а женщины — в более длинные аналоги тех же самых рубах, которые отличались друг от друга разве что вышивкой. Залюбовавшись одной из молодых девушек, которая, явно стесняясь, то и дело поглядывала на него с любопытством, Марсель вдруг вспомнил картинку, которую долго и с удовольствием рассматривал в одной из книг, когда готовил доклад по костюмам славян. Сходство было поразительным, и как ни старался он отогнать от себя мысли, которые казались ему

предвестниками сумасшествия, у него ничего не получалось. Нет-нет, всему должно быть разумное объяснение. Пусть это будет инсульт, или ассистентка Сима, которой он на днях устроил выволочку, подсыпала ему какой-нибудь дряни в кофе — что угодно, только не то, о чем он подумал.

А ведь сколько раз историк представлял себе, что было бы, окажись он в прошлом. Если бы его студенты узнали, каким героем он виделся себя в своих фантазиях, то подняли бы своего преподавателя на смех. Откуда им знать, что человек научного склада ума никогда не перестает мечтать, несмотря на возраст или социальный статус? И вот, когда это, наконец, произошло, Марсель вдруг испугался, как мальчишка. Впрочем, стоит признать, на то были веские основания. Даже если предположить, что все это происходило с ним наяву, что мог он, во всех отношениях современный человек, предложить тем, кто по умолчанию должны быть менее развитыми и продвинутыми? Все его знания не имели здесь никакого практического применения и потому яйца выеденного не стоили. И почему он не выучился на медика? Или на химика, на худой конец? К ручному труду он не приучен, военным делом не владеет, да что там — он и с девкой-то справиться вряд ли сможет. Историк попытался вспомнить хоть что-нибудь, что могло помочь ему выжить в этой враждебной действительности, и не смог. Разве что огородничать он научился неплохо в девяностых, помогая матери на даче… Нет, у него не было ни единого шанса.

— А, сам пришел. Хвалю.

Марсель так увлекся планированием собственных похорон, что не заметил, как на пороге избы появился человек, поразительно похожий на его коллегу с соседнего факультета. У того была такая же окладистая борода и косматые брови, он так же сутулился и смотрел на гостей исподлобья. Разве что новый персонаж не носил очков, к тому же под левым глазом у него красовался внушительный синяк, но в остальном сходство было поразительным.

— Ты не серчай на меня, Миша, — добродушно протянул Курьян. — У меня и в мыслях не было с тобой драться, бес попутал.

— Ладно уж — бес его попутал, — вдруг рассмеялся староста, расставляя руки в стороны. — Это я тебя попутал, так и говори. Мне уже рассказали, что я вчера на радостях перебрал немножко. Так что это мне извиняться нужно. Прости ты меня, друг любезный.

Увидев, что мужики обнялись, толпа, которая все это время внимательно наблюдала за ними, одобрительно зашумела.

— Молодец, Михайло! — выкрикнул кто-то, и староста, важно помахав собравшимся рукой, обратился к гостям:

— Что же это мы на пороге топчемся? Входите.

Удивившись тому, с какой легкостью хозяин пустил в дом совершенно незнакомого ему человека, Марсель, тем не менее, послушно шагнул внутрь. Его воображение всегда рисовало интерьер русской избы как достаточно темное помещение, в котором помимо печи и лавки был разве что стол. Вероятно, причиной этого был избыток кинематографа и недостаток сказок Пушкина в детстве. Так или иначе, но он был сильно удивлен, оказавшись в светлой просторной горнице. Вопреки его ожиданиям, пол в избе был не земляным, а деревянным, и этого его немало удивило, ведь, судя по его информации, подобную роскошь древние селяне стали позволять себе гораздо позже, да и то не всегда. Подняв глаза, Марсель понял причину такой, как ему показалось, доверчивости по отношения к незнакомцу — изба была полным-полна мужиков, которые, рассевшись, где кому удобно, с любопытством рассматривали новоприбывших. Даже если бы у гостей было что-то недоброе на уме, они вряд ли решились бы на какие-либо активные действия.

— Да ты, я вижу, не с пустыми руками к нам пожаловал, — староста заглянул в кувшин и хитро сощурился. — И ты прав, как ни крути. Мы тут все посоветовались и решили, что Антип слишком долго ждал сына, чтобы вот так быстро все закончить. Так что ты вовремя.

Спрятавшись за спины Курьяна и Михайло, историк постарался по возможности не привлекать к себе внимания, пока не разберется во всем. Однако его недавний спутник не позволил ему отмолчаться — поздоровавшись со всеми, он кивком указал на Марселя:

— Посмотри, какое чудо-юдо я тебе привел. Говорит, что заблудился. В Киев вроде как человеку нужно.

— Как звать тебя, друг? — обратился к нему Михайло, смерив гостя внимательным взглядом.

— Марсель, — почему-то опять смутился доцент.

— Как? Хотя, можешь не повторять, я такого мудреного имени все равно не запомню, особенно сейчас. Да и ни к чему это. Говоришь, в Киев идешь? Зачем? Если скоморошничать намерен, то сразу можешь забыть об этом — там своих достаточно.

— Скоморошничать?! — возмутился историк, сразу забыв о своем намерении не высовываться. — С чего это ты взял? Нет, у меня там дела.

— У тебя? — Михайло с сомнением посмотрел на гостя, словно старался заново оценить его. — И какие же? Ай, да что это

я? Дела — так дела. Завтра утром наш Антип туда поедет, если сумеет проспаться к тому времени, с ним и отправишься. Верно я говорю, Антип? Очухаешься до утра?

Из-за спин сидящих на лавке мужиков послышалось какое-то ворчание, и Марселю явилась совершенно пьяная физиономия виновника торжества. Промычав что-то невразумительное и так и не сумев ничего выговорить, он просто кивнул и вернулся в исходное горизонтальное положение.

— Вот, видишь: он согласен, — расхохотался хозяин избы. — А пока, любезный Пар… Парсек?

— Марсель, — поправил его историк.

— Да, пожалуй к столу. У нас хоть и не княжеские хоромы, но найдется и выпить, и закусить.

Несмотря на нервное потрясение, историку не хотелось решать свои проблемы с помощью алкоголя, но, боясь оскорбить старосту отказом, поблагодарил его и сел на свободное место. На столе действительно было достаточно всякой еды, правда, о происхождении и составе большинства блюд Марсель не имел ни малейшего представления.

— Что ж, выпьем за нашего гостя! — Михайло наполнил неизвестно откуда появившийся перед доцентом кубок какой-то мутной жидкостью и выжидающе посмотрел на него.

С сомнением покосившись на Курьяна, который лишь ободряюще кивнул в ответ, Марсель обреченно вздохнул и осторожно сделал небольшой глоток. Напиток неожиданно понравился ему — он чем-то напомнил пиво, во всяком случае, явно ощущался привкус хмеля, но при этом был в меру сладким и слегка газированным. Заметив, с каким наслаждением гость смакует угощение, хозяин рассмеялся:

— Наша медовуха на всю округу славится! Нигде такую готовить не умеют, только у нас.

— Очень вкусно! — похвалил историк, неожиданно для себя осушая кубок до дна — оказалось, что он очень хотел пить.

— Ого! — загоготали мужики. — Силен, брат!

Марселю было непонятна их реакция. Судя по всему, напиток был слабоалкогольным — во всяком случае, он не почувствовал в нем высокого градуса. Заглянув с посуду соседей, он увидел, что все пили то же самое, и удивился: это сколько ж нужно было выпить Антипу, что вот так, в дрова, наклюкаться? Ведра два, не меньше, мысленно прикинул он. Из книг доценту было известно о том, что на Руси долгое время не было ни винного производства, ни самогоноварения. Люди потребляли пиво, квас и — медовуху. Что ж, ему повезло отведать настоящий аутентичный напиток, приготовленный по старинному рецепту. Отпивая из второго по

счету кубка, Марсель пообещал себе попытаться приготовить что-нибудь похожее, когда вернется домой. Если вернется, тут же поправил он себя.

— Так что, ты говоришь, ждут тебя в Киеве? — староста подсел ближе к историку, долив ему медовухи.

— Ну, не то чтобы ждут, — отозвался Марсель. — Но мне хочется в это верить.

— Странные ты вещи говоришь, — удивился Михайло. — Тебя там или ждут, или не ждут. Соглядатаев в Киеве не любят, сам, небось, знаешь. Придешься не ко двору — погонят тебя оттуда поганой метлой. Так что ты уж определись, друг.

— Не могу, — мужчина развел руками в стороны. — У меня, видишь ли, сложная ситуация.

— Сложная ситуация — это когда твоя баба рожает арапчонка, а все остальное — это так, мелочи жизни. Рассказывай, что у тебя случилось. Ясно ведь, что ты нездешний. Одет, как пугало огородное, говоришь не так, как мы. Курьян вот мне шепнул, что ты ему про какую-то сеть твердил и звонить зачем-то собирался, будто пожар случился.

— Он просто меня не понял.

Марсель вдруг осекся. Нормальный древний славянин ни при каком раскладе не поверил бы в его рассказ. Значит, придется врать. Ох, как историк не любил это дело — его профессия подразумевала такое количество лжи, что он часто сам путался в том, что было выдумкой, а что — правдой. С другой стороны, у него просто не было выбора. К тому же он уже не был уверен, что ему так уж нужно ехать в Киев. Если допустить, что он действительно каким-то непостижимым образом попал в прошлое, то имело смысл оставаться как можно ближе к тому месту, где все произошло. Марсель слабо разбирался в научной фантастике, но предполагал, что где-то должен был находиться некий портал, который, как он надеялся, работал не только в одну сторону, но и в другую. Учитывая все это, доцент решил схитрить и попытаться напроситься в гости.

— Я, наверное, головой ударился, — пожаловался он, осторожно прикоснувшись к затылку и поморщившись, словно от боли. — Вообще ничего не помню. Кто я, откуда и зачем. Словно кто-то выключил свет.

— Чего?

— Свечу задул, — поправился мужчина. — То, что было до сегодняшнего дня, окутано туманом.

— Беда, — сочувствующе поцокал языком Михайло, доливая Марселю медовухи. — Ты поэтому в Киев собрался?

— Да, — кивнул историк, с удивлением отмечая про себя, что

медовуха, несмотря на отсутствие градуса, с неожиданной силой ударила ему в голову. Теперь ему не казалось странным состояние Антипа — выпив совсем немного, он уже чувствовал, что у него начинает заплетаться язык.

— А если там никто тебя не признает? — обратился к нему Курьян, который все это время с интересом прислушивался к беседе.

— Тогда… Не знаю.

— Вот что, — ударил кулаком по столу староста. — Никуда тебе ехать не надо. В Киеве тьмы три народу, так что ты там просто сгинешь. А к князю тебя в таком виде, ясно дело, не пустят — больно ты на шлынду похож, там таких не терпят.

— На кого? — не понял Марсель.

— На бездельника. Ты уж не обижайся, но что это ты на себя нацепил?

— Ну, что есть, — пожал плечами историк, подумав, что, раз уж разговор пошел в этом направлении, то не стоило отрицать очевидного факта — для местных он выглядел более чем странно.

— А на ногах что это у тебя? — Михайло опустил взгляд под стол и озадаченно нахмурился. — Нет, обувка, конечно, добротная, ничего не скажешь. Но в такой особо не побегаешь. Странные башмаки, ничего не скажешь.

— Что это ты, Михайло, гостя своего все стыдишь? — осуждающе покачал головой Курьян. — Это не так, то не эдак. Взял бы да одел его по-человечески, небось, не обеднеешь.

— А что? — староста поднял брови, словно удивляясь, как это ему самому не пришла такая мысль в голову. — И одену.

— Нет, что ты, — замахал руками Марсель. — Я никого не хочу беспокоить.

— Молчи, дурак, — Курьян пнул его под столом. — Знаешь поговорку? Дают — бери, бьют — беги. Сейчас тебе дают, причем по доброй воле, хоть и на пьяную голову.

Тем временем хозяин поднялся из-за стола и поставил перед собой историка, причем оказалось, что они были примерно одного роста.

— Что ж, найдем что-нибудь, — наконец, проговорил староста. — Мелковат только ты, дружок, но ничего, мало — не много, нарастет.

Услышав, как вокруг него загоготали мужики, Марсель смущенно заулыбался, дав еще один повод для всеобщего веселья.

— Ты посмотри, как застеснялся, — покатывались гости. — Прям девка на выданье. А может, ты того… Не про баб, может, а?

— Кто? — не понял сначала историк, а когда до него дошел

смысл этого слова, резко выпрямился и искренне возмутился. — Я?! Да никогда!

— Не слушай этих зубоскалов, — Михайло хлопнул покрасневшего Марселя по плечу. — Вижу, что ты правильный мужик. Пошли, подыщем для тебя рубаху и порты. Может быть, и поршни подходящие найдутся.

Уже спустя несколько минут историк очень пожалел о том, что рядом не было зеркала — скорее всего, он выглядел потрясающе. Правда, одежда была ему немного великовата, но вопрос со слишком широкими штанами легко решился с помощью шнурка — гашника, как его назвал хозяин.

— Ну, вот, — Михайло окинул взглядом гостя и остался доволен. — Теперь и ты стал похож на человека.

— Даже не знаю, как благодарить тебя, — Марсель с интересом разглядывал изящную вышивку на своей рубахе.

— Забудь, — отмахнулся староста. — Вернемся к столу.

Появление обновленного Марселя вызвало одобрительный гул. Каждый из присутствующих счел своим долгом подняться и одобрительно похлопать его по спине, причем некоторые делали это так усердно, что после нескольких таких дружеских шлепков историк с трудом удержался на ногах.

— Всё, оставьте человека в покое, — прикрикнул на гостей Курьян, заметив, что его протеже того и гляди полетит вверх тормашками, и отступил на пару шагов, разглядывая его новый наряд. — Красота!

Чувствуя головокружение, Марсель с трудом добрался до своего места и почти упал на лавку. Увидев, что Михайло снова наполняет его кубок, он попытался протестовать:

— Мне хватит! Я и так уже плохо соображаю.

— У нас не принято отказываться, когда наливают, — внушительно произнес Курьян. — Во-первых, мы всегда это делаем от чистого сердца. И, во-вторых, случается это так редко, что глупо не воспользоваться.

— Так уж и редко? — доцент сделал слишком большой глоток и икнул.

— Да уж не часто. Сейчас самый сезон заниматься посевными работами — ручейник выдался в этом году на диво теплый, так что, сам понимаешь, дел у нас достаточно. И лишние руки не помешали бы, кстати.

Несмотря на все усиливающийся шум в голове, Марсель понял, что речь шла о нем. Перспектива присоединиться к этим милым людям неожиданно показалась ему не такой уж и дурной идеей, и историк с трудом сдержался, чтобы тут же не дать согласие. Однако ему удалось вовремя взять себя в руки, и он

попытался собраться с мыслями. Хоть и не сразу, но ему все же удалось это сделать. На самом деле, какой из него, к примеру, землепашец? К тому же доцент никогда не интересовался тем, что, собственно, выращивали древние славяне, и теперь сильно жалел об этом. Тем не менее, он решил уточнить этот момент.

— И что, много чего выращиваете?

— А как иначе? — вмешался в разговор староста. — У нас с этим строго. Что земля даст, то и съешь. Все при деле. А отдохнуть и зимой успеем.

— Это понятно, — Марсель кивнул головой и тут же пожалел об этом — помещение заплясало перед глазами, и ему пришлось зажмуриться, чтобы унять этот дикий танец. Наконец, ему удалось это сделать, и он спросил: — И что же земля дает?

— А все, что можно, — Михайло принялся перечислять. — Пшеница, рожь, овес, гречиха. У нас знаешь, какие поля? Любо-дорого посмотреть. Ну, а если ты огородничать любишь, то тут тебе раздолье: хоть репу выращивай, хоть лук, а хочешь — так и огурцы с капустой. У нас это дело любят зимой — за уши не оттащишь.

— Ясно.

Если о зерновых культурах Марсель имел очень смутное представление, то огурцы у него всегда росли, как на дрожжах, равно как и капуста. А что? Может быть, действительно, устроиться здесь? Черт с ним, с университетом. Там его никто не ждет, кроме студентов, от которых уже тошнит. Семьи у него нет, даже собаку так и не решился завести. Если он вдруг исчезнет, этого никто и не заметит. Хотя, что значит «вдруг»? Он уже исчез, напомнил себе историк. Интересно, когда его хватятся? Да и хватятся ли? Ни семьи, ни друзей… Сиротинушка! Ученому вдруг стало так жаль самого себя, что он с трудом сдержал слезы.

— Ты подумай, — тем временем продолжал староста, подливая своему собеседнику медовуху. — Отказаться всегда успеешь.

2

В общем, как-то так само собой получилось, что Марсель остался. Без каких-либо взаимных обязательств или планов на будущее. Проснувшись на следующее утро в незнакомом помещении, историк некоторое время пытался сообразить, где находится. Поморщившись от головной боли, которая, несмотря на чистоту и высокое качество напитка, все же давала о себе знать, он с трудом поднялся на ноги и попытался разглядеть место, в котором провел эту ночь. Зрелище было не то чтобы плачевным, но и не особо радостным. Доцент находился в старой избе, добротной, но довольно скудно обставленной. Вместо кровати в углу комнаты стояла лавка, которая, судя по всему, заменяла кровать. Подойдя к двери, он осторожно приоткрыл ее и выглянул наружу. Двор оказался под стать избе — заросший травой и крайне запущенный. У дома имелась пристройка, выполнявшая роль то ли сарая, то ли амбара. Печальную картину дополняли покосившийся забор и пустая собачья будка.

— Что, не нравится? — Марсель обернулся на голос и увидел Курьяна, который стоял возле калитки и с насмешливым видом наблюдал за ним. — Не переживай, со временем подберем тебе что-нибудь получше, если сумеешь прижиться.

— Получше? — Марсель мотнул головой, пытаясь разогнать муть перед глазами, мешавшую ему сфокусировать взгляд на собеседнике. — Как я здесь очутился?

— Не помнишь? — удивился здоровяк. — А ты, брат, здоров пить! А ведь говорил, что не любишь это дело.

— Не люблю. Вчера это случайно вышло.

— Раз ты так говоришь, не стану с тобой препираться, — согласился Курьян. — А если в двух словах, то вы вчера договорились с Михайло о том, что ты никуда не едешь, а остаешься здесь. Не передумал еще?

— Нет, наверное, — Марсель, наконец, вышел на крыльцо, но тут же опустился на деревянные ступени. — Да ты входи, не чужие люди вроде бы уже.

— И то правда, — улыбнулся гость и, скрипнув калиткой, ввалился во двор, причем оказалось, что в руках он опять держал уже знакомый историку кувшин.

— Медовуха? — обрадовался доцент, который чувствовал острую потребность снять головную боль.

— Она самая, — улыбнулся Курьян. — Ты не подумай, у нас это на самом деле не в почете, но раз уж такое дело… Сегодня все приходят в себя, а завтра уже ни-ни. Так что поправляйся на

здоровье.

— А ты что же? — Марсель нерешительно принял протянутое ему лекарство.

— Я уже, — мужик похлопал себя по животу и огляделся. — Если чуток руками поработать, то здесь можно быстро порядок навести. Изба-то добротная, только давно пустует. А без хозяина, сам знаешь, любое жилище быстро в негодность приходит.

— А кто здесь раньше жил? — сделав несколько больших глотков, историк даже зажмурился от удовольствия — напиток моментально мягко ударил в затылок, и по телу разлилась приятная прохлада.

— Брат михайловский. Утоп он.

— Жалко.

— Не то слово. Хороший был мужик. Но не будем о грустном. Что думаешь?

— Пока не знаю, — осторожно ответил Марсель. — Ты вот что мне лучше скажи: на кой я вам сдался? По мне же видно, что я не мастак руками работать.

— Ну, это ты зря…

— Да ладно тебе, — отмахнулся доцент.

— Ну, хорошо, — Курьян почесал затылок и как-то смущенно крякнул. — Да, ты не богатырь, но нам такой и не нужен. Понимаешь, у нас все мужики, как на подбор, здоровые, косая сажень в плечах. Если не считать Михайло, конечно. Но у него своих дел по горло. Летом все в поле, на работах, даже старики — и те еще о-го-го. В селище никого не остается, кроме баб да детишек малых.

— И что?

— А то, что нам требуется тот, кто будет за всем этим хозяйством приглядывать, да за бабами нашими следить, чтобы не накуролесили.

— Не понимаю, о чем ты. Это я, что ли, должен ими руководить? — Марсель даже привстал от удивления. — Я что тебе, евнух, что ли?

— Зачем сразу евнух? — возразил Курьян. — И в мыслях такого не было. Если все будет хорошо, мы тебе бабу подходящую подыщем. Считай, что мы тебе предложение стоящее делаем. Где ты еще найдешь такие условия? Конечно, работать за тебя никто не станет, но всем остальным обеспечим. Так что думай, решай.

Марсель последовал этому совету: подумал — и решил, что это лучший из вариантов в создавшейся ситуации. Тем более что время шло, а его никто и не думал спасать из этой переделки. В конце концов, ему стало понятно, что это, по меньшей мере, надолго, если не навсегда. Со временем он даже прижился здесь,

правда, произошло это не сразу. Сначала он то и дело попадал в глупые, а временами даже опасные ситуации. Так, однажды он выразил желание присутствовать на сенокосе, поскольку прежде наблюдал за этим процессом только с экрана телевизора. Все оказалось достаточно скучно, а монотонные песни, которыми мужики сопровождали свою работу, навеяли на него сон. Задремав сидя, он завалился на бок и вполне мог закончить свои дни под косой, которая просвистела возле самого его уха, если бы не счастливая случайность — его вовремя заметили, разбудили и прогнали с поля от греха подальше. В другой раз он, увлекшись осмотром местных красот, забрел слишком далеко от дома, а поскольку стояла уже глубокая осень, то историк, застигнутый темнотой врасплох, оказался в незнакомой местности ночью. Услышав неподалеку волчий вой, который тут же подхватили еще несколько хищников, Марсель уже успел мысленно попрощаться со всеми своими новыми друзьями, однако ему опять повезло: он вышел на дорогу, по которой двигались путники, возвращавшиеся из Киева в родное село. Незадачливый ученый присоединился к ним и, таким образом, спасся. Вообще, подобных случаев было немало, но каждый раз словно ангел-хранитель уберегал его от смерти. Правда, однажды не обошлось без увечья. С началом дождливого сезона крыша избы, которая досталась доценту по наследству, начала протекать, и он, недолго думая, полез ее чинить, но поскользнулся и, скатившись вниз, едва не напоролся на вилы, которые перед этим забыл убрать в сарай. Благополучно миновав их, Марсель, тем не менее, умудрился приземлиться прямо на лицо. О том происшествии ему теперь напоминал шрам на правой щеке, делавший его немного похожим на разбойника с большой дороги.

Тогда, осмотрев его рану, Ульяна, местная знахарка, проворчала что-то о том, что шрамы лишь украшают настоящего мужчину, и выпроводила за дверь, несмотря на протесты и жалобы историка. Нужно сказать, что с этой женщиной отношения у Марселя не сложились с самого начала. Возможно, она сама по себе была таким человеком — с ней на самом деле мало кто общался, разве что в случае крайней необходимости, если кому-то было плохо, или, например, баба какая рожала. Но историк также допускал и мысль о том, что, возможно, она увидела в нем конкурента. Ведь, несмотря на свою неосведомленность в медицине, он, тем не менее, в некоторых вопросах был гораздо более продвинутым, а в плане оказания первой помощи так и вообще мог дать ей сто очков форы. Увидев, как он однажды откачал утопленника, Ульяна начала к нему относиться очень настороженно и не упускала случая как-нибудь

задеть своего неожиданного конкурента. Впрочем, женщина никогда не выходила за рамки приличий, так что Марсель старался не замечать холодной войны, которая наблюдалась между ними. В конце концов, увидев, что мужчина не претендует на ее место в обществе, целительница, наконец, успокоилась и даже периодически обращалась к нему за помощью, если не могла с чем-то справиться сама. В свою очередь, историк многому научился у нее и теперь мог считаться вполне сносным травником.

Так что можно было сказать, что он прижился, несмотря ни на что. Роль, которую отвели ему в селище, оказалась достаточно почетной: Марсель открыл в себе лидерские качества и после нескольких разносов, которые он устроил бабам, его зауважали и даже стали немного побаиваться. Кроме того, навыки дачника помогли ему усовершенствовать местную систему огородничества, которая пребывала в зачаточном состоянии. Когда в результате его участия урожай репы вырос вдвое, а огурцы и капуста вообще заполнили все кадки для солений, к нему за советом стали обращаться даже опытные хозяйки.

Единственное, что не устраивало теперь уже бывшего доцента, так это обидное прозвище, которое за достаточно короткий срок заменило ему имя. Теперь никто уже и не помнил о том, что его звали Марселем — все, от мало до велика, обращались к нему не иначе как Баламошка. Правда, никто больше не вкладывал в это слово изначального смысла, и, тем не менее, мужчина периодически пытался избавиться от него, вот только это так ни к чему и не привело. Впервые его так назвали после того, как он, задумавшись, зашел в баню в то время, когда там мылись девки. Естественно, его оттуда тут же выпроводили, наградив напоследок несколькими крепкими затрещинами.

— Баламошка! — со смехом кричали ему бабы, правда, это был едва ли не самый безобидный из всех услышанных им эпитетов. К счастью, больше никто об этом инциденте не вспоминал, иначе историк просто сгорел бы со стыда. Однако вскоре он снова попал впросак, невзначай испортив сети, которые мужики старательно расставляли на реке часа два.

— Ну, ты и баламошка, — развел тогда руками в стороны Курьян, не зная, что сказать еще.

С тех пор так и повелось — его прежнее имя, которое никто так и не смог толком запомнить, было вытеснено знакомым всем прозвищем. Сначала так его называли только мужики, которые все не могли простить ему испорченной рыбалки, а потом к ним присоединились и все остальные. Историк несколько раз пытался поставить вопрос ребром, но у него ничего не вышло —

ругательство прилипло к нему, как репей, и теперь даже он сам иногда мысленно обращался к себе на новый лад.

Освоившись, ученый узнал много нового, включая то, о чем прежде даже не задумывался. Ссоры и склоки были здесь такой редкостью, что можно было только диву даваться. Конечно, бабьи перепалки не шли в счет — эти могли с утра до вечера лаяться, выясняя, чья коса толще, или у кого хозяйство богаче. Правда, с тех пор как Марсель вошел в свои права, подобных случаев стало в разы меньше, но, тем не менее, совсем их устранить ему так и не удалось. Да и не нужно это было — иногда мужикам было даже интересно понаблюдать за тем, как их жены пытаются перекричать друг друга. В таких ситуациях они останавливали строгого смотрителя, видя, что тот уже готовится вмешаться:

— Пусть их, Баламошка. Дай бабам порезвиться, а то мы с тобой уже стали забывать, какие они у нас голосистые.

Сам Марсель как был, так и остался бобылем. Хотя, справедливости ради, нужно было признать, что Михайло не раз пытался исправить такое положение дел, представляя ему то одну, то другую бабу. Но первая была слишком толстая, хотя сам староста так, конечно, не считал. Вторая, хоть сначала и произвела на историка положительное впечатление, в какой-то момент так зычно заржала, что тот едва не упал с лавки. Третья оказалась чересчур стервозной, четвертая — глупой, пятая — молчаливой и угрюмой. И так далее.

— Ну, брат, на тебя не угодишь, — ворчал Михайло, провожая взглядом очередную неудачную пассию. — Твое дело, конечно, но так ты до самой старости никого себе не найдешь.

— Лучше жить одному, чем с кем попало, — повторил Марсель услышанную где-то мысль.

— Так-то оно, может быть, и так, — согласился староста. — Говоришь ты красиво, это всем известно. Однако ты до сих пор так никого себе и не нашел. Это, конечно, лучше, чем курощупом прослыть, но ты все же подумай. Негоже человеку в твоем возрасте самому себе кашу варить. Ведь не мальчик уже.

Марсель и сам понимал, что долго так продолжаться не может, однако ничего не мог с собой поделать. Единственная женщина, которая заинтересовала его, была как раз та самая девица, которая зыркнула на него в день его первого появления в селище. Ее звали Марусей, она была дочерью Степана, местного кузнеца, и славилась своей способностью отваживать наиболее настырных ухажеров. Стройная, как березка, чернобровая и румяная, она у многих вызывала самые естественные физические желания, но сама была непреклонна: будучи единственной дочерью, вертела отцом, как хотела, и, в конце концов, тот

махнул рукой.

— Как моя дочь скажет, так и будет, — заявил он как-то во всеуслышание. — Если ей никто не придется по нраву, я ее неволить не стану.

— А если и вправду никто не придется? — спросил кто-то.

— Значит, помрет старой девой, — грозно сверкнул глазами кузнец, и у всех как-то сразу отпало всякое желание вступать с ним в спор.

Иногда Марсель долго не мог заснуть, думая о юной красотке, но ему даже в голову не приходила мысль о том, чтобы попытаться завязать с ней отношения. Во-первых, он всегда был достаточно робок с женщинами. А во-вторых, слишком уж она была молода. Несмотря на то, что, по местным понятиям, она достигла половозрелого возраста, в нем были еще сильны представления из прежней жизни о том, что можно было считать нормой. Шестнадцать лет, как ни крути, не вписывались в границы дозволенного, которые он себе когда-то установил. Его студентки — и те были старше. Так что, повздыхав некоторое время, историк строго настрого запретил себе думать о Марусе. Хотя пару раз ему показалось, что сама девушка с интересом посматривала на него, но, поразмыслив, он пришел к выводу, что подобное было просто невозможно. Чем мог мужчина, по местным меркам уже достаточно пожилой, привлечь девицу, у которой вся жизнь была впереди?

Со временем мысли о женитьбе посещали его все реже, пока, наконец, однажды он не пришел к выводу, что одиночество — именно та зона комфорта, из которой у него не было никакого желания выходить. Это случилось как раз тем утром, когда он, проснувшись в обнимку с ведром, с удовольствием отметил про себя, что предпочел бы заночевать в сарае, только бы не показываться ни перед кем в таком состоянии. Зачем ему жена? Чтобы было, как у всех? Жалкая причина. Чтобы было кому подать стакан воды, когда он будет при смерти? Вспомнив анекдот о человеке, который женился только из-за этого, а, умирая, понял, что не хочет пить, Марсель усмехнулся и слез с импровизированной кровати, стараясь не совершать резких движений. Ему очень не хватало его любимого ортопедического матраца, о котором он почти каждую ночь вспоминал с любовью и теплотой. Пытаясь хоть как-то заменить его, он перепробовал все, однако, не добился хоть какого-нибудь удовлетворительного результата. Сено кололось и прело, пух еще нужно было умудриться достать в нужном количестве, так что, в итоге, он пришел к выводу, что возможность понежиться в нормальной постели потеряна для него навсегда.

— Баламошка! Ты спишь? Или ты не спишь?

Вздохнув, Марсель сунул ноги в домашние поршни, обувь наподобие обычных тапок, и неторопливо прошел к двери. Единственное значительное усовершенствование избы, до которого у него дошли руки, был дощатый пол. Что бы ни говорили соседи, а ходить по земле, будучи в помещении, он не мог себя заставить. Выглянув наружу, он увидел Мефодия, того самого мужика, который накануне практически дотащил его до кровати.

— Живой? — улыбнулся мужик, продемонстрировав отсутствие одного переднего зуба.

— Вполне, — приветливо кивнул Марсель. — Я, похоже, опять вчера наговорил лишнего?

— Да уж, много чего наплел. Но не переживай, мы привыкшие. Я по другому поводу.

— Опять что-то стряслось?

— Нет, тут такое дело… — Мефодий огляделся по сторонам и вдруг перешел на заговорщический шепот. — Большой человек к нам едет. Остановится переночевать.

— Такой уж большой? — недоверчиво прищурился историк. — Или как в прошлый раз?

— Что? Аа… Да нет, и вправду серьезный. Говорят, посланник греческий. К самому князю Владимиру.

— А я-то здесь при чем?

— Так ты у нас самый баечник, разве нет? Прибудет этот посланник на закате, мы его устроим, как следует, но перед этим гостя надобно угостить и разговорами развлечь. А кому, как не тебе, этим заняться следует? Вот меня Михайло и послал за тобой.

— Ох уж мне этот Михайло, — Марсель недовольно нахмурился: ему совершенно не улыбалась перспектива развлекать какого-то залетного иноземца, каким бы важным и состоятельным он ни был. — А этот твой грек — он хоть по-нашему понимает? А то я сам, знаешь, в греческом не особо силен.

— Да пес его знает, — пожал плечами мужик. — Может, понимает. А может, и нет.

— Ладно уж. Пойдем к старосте. Может быть, он знает больше твоего.

Вышагивая рядом с Мефодием, Марсель думал о том, что пора бы уже вымостить камнем отдельную дорогу от его дома к избе Михайло — настолько часто им приходилось пересекаться по внутренним делам селища. Знакомые, которых он встречал по пути, приветливо махали ему руками. Что ни говори, а его здесь

если и не особо уважали, то уж точно любили. Историк довольно быстро привык к такому положению вещей, хотя оно в какой-то мере было для него новым. В прежней жизни его уважали за профессиональные навыки и статус, но любили ли? Вряд ли.

— Здравствуй, Баламошка!

— Как дела, Баламошка?

— Давно не заглядывал к нам, Баламошка!

— У меня медовуха созрела, Баламошка!

Марсель кивал всем направо и налево, улыбаясь совершенно искренне. Неожиданно для самого себя он нашел себя именно здесь. Если отбросить в сторону всякие мелочи типа порядком доставшего ему прозвища, отсутствия водопровода и прочей ерунды, то он мог сказать с уверенностью, что был, в целом, счастлив.

Подойдя к воротам центрального здания, он увидел Курьяна, который уже поджидал его, всем своим видом демонстрирую недовольство.

— Что? — вместо приветствия спросил Марсель, считавший здоровяка своим другом и поэтому предпочитавший не допускать недомолвок между ними.

— Вы посмотрите на него, люди добрые! — мужик обратился к воображаемой аудитории и, прищурившись, смерил собеседника сердитым взглядом. — Еще спрашиваешь?

— Не понимаю, о чем ты.

— А с урумом кто собрался без меня задружиться? Не стыдно? Я-то, дурак, всюду его за собой таскаю. Если что любопытное происходит — сразу за ним бегу. А он? Тьфу, одним словом.

— Во-первых, не с урумом, а с греком, — начал историк, но Курьян его перебил:

— А по мне хоть мавром его назови, а все равно обидно и не по-людски.

— Во-вторых, — Марсель не обратил на это замечание никакого внимания, — я сам только что узнал о нем вот от него.

Мефодий, на которого теперь смотрели две пары глаз, растерянно развел руками:

— Чего? Меня Михайло послал, велел Баламошку привести. О тебе, Курьян, ничего сказано не было.

— Ах, вот оно что, — лицо мужика вытянулось, и он с извиняющимся видом взглянул на друга. — Ну, не сердись, брат. Поторопился.

— Ладно, — кивнул Марсель. — Пойдем, что ли, узнаем, что там наш староста задумал.

Оказавшись в избе, мужикам предстала такая картина:

Михайло с важным видом сидел на лавке, а вокруг него, подперев подбородки руками, восседали самые опытные и уважаемые жители селища. Картина маслом, усмехнулся про себя Марсель, здесь письмо турецкому султану сочиняется, не меньше.

— Здорово, — он поприветствовал присутствующих и обратился к хозяину. — Что нового, Михайло? Вижу, дело важное.

— Ох, и не говори, — вздохнул староста, приглашая гостей присесть. — Как снег на голову этот грек свалился.

— Кто таков?

— Да кто его разберет. Вчера дружинник от самого князя прискакал, говорит: делай, что хочешь, а чтобы посланник этот доволен остался.

— А что ж он в Витачове не переночует? Там вроде и условия получше, да и стены, как-никак, имеются.

— Все это так, но ты же знаешь тамошнего воеводу. Самодур знатный. К тому же очень нетерпим ко всяким иноверцам.

— А грек этот?..

— Он самый и есть. Дружинник тот мне по секрету сказал, что он нашего князя будет склонять в свою веру. А ты Владимира знаешь — он в последнее время сам не свой, все старается выше головы прыгнуть и всех под себя подмять.

— Не слышал.

— Ну, как же. Истуканов понаставил в Киеве. Перун теперь у него главный самый. Голова серебряная, а усы — из чистого золота. Я сам не видел, но люди так рассказывают. Я против Перуна, конечно, ничего не имею — он бог сильный, уважаемый, но нехорошо его выше самого Рода ставить. Только это между нами.

— Да, конечно… Постой. Так Владимир, говоришь, реформу провел? А какой у нас нынче год?

— Да вроде вчера еще был…

— Да, знаю, шесть тысяч четыреста девяносто шестой. Значит…

Прикинув в уме разницу, он присвистнул:

— Эге, брат, да у нас здесь намечается кое-что интересное.

— Что? — насторожился Михайло.

— Да так, — неопределенно махнул рукой Марсель. — На твоем месте я бы не стал сильно беспокоиться о том, угодишь ли ты страннику этому или нет. У него совсем другие цели и задачи. Обеспечь ему хороший стол и мягкую постель, этого будет вполне достаточно.

— А беседы?

— Ну, а беседы — это уже мое дело. Когда, говоришь, прибудет твой грек?

— На закате обещался.

— Кириллом зовут?

— Кажется, так. А ты откуда знаешь?

— Это совершенно не важно, — историк улыбнулся хозяину и поднялся. — Я пойду, нужно успеть в порядок себя привести. Зайду к тебе вечером, так уж и быть. Побалакаем с гостем дорогим.

— Думаешь, обойдется? — староста удивился беспечности Марселя, остальные мужики тоже смотрели на него с некоторым недоумением, но предпочитали помалкивать.

— Уверен в этом.

Сделав знак Курьяну не ходить за ним, он кивнул остальным и вышел за дверь. Оказавшись снаружи, Марсель тут же переменился в лице — от недавнего легкомысленного выражения не осталось и следа — и торопливым шагом направился к своему дому.

— Это ж надо было так удачно во времени переместиться, — бормотал он, машинально отвечая знакомым и друзьям. — Случайность? Возможно. Или все-таки нет? Тоже может быть. Эх, какая незадача!

В этот момент он особенно остро ощущал нехватку методических пособий, которые помогли бы ему восстановить хронологию времени, в котором он оказался. Однако и без вспомогательных материалов ему было совершенно ясно, что странник, так взбудораживший воображение Михайло, был никаким не греком, а византийцем, представлявшим греческую православную церковь. Именно с разговора с ним в свое время началось крещение Руси. Вернее, вот-вот начнется, если исходить из того, где и когда находился историк. Скорее всего, Владимир уже принял — или принимает прямо сейчас — мусульман, иудеев и католиков. Что ж, Марсель помнил, чем все должно было закончиться. Смирившись с мыслью о том, что до конца своих дней так и не сможет выбраться отсюда, он даже в самых смелых мечтах не предполагал, что когда-нибудь окажется сопричастным таким значительным событиям мирового масштаба.

Оказавшись дома, ученый некоторое время стоял посреди большой комнаты, пытаясь вспомнить, куда же он мог спрятать свой дипломат. Первое время он старался постоянно держать его на виду, потому что в нем хранились документы и рабочие записи, на которые Марсель, будучи преподавателем, опирался в своих лекциях. Сначала доцент даже пытался вести дневник, куда записывал все, что казалось ему важным. Но время шло, и, в конце концов, «заморская торба», как называл ее Курьян, оказалась засунута подальше и благополучно забыта. И теперь,

когда она вдруг понадобилась, ее не оказалось под рукой.

— Да где же ты?! — Марсель, перевернув все вверх дном, наконец, остановился и закрыл глаза, стараясь представить, куда бы он положил такую вещь, как дипломат, если бы пришлось делать это сейчас. — Ну, да, конечно!

Отодвинув от стены конструкцию из связанных между собой лавок, мужчина, радостно вскрикнув, извлек на свет единственное напоминание о своем прошлом. Быстро набрав код, он отщелкнул замок и, затаив дыхание, заглянул внутрь. Вдохнув полузабытый запах офисной суеты, он, к своему удивлению, не почувствовал никакой тоски по прежней жизни и улыбнулся с довольным видом. Взяв в руки давно разрядившийся мобильный телефон, историк некоторое время рассматривал его пластиковый корпус, а затем бросил обратно — в нынешних условиях дорогой девайс был лишь забавной безделушкой, которую можно было использовать разве что в качестве подставки. Копаться в записях он не стал — в них все равно не было ничего полезного, так, заметки, не более. Однако ему нужно было срочно собраться с мыслями и попытаться вспомнить все, что он знал когда-то об этом периоде. Это оказалось не так просто. Марсель лучше многих знал о том, что история никогда не была точной наукой — в критические моменты она становилась эластичной и податливой, и ей придавали форму, которая была угодна тем, кто находился у власти. Западные ученые всегда были склонны принижать роль славян в мировой истории, и потому данные, которые были доступны работникам его уровня, не отличались ни достоверностью, ни хоть какой-то упорядоченностью. Он часто обсуждал печальное положение вещей со своими коллегами за чашкой чая, но большинству из них было наплевать на то, что именно они преподают — правду или вымысел. Учебные материалы были одобрены Министерством образования, значит, им можно было доверять.

Тем не менее, из всей той кучи мусора, которую представляли собой его знания, можно было выделить крупицы истины, которые подтверждались имеющимися историческими артефактами.

— Итак, что мы имеем?

Марсель раскрыл блокнот и принялся записывать все, что могло ему пригодиться во время предстоящей встречи. Разница между славянским и григорианским календарями составляла пять тысяч пятьсот восемь лет, значит, сейчас шел девятьсот восемьдесят восьмой. Почему он раньше не вспомнил об этой знаменательной дате? Уж кому-кому, а ему-то следовало обратить внимание на это. Кирилл не скажет Владимиру ничего

особенного — так, общие слова. Значит, должна быть еще какая-то причина, по которой князь предпочтет греческое православие остальным конфессиям. Официальная наука не давала на этот вопрос однозначного ответа. Вроде бы Владимир намеревался таким образом объединить всех славян, мол, обновленный языческий пантеон не сработал, так, может, с этим получится. Однако ученый уже не был уверен в том, что именно эта причина стала основной. За тот год, что Марсель прожил среди этих людей, он не заметил ни единого намека на раскол внутри общества. Далекие предки, поклонявшиеся разным богам, были гораздо более сплоченными, чем его современники, носящие на груди крест. Впрочем, он мог и ошибаться — политология никогда не была его любимым предметом.

Оставался открытым вопрос о том, кем вообще был этот Кирилл, который в исторических источниках фигурировал как «философ». Как только ему удастся разобраться в этом, тут же станет ясно, как вести себя с ним. Представив себе ситуацию, которая подтвердила бы догадки некоторых ученых теоретиков о том, что начало крещения Руси якобы началось задолго до Владимира, Марсель ухмыльнулся. А что? Встать перед ним в третью позицию и представиться: так, мол, и так, я из будущего к вам явился, там все не то чтобы плохо, но как-то не очень. Может быть, покумекаем вместе и придумаем, как все изменить?

— Эй, старик, о чем ты? — историк одернул себя. — Может быть, этот византиец вообще не захочет с тобой говорить. Приедет, поест-попьет — и на боковую. А утром его и след простынет.

Внезапно ему в голову пришла дерзкая мысль, и он даже зажал себе рот рукой, словно боялся, что кто-то услышит его мысли. Глядя прямо перед собой, он некоторое время бесшумно шевелил губами, а потом вскочил на ноги и принялся мерять комнату шагами. Поведение ученого объяснялось легко: он вдруг осознал, какая власть оказалась в его руках. Ведь, если подумать, он мог изменить судьбу целого народа. Какой бы она была, если бы славяне в свое время предпочли иную религию? Не христианство, не ислам, не иудаизм, а свое, исконное? Представив себе капища Сварога и Макоши в реалиях двадцать первого века, историк даже зажмурился от удовольствия. Кто знает, возможно, тогда все пошло бы совсем иначе?

Стоп, в очередной раз остановил себя Марсель. Иначе не значит лучше. Никто не давал ему права на проведение таких опасных экспериментов. К тому же он совсем не был уверен в том, что, внеся подобные изменения в историю человечества, он сам не исчезнет вместе с православием на Руси. Да и будет ли она —

Русь? Не факт.

Нет, сказал себе мужчина. По какой бы причине он ни попал сюда, ему следовало относиться к своей миссии ответственно. Даже если все произошло по нелепому стечению обстоятельств, он все еще оставался разумным человеком, а не ребенком, который, высунув язык, тянется руками к оголенным проводам только для того чтобы посмотреть, что будет дальше.

— Баламошка! Ты дома?

Наверное, он так увлекся этим внутренним диалогом с самим собой, что не услышал, как Курьян звал его. Во всяком случае, раньше он никогда не позволял себе заявляться вот так, без приглашения. Несмотря на дружеские отношения, которые почти сразу установились между ними, мужик почему-то всегда был очень предупредительным по отношению к нему, иногда даже чересчур. Эта его черта долго была непонятна Марселю, и однажды он даже задал этот вопрос приятелю.

— А чего это ты ко всем без приглашения вламываешься, а меня каждый раз зовешь из-за калитки? Боишься, что ли?

— Не то чтобы боюсь, — Курьян отчего-то замялся.

— А что тогда?

— Не знаю, как сказать, чтобы не обидеть тебя.

— Говори, как есть. Это самое верное.

— Ладно. Ты не такой, другой. Не чужой, но другой. Трудно объяснить.

— И что же во мне не так? — удивился Марсель.

— Да все.

— Ну, допустим. И что, из-за этого ты стесняешься ко мне в дом зайти?

— Ты будешь смеяться, друг, но — да, стесняюсь. Как девка перед первой брачной ночью.

Решившись, наконец, на такое признание, мужик вздохнул с облегчением и расхохотался, и Марсель, не сдержавшись, присоединился к нему. Этот разговор так и остался между ними, но, несмотря на это, Курьян не стал менять своих традиций и каждый раз продолжал звать друга, пока тот не выглядывал в окошко или не выходил на крыльцо. Только после этого гость решался войти. Должно было произойти что-то невероятно важное, чтобы упрямец изменил своим привычкам.

— Курьян? — историк окинул взглядом нежданного посетителя, чтобы убедиться, что с ним все в порядке, и только после этого поинтересовался причинами вторжения. — Случилось что?

— Ничего такого. Но у меня к тебе просьба.

— Такая, что ты не мог подождать? Ну, говори, раз так.

— Не встречайся ты с этим греком, или как его там называют. У меня предчувствие плохое.

— Вот тебе раз. С чего бы это вдруг у тебя — и предчувствия?

Марсель был одновременно удивлен и не на шутку обеспокоен таким заявлением. Что могло заставить Курьяна, который никогда не был суеверным, вспомнить о такой невесомой субстанции как предчувствие?

— Расскажи-ка мне поподробнее о том, что это вдруг взбрело тебе в голову, — Марсель решил, что прежде чем давать ответ, он просто обязан был хотя бы выслушать своего друга.

— Не поверишь, но после того как ты ушел, как-то мне стало неспокойно, хотя Михайло с остальными мужиками вроде бы остались довольны твоими словами.

— Так не ходи никуда и ничем не занимайся, авось, пройдет. Что тебя беспокоит? Поведай уж, наконец, не томи.

— А вот что. Большие перемены идут, это все чувствуют. Ты думаешь, мы не понимаем, зачем Владимир новых богов на престол возвел? Дело ясное — человеку мало повелевать своей дружиной, он хочет всеми управлять.

— Разве это не так?

— Как тебе сказать… Вроде бы и так, да не совсем. Сегодня один князь, а завтра — другой. И каждый правит по-своему.

— Может быть, это и не плохо вовсе? — Марсель грустно усмехнулся — его собеседник говорил вполне разумно.

— Может быть, и так. Однако одно дело, когда человек приходит к тебе и говорит, мол, так и так, хочу объединить всех под своей властью, чтобы оградить вас от врагов со стороны. Будете жить со мной в мире и достатке. Таким разговорам мы всегда рады. Но ведь князь поступает иначе. Играет с нами, будто мы дети малые. Понавтыкал истуканов, думал, наверное, что это на нас подействует. Но наши боги и не такое видывали, ничего, переживут. Выходит, не получилось у него ничего. Теперь, думается мне, он новую пакость какую-то затеял. Я слышал кое-что о греках и их боге. Говорят, там свободой и не пахнет. К тому же многие здесь помнят покойного князя Аскольда, который тоже был из этих. А Владимир — он посерьезнее Аскольда будет. Настырный князь, молодой, горячий. Ох, боюсь я, что добром это не закончится.

— Допустим. Ну, а я-то тут при чем?

— Так зачем тебе Кирилла этого разговорами развлекать? — Курьян хитро прищурился и, наклонившись к собеседнику, перешел на заговорщический шепот. — Нам нужно сделать все наоборот, чтобы он поскорее восвояси убрался. Ты не ходи, пусть с ним вон Михайло сам болтает, он его быстро утомит. В

медовуху я ему навоза накидаю, остальные блюда тоже испорчу. Чай, поймет, что ему здесь не рады, если не дурень.

— Как у тебя все просто выходит, — Марсель, представив лицо посланника, отхлебнувшего напиток с дерьмом, не выдержал и рассмеялся. — Если бы все было так, как ты говоришь, я бы точно не пошел.

— Думаешь, не сработает? — искренне огорчился мужик.

— Уверен в этом. Не затем он в такую даль ехал, чтобы поворачивать назад, когда до цели уже рукой подать. Чай не из соседнего селища прибыл. Так что, друг, придется мне все-таки побеседовать с дорогим гостем.

— Тоже мне, дорогой, — фыркнул Курьян. — Может быть, тогда сказать ему, как есть? Мол, не нужен нам здесь ни ты, ни вера твоя.

— Ну, скажу я ему так, и что? Он нажалуется князю, а тот, по твоим же словам, молодой и горячий — вступится за оскорбленного гостя, пришлет сюда кого-нибудь из своих молодцев башку мне открутить. Нет, я на такое не согласен.

— Да, нехорошо получится, — с угрюмым видом согласился здоровяк. — Что же тогда нам делать?

— Так уж и нам? — Марселя позабавило стремление его собеседника всюду совать свой нос. — Ничего не делать. Тебе — отдыхать и держать ухо востро на всякий случай. А я пока постараюсь узнать, чего от нас этому посланнику надо. Может, что важное удастся вытянуть из него.

В первый момент Курьян насупился, но тут же его лицо просветлело, и он хлопнул себя по колену.

— Точно! Выведать все, а потом уже действовать. Ну, ты голова!

— А ты что хотел? С вашими бабами пообщаешься с моё, и не такому научишься.

— А может, ему на самом деле какую бабу подсунуть? — неожиданно предложил мужик. — У нас, правда, гулящих нет, но я могу быстренько в Витачов сгонять. Может, там?..

И Курьян вскочил на ноги, уже готовый мчаться на поиски девиц легкого поведения, однако историк остановил его.

— Не торопись, это ни к чему.

— Почему же?

— Во-первых, с чего ты взял, что раз их нет здесь, они отчего-то должны появиться в соседнем селище? Как-то не по-соседски это. Во-вторых, не забывай, кого ты соблазнять собрался. Это тебе не купец какой-нибудь, чтобы на бабу слюни пускать.

— И то правда, — смутился было Курьян, но тут же его глаза снова заблестели. — Тогда возьми меня с собой!

— Это зачем же? Ты чего удумал?

— Ну, раз ты не хочешь ему от ворот поворот дать, дай уж хотя бы мне поглядеть на это чудо-юдо. От него не убудет ведь.

— Ох, боюсь я что-то…

— Буду молчать.

Марсель с сомнением посмотрел на мужика, но у того были такие честные глаза, что он, наконец, сдался.

— Ну, ладно. Пусть будет по-твоему.

— Добре, значит, встретимся у Михайло.

Курьян поспешил закончить этот разговор и быстро попрощался, чтобы у его собеседника не было времени передумать. Марсель же, оставшись в одиночестве, еще некоторое время размышлял над тем, к чему все это может привести. Вздорный друг беспокоил его меньше всего — максимум, что он мог сделать, это ляпнуть какую-нибудь глупость. Скорее всего, церковник за время своих странствий сталкивался и не с такими несдержанными на язык простолюдинами, что ему с них? Оставалось только решить, как самому вести себя с Кириллом — раз уж он принял решение не вмешиваться в естественный ход истории, то это накладывало на него определенные обязательства. Представитель селища в пару сотен душ — это уже что-то, особенно учитывая относительную немногочисленность населенных пунктов в десятом веке. Что ж, историк устал переливать из пустого в порожнее и решительно поднялся — значит, он будет действовать по обстоятельствам, в крайнем случае, притворится дурачком, чтобы хоть как-то соответствовать своему прозвищу.

3

Выйдя наружу, он, скорее по привычке, чем по необходимости, прошелся по селищу, чтобы проверить, все ли идет своим чередом. Шум возле дома кузнеца привлек его внимание, и он направился в его сторону. Стараясь не привлекать к себе внимания, Марсель встал в сторонке и некоторое время наблюдал за происходящим. Степан стоял на крыльце своей избы, недовольно хмурясь, а перед ним, размахивая руками, распиналась Авдотья, дородная баба лет сорока.

— Нет, ты мне скажи, — наступала она на мужика, который был выше ее, как минимум, на две головы, — она что, считает себя лучше моего мальчика?

— А если и так, тебе какое дело? — прогудел в ответ кузнец.

— Как это — какое дело? — кипятилась Авдотья. — Чем это вы лучше? Скотина у вас упитаннее, что ли? Или, может быть, хата красивее? Говори!

— Мне без надобности спорить с тобой, — Степан попытался отмахнуться от нее и вернуться в дом, но баба не унималась. — Да отстань ты, ветрогонка!

— Я тебе покажу ветрогонку! — возмутилась женщина. — У тебя товар, у меня купец!

— Забирай своего купца и засунь его себе в…

Увидев, что кузнец начинает терять терпение и уже готов взорваться, Марсель вышел из своего укрытия и направился к ссорящимся. Степан заметил его и с облегчением воздел руки к небу.

— Ну, слава богам! Баламошка, друг мой, успокой, пожалуйста, эту… — не зная, каким эпитетом наградить Авдотью, кузнец некоторое время пытался подобрать подходящее слово, но так и не смог этого сделать.

— Что случилось? — историк уже понял, что к чему, но решил выслушать обе стороны.

— А я расскажу, — женщина обрадовалась третьей стороне и поспешила поведать свою версию произошедшего. — Ты ведь знаешь Мирошу, сыночка моего ненаглядного?

— Конечно, — кивнул Марсель, который действительно был хорошо знаком с Мироном и считал его не только лентяем, но и редкостным дурнем. — Ты можешь им гордиться.

— Вот и я о том же! — Авдотья победно взглянула на Степана, а тот удивленно моргнул несколько раз, услышав такую характеристику. — Но вот какая штука вышла. Мироше, сыночку моему, пора жениться. Я ему уже трех девок предложила на выбор

— одна краше другой. Говорю, хоть завтра свататься пойдем.

— А он?

— А он заладил одно: мол, только Маруся мне мила. Жить без нее не могу, делай, мама, что хочешь, а мне ее добудь. Вот скажи мне, Баламошка, разве можно такой великой любви препятствовать?

— Любви — нельзя, конечно. Но она должна быть взаимной, — мягко остудил напиравшую бабу Марсель. — А что же сама Маруся говорит?

— Не хочет она замуж за Мирона, — проворчал Степан. — А я ее неволить не буду. Она свободный человек, сама должна решать, с кем жить и от кого детишек рожать.

— Разумно, — кивнул историк. — Так чего же ты хочешь, Авдотья?

Женщина, задохнувшись от возмущения, уже набрала в легкие воздуха, чтобы разразиться очередной гневной тирадой, но Марсель ее опередил.

— Мироше нужна жена, похожая на тебя. Ведь кто лучше матери знает, что для родного дитяти лучше, верно?

— Верно, — протянула женщина, не понимая, куда клонит собеседник.

— А разве Маруся сможет сделать Мирона счастливым? Своенравная, упрямая — вся в отца. И сама будет грустить, и сыночку твоему жизнь испортит. А ты ведь знаешь, как сложно у нас с разводами. Проще уж до самой смерти мучиться, чем с бабой разойтись. Вот и скажи мне: хочешь ты такого для своего парня?

— Что ты! — Авдотья округлила глаза и замахала на Марселя руками. — И в мыслях подобного не было!

— Тогда зачем шумишь? Степан, можно сказать, тебе одолжение большое сделал, беду отвел. А ведь мог и кулаком по столу стукнуть — и пошла бы Маруся за Мирошу как миленькая. А потом — хоть камень на шею и в омут с головой.

— Ох, какие ты страсти рассказываешь, — женщина вдруг успокоилась и, как ни в чем не бывало, кивнула кузнецу. — Бывай, соседушка. Не обижайся на меня, глупую. За сына обидно стало, не сдержалась.

— И ты не поминай меня лихом, — Степан так обрадовался неожиданной развязке, что даже не пытался скрыть довольную улыбку.

Проводив Авдотью взглядом, он повернулся к своему спасителю и развел руками в стороны:

— И как у тебя получается справляться с этими визгопряхами? Диву даюсь…

— Это опыт, братец, — отозвался Марсель. — Силой с ними ничего не решить. Они, может, и подчинятся, но затаят злобу. А нет ничего опаснее мстительной бабы.

— Твоя правда, — кивнул кузнец.

— А что Маруся-то? — поинтересовался историк. — Так и не надумала замуж? Пора уже. А то засидится в девках, потом сама жалеть будет.

— Да знаю, — Степан погрустнел. — Но что я могу поделать? Ты знаешь нашу беду. Мать ее умерла при родах, единственная для меня радость — это Маруся, доченька моя. Иногда сам себе бабу какую напоминаю, но ничего поделать не могу. Разбаловал я ее. Как представлю, что она несчастлива, так все внутри переворачивается.

— Но ты не станешь противиться ее выбору?

— Что ты! Да я только рад буду, если она своего любимого найдет. Но тут такая штука…

Степан оглянулся, чтобы убедиться, что дочери нет рядом, и отвел Марселя подальше от крыльца.

— Тут такая штука: мне кажется, что у нее кто-то есть на примете, но она почему-то не хочет мне ничего говорить.

— Откуда такие мысли?

— Сам посуди. Помнишь, какая она раньше была? Хотя, откуда тебе помнить, ты же у нас недавно совсем. Но это не важно. Веселая была, все время с подружками бегала, домой не загонишь. А теперь все чаще в хате сидит, подолгу на стены смотрит. Когда думает, что я ее не вижу, тайком плачет. Вышивать начала, хотя сроду этим делом не увлекалась.

— Может быть, по матери тоскует? — предположил Марсель.

— Это вряд ли. Она ведь не знала ее, откуда тоске взяться?

— Да, тут ты прав… Тогда не знаю, что и думать. Могу только посоветовать дождаться, пока все само разъяснится.

— Меня беспокоит, что она ни с кем не общается. Если бы кто-то у нее появился, я бы первым об этом узнал — до того дошел, что начал за родной дочкой следить, представляешь?

— И что, выследил кого-нибудь?

— Нет, — хмуро ответил кузнец. — Может, она влюбилась в женатого?

— Что ты! — воскликнул Марсель, но тут же опять понизил голос до шепота. — Я Марусю знаю, она девушка честная, никогда бы не стала связываться с чужим мужиком.

— Вот и я так думал. Но девка прямо на глазах чахнет, словно ее приворожил кто. По ночам спит плохо, ворочается, разговаривает во сне. Я хоть и в соседней комнате ночую, но все слышу. Может, ты с ней поговоришь? Я не умею нужные слова

подбирать, а тебе она, глядишь — и расскажет все. Что думаешь?

— Я?! — Марсель не ожидал такого поворота и поэтому смутился. — Не знаю… Я все больше с бабами привык, знаешь. А с молодыми девками так и не научился общаться, не разумею я их. Да и кто лучше родного отца своего ребенка поймет? Нет, друг, не обижайся на меня, но я в этом деле тебе не помощник. Боюсь наломать дров — ты потом и сам мне благодарен не будешь.

— Эх, — погрустнел Степан. — Что ж мне делать с ней?

— А ты оставь, как есть, — предложил историк. — Может, перебесится. А там и любимый появится.

— Твои бы слова — да Макоши в уши, — кузнец улыбнулся светлым мыслям и похлопал собеседника по плечу. — Ну, бывай. Спасибо тебе за то, что выслушал. Поговорил с тобой — и сразу как-то легче стало. Может быть, я действительно сам себе напридумывал всякого.

— Вот и ладно, — Марсель улыбнулся и, помахав мужику рукой на прощание, вышел за калитку.

Кузнец некоторое время смотрел ему вслед, а потом, вздохнув с видом человека, с плеч которого свалился большой груз, направился к кузнице, которая находилась тут же. Если бы он обернулся, то увидел бы, что дверь в избу была слегка приоткрыта — в небольшую щелку все это время за ними следили внимательные глаза Маруси. Девушка никогда не любила подслушивать чужие разговоры, но в этот раз ничего не смогла с собой поделать. Отец был прав, она действительно влюбилась, причем это чувство, как ей казалось, было безответным. Прежде она старалась как можно чаще попадаться на глаза Баламошке, но тот почему-то упорно не замечал ее. Или делал вид, что не замечает. В конце концов, Маруся поняла, что не нужна любимому. Рассматривая свое отражение в пруду, она гадала, что же в ней не так. Разве не красивая? Вроде бы нет, все при ней. Глупая? Если бы у нее была возможность доказать, что это не так… Но она ведь не могла просто подойти к нему, чтобы поболтать. Что люди подумают? Промаявшись почти год, она потеряла всякий интерес к играм, перестала общаться с подругами, превратилась в настоящую затворницу. И ведь отца можно понять — он хоть и делает вид, что не хочет давить на нее, все же не может скрыть своего беспокойства. Это и понятно, ей уже шестнадцать, все ее сверстницы давно семьями обзавелись, некоторые даже успели родить. А она, к которой столько раз сватались парни со всех окрестных деревень, до сих пор в девках ходит. Что ж, вздохнула Маруся, значит, доля у нее такая. А не станет Баламошка на нее и впредь внимание обращать — так

уйдет в капище, Сварогу невестой станет. Там ее уж точно никто не заставит от нелюбимого детей рожать.

Вытерев рукавом мокрые от слез глаза, девушка отошла от двери и, постояв в нерешительности некоторое время, села на лавку возле окна, где у нее хранились инструменты для рукоделия. Вытащив из небольшого сундука, который в свое время смастерил для нее отец, белую мужскую рубаху, она бережно развернула ее и взглянула на незаконченное украшение. Она трудилась над ним уже второй месяц, и работа была почти закончена — ни у кого в селище не было одежды с такой тонкой вышивкой. Маруся втайне надеялась однажды преподнести этот подарок Баламошке. Может быть, тогда он поймет, что творится у нее в сердце?

Тем временем Марсель уже подошел к избе старосты и теперь с неодобрением наблюдал за кипучей деятельностью, которую Михайло развел во дворе. Всюду суетились мужики, которые выдергивали сорняки, чинили лавки и занимались, по мнению ученого, бесполезным украшательством. Хорошо, что они еще не додумались дорогого гостя с транспарантами встречать, усмехнулся историк, но тут же икнул от неожиданности — на воротах, которые прежде украшал трезубец, символизировавший строение мира, теперь красовался православный крест с дополнительными перекладинами в верхней и нижней частях.

— Ты что это тут учудил? — заметив хозяина дома, Марсель подошел к нему и кивнул в сторону ворот. — Зачем?

— А, Баламошка! — обрадовался Михайло. — Хорошо, что ты пришел. А мы здесь порядок наводим. Не нравится?

— Порядок — это ладно. Крест-то зачем? Или ты вдруг христианином сделался?

— Нет, конечно, — хитро прищурился староста. — Но никто ведь не знает, кто таков этот Кирилл, так что можно и приятно сделать человеку, верно?

— А заодно и себя не обделить, м?

— Не без этого, — потер руки Михайло. — А крест — это так, только на время. Вот уйдет наш грек в Киев, мы снова приведем все в должный вид.

Ученый и не думал осуждать предусмотрительного мужика — ему нужно было, в первую очередь, думать о селище, а не о собственной гордыне. Так что его действия были вполне обоснованными, тем более что остальные, вроде бы, не возражали.

— А что, ты уже пришел посланника встречать? — удивился Михайло. — Не рановато?

— Думаю, в самый раз, — отозвался Марсель. — Я бы на

твоем месте тоже поторопился. Некрасиво будет, если Кирилл приедет прежде времени и застанет всю эту возню. Подумает, что мы только ради него порядок наводим, а сами живем в грязи.

— Это ты правильно говоришь, — засуетился староста. — Всё, мужики! Расходитесь! Благодарность всем, не забуду.

Работники тут же бросили заниматься своими делами и, не споря, потянулись к выходу. Как только вышел последний из них, хозяин оглядел результаты их деятельности и с довольным видом подмигнул Марселю:

— Может быть, почаще гостей таких приглашать? А что? Мне нравится.

Рассмеявшись такой незатейливой хитрости, историк, тем не менее, покачал головой:

— Не стоит. Тебя быстро выведут на чистую воду.

— А жаль…

— Согласен. А куда Курьян запропастился? Он вроде бы хотел участвовать во всем этом. Или передумал?

— Какое там! — махнул рукой Михайло. — Я его за медовухой послал. Она у него, сам знаешь, самая забористая на всю округу. Другой такой днем с огнем не сыщешь.

— Это правда, — курьяновский напиток, действительно, ни в какое сравнение не шел с той медовухой, что готовили в доме старосты. Мужики не раз пытались выведать у него секрет, но тот лишь отшучивался. — А вот и он, легок на помине.

Как раз в это время в воротах показалась могучая фигура Курьяна, который, пыхтя, тащил два здоровенных глиняных сосуда, которые, судя по его покрасневшему от напряжения лицу, были полны до краев. Опустив ношу на крыльцо, он потянулся, чтобы размять спину, и весело кивнул Марселю:

— А ты говорил: не нужен я здесь. Еще как нужен!

— Признаю свою ошибку, — улыбнулся ученый и обратился к Михайло. — А что, посланник-то один приедет? Или его сопровождать кто будет?

— Такие люди в одиночку не путешествуют, — отозвался староста. — Мне человек из Киева сказал, что с ним охрана едет, несколько всадников. Правда, кажется мне, что брешет он.

— Чего так?

— Так он мне по секрету поведал, что всадники эти лицом черные, словно сажей обмазались. Разве такое возможно?

Услышав описание спутников Кирилла, Марсель усмехнулся про себя, а вслух поспешил развеять сомнения своего собеседника.

— Так то мавры. Не переживай, они такие же люди, как и мы, только черные. Ну, и по-нашему вряд ли говорят, конечно.

— Ты смотри, — Михайло с уважением взглянул на просвещенного собеседника. — А еще, говорят, лицо самого посланника этого под маской скрыто. Что под ней — это никому не известно. Может быть, и не человек он вовсе.

— Не говори глупостей, — со смехом отмахнулся ученый. — Обычная мера предосторожности. Или для пущей важности. Смотри, вот я такое же нацепил на себя — что, в чудище какое превратился?

Марсель взял с лавки оставленную кем-то из детей маску Велеса с прорезями для глаз, изготовленную из древесной коры, и взглянул на собеседника.

— Ну, как?

— То другое… — протянул Михайло.

Он хотел еще спросить о чем-то, но вдруг его отвлек какой-то шум. Староста уже хотел выйти за ворота, но в этот момент во двор вбежал запыхавшийся Мефодий и возбужденно замахал руками:

— Едут! Едут!

— Как? Кто едет? — ахнул Михайло.

— Посланник едет! — мужик сделал круглые глаза. — А с ним на лошадях люди с такими черными лицами, что страшно становится! А сам-то…

— Почему так рано? — засуетился хозяин, перебивая рассказчика. — Рано же!

— А я говорил, — спокойно улыбнулся Марсель, хотя тоже ощущал волнение перед встречей со священником. — Но не беспокойся. Лучше встречай дорогих гостей.

— Да, да, ты прав.

С помощью Курьяна староста распахнул настежь тяжелые деревянные ворота — и сделал это вовремя, потому что к этому моменту вся процессия, сопровождаемая толпой любопытных зевак, уже достигла пункта своего назначения и теперь стояла напротив. Столкнувшись взглядом с чернокожим всадником, который, судя по всему, был начальником охраны, Михайло вдруг оробел — настолько тот имел устрашающий вид. Поняв, что староста хозяин готов сесть в лужу, Марсель пришел ему на выручку. Оттеснив старосту, он поприветствовал гостей и жестом пригласил их войти:

— Добро пожаловать! Кони вам уже ни к чему, можете оставить их здесь — их накормят и напоят.

Было непонятно, понял ли всадник его слова, или просто сориентировался в ситуации, но уже в следующий момент он подал знак своим людям и сам легко спрыгнул с лошади, при этом продемонстрировав саблю, изогнутую по типу арабского

шамшира. Заметив, с какой грациозностью он передвигается, Марсель подумал, что не хотел бы иметь его среди своих врагов. Однако уже в следующий момент внимание ученого привлек новый персонаж: наряд посланника, состоявший из широкой накидки темного цвета, не позволяла угадать ни его возраста, ни комплекции — он с одинаковой долей вероятности мог быть как стариком, так и совсем молодым человеком. Лицо также было скрыто под капюшоном — когда эта таинственная личность прошествовала мимо него в дом, Марсель постарался, словно невзначай, заглянуть под него, но не смог ничего рассмотреть.

Прежде чем завести хозяина в избу, глава службы безопасности, как его успел мысленно окрестить Марсель, послал туда двух своих помощников, и только после того, как они подтвердили безопасность, сделал знак церковнику, что можно войти. Ученый никак не ожидал таких предосторожностей, и был неприятно удивлен, когда слуги Кирилла ощупали его с ног до головы, не стесняясь прикасаться к самым интимным местам.

— Ну, хватит уже! — вскипел он, наконец, когда один из мавров принялся ощупывать его ягодицы. — Не дома у себя, небось!

Тут же из хаты показался начальник охраны и взглянул на своего подчиненного. Тот подошел к нему и что-то проговорил вполголоса. Внимательно выслушав его, телохранитель Кирилла нахмурился и довольно внятно проговорил, немного коверкая русские слова:

— Повиноваться должен.

— Кто, я? — Марсель удивлялся собственной смелости, но его почему-то взбесила рабская покорность, с которым тот же Михайло позволял осматривать себя перед своим же домом. — А кто ты такой, чтобы я тебе повиновался? Женой своей управляй, умник!

Разозлившись, ученый добавил про себя несколько ругательств, смысл которых вряд ли мог быть понятен присутствующим, и развернулся, чтобы уйти. Староста пытался остановить его, но он только раздраженно отмахнулся. Направляясь к выходу, он вдруг обнаружил, что в суматохе совершенно забыл о том, что так и не снял с себя маску Велеса, и усмехнулся, представив, какое впечатление мог произвести его внешний вид на гостей. Он уже собирался снять ее, но в этот момент услышал, как кто-то окликнул его.

— Постой!

Остановившись возле ворот, Марсель обернулся и заметил, что в дверном проеме показалась фигура в темных одеяниях. Охранники тут же расступились в стороны и опустили головы.

Тем временем посланник вытянул перед собой руку и поманил ученого:

— Заходи. Муса погорячился. Он очень исполнительный, но иногда не знает меры в своем усердии. Мне сказали, что ты тот, кто будет развлекать меня беседами. Что ж, начало мне уже нравится. Думаю, будет забавно.

Голос не принадлежал старику, но и молодой человек не мог быть его обладателем. Скорее всего, Кирилл был его ровесником, подумал ученый. Что ж, это даже хорошо — им будет легче найти общий язык. Не раздумывая больше, он прошел в дом, по пути смерив Мусу презрительным взглядом, но тот не обратил на него никакого внимания.

Оказавшись в знакомой обстановке, Марсель немного расслабился и, не дожидаясь приглашения, опустился на лавку, которая стояла рядом со столом. Гость все еще скрывал свое лицо, однако по его движениям было видно, что он чувствует себя здесь совершенно свободно — подойдя к столу, он несколько секунд рассматривал угощения, которые приготовил для него Михайло, а затем, не оборачиваясь, вдруг обратился к ученому:

— Почему ты не повиновался моему слуге?

— А должен был?

— Я так думал.

— Я и тебе подчиняться не должен, что мне твой слуга? — историк решил придерживаться прежней стратегии, которая уже сослужила ему добрую службу, и говорить искренне.

— Забавно, забавно…

— Что именно?

— Речи твои так не похожи на местных.

— Чем же?

— Они люди неиспорченные, в каком-то смысле наивные. Для них свобода — естественное состояние, так что если ее отнять, они сначала даже не заметят этого. Это я про твоего друга говорю. Он ведь местный староста, если я не ошибаюсь?

— Ты противоречишь сам себе.

— Нисколько. Если человек не допускает мысли о том, что кто-то покусится на его свободу, он до последнего будет верить в то, что просто что-то не так понял.

— Странные речи для православного христианина.

— А много ли ты знаешь о христианстве?

— Достаточно.

— Даже так?

Марселю показалось, что в голосе его собеседника прозвучало удивление, однако уже в следующий момент церковник снова заговорил прежним тоном.

— Откуда же тебе, друг мой, известно о нас? На путешественника ты не похож. И, судя по всему, не жрец.

— Я любознателен.

— Это я вижу. А еще я вижу, что тебе здесь не место. Так кто же ты?

Это заявление не понравилось ученому. Он подумал, что слишком увлекся самолюбованием, и впредь ему стоит быть осторожнее. Кирилл искусно сыграл на его самолюбии, выделив среди прочих, и теперь, по всей видимости, решил, не откладывая дела в долгий ящик, вывести его на чистую воду. Неужели он производил впечатление настолько глупого человека? Откашлявшись, Марсель представился:

— Меня здесь прозвали Баламошкой.

— Странное имя.

— Какое есть. И — да, я действительно не здешний, пришел всего год назад.

— А до этого? — перемена в собеседнике не осталась незамеченной, и теперь голос из-под капюшона звучал озадаченно.

— Не помню, — пожал плечами Марсель. — Память напрочь отшибло.

— Ты знаешь, почему я попросил тебя остаться? — получив необходимый объем информации, церковник, похоже, расслабился и заговорил совершенно обыденным тоном.

— Потому, что я не такой, как все? — пожал плечами Марсель.

— Каждый из нас отличается от других, у Бога богатое воображение. Но еще меня заинтересовала твоя маска. Зачем она тебе?

— Шутки ради.

— Значит, ты не скрываешь своего лица?

— Нет, конечно.

Сняв с себя изображение Велеса, ученый предстал перед собеседником в своем истинном обличье и удивился, когда тот рассмеялся с довольным видом.

— Что так развеселило тебя, церковник?

— Сейчас увидишь.

Марсель с любопытством наблюдал за тем, как мужчина медленно повернулся к нему и, подняв руки, откинул капюшон. Под ним оказалась маска, скрывавшая большую часть лица. Видя нетерпение своего собеседника, священник усмехнулся и снял этот последний атрибут таинственности. В следующий момент ученый даже зажмурился на секунду — Кирилл внешне оказался так сильно похож на него, что мог бы сойти за его брата-

близнеца. Конечно, при более детальном рассмотрении между ними можно было найти достаточно различий, однако сходство было поразительным. Присмотревшись, Марсель даже присвистнул от удивления: на правой щеке Кирилла он заметил такой же шрам, как и на своем лице.

— Поразительно, — прошептал историк и добавил, обращаясь к Кириллу, который с улыбкой смотрел на него. — А что же, святой отец, у тебя на лице? Свой я заработал, когда крышу чинил. Почему-то мне кажется, что ты такими делами не занимаешься.

— Ты прав, — положив маску на стол, странник сразу стал похож на самого обычного человека, чем сильно порадовал Марселя. — К ремеслу я не приучен. Однако и священником был не всегда.

— Кем же ты был до инициации?

— Ого, — прищурился Кирилл. — Такие слова редко можно услышать от язычника.

Поняв, что сболтнул лишнее, ученый поджал губы и сделал вид, что не понимает, о чем идет речь. Помолчав несколько секунд, церковник понимающе кивнул и ответил на вопрос:

— Скажем так, в прежние времена я владел мечом лучше, чем кадилом.

— Наемник? Неужели? — Марсель был удивлен таким поворотом и теперь пытался по-новому оценить человека, который сидел напротив. — И почему же…

— Почему я решил изменить свою жизнь? У меня были на то свои причины. Но все это уже не важно. Главное — что я, в конце концов, пришел к Богу.

— И теперь несешь его слово повсеместно?

— Можно и так сказать. Пути Господа неисповедимы, и никто не знает, к чему приведет то или иное наше решение.

— То есть человек предполагает, и Бог располагает, — Марсель ввернул известное с детства клише.

— Мудрые речи, — похвалил его Кирилл. — Я все больше склоняюсь к мысли, что мы встретились не случайно. Кто бы мог подумать, что здесь, в варварской стране, я найду такого просвещенного человека?

— Да, я тоже поражен.

Историк пытался представить себе последствия, которые может иметь эта встреча для человечества. Вообще, все происходящее ставило его в тупик. Он в какой-то мере, как и большинство его коллег, был фаталистом и искренне верил в то, что ничто и никогда не случается без причины. Вот и сейчас он старался понять, зачем все это происходит с ним, и не мог найти

ответа. В конце концов, Марсель решил, что лучшее, что он мог сделать, это оставаться сторонним наблюдателем.

— А что, — обратился он к Кириллу, — во многих сражениях ты участвовал?

— Крови, которую я пролил, хватило бы для того чтобы наполнить сотню таких кувшинов, — священник кивнул в сторону медовухи.

— И ты не боишься?

— Чего?

— Попасть в ад за все, что сделал.

— Нет, — с довольной улыбкой ответил Кирилл. — Наш Бог великодушен, он знает, что я искренне раскаялся в содеянном. Все мы рабы его, но не все еще об этом знают.

— А ты, значит, хочешь до всех донести эту мысль?

— Меня удивляет и огорчает твой насмешливый тон, — нахмурился церковник.

— Извини, я не хотел обидеть тебя, — Марсель постарался, чтобы его голос звучал максимально доброжелательно. — Скажи, а почему ты решил направить свои стопы в наши края? Дорога ведь не самая близкая. Неужели не нашлось менее далекой цели?

— Мы не ищем легких путей.

Чтобы собраться с мыслями, историк поднялся и наполнил медовухой кубки — свой и Кирилла.

— Надеюсь, рабам божьим позволено немного выпить?

— Что это? — гость с подозрением посмотрел на предложенное угощение, понюхал его, но пить не стал.

— Местный напиток, очень вкусный, рекомендую. Называется медовуха.

— Аромат достойный.

— Вкус еще лучше.

— Пожалуй, я воздержусь, — Кирилл отодвинул от себя кубок. — Я привык к вину.

— Зря, ты не знаешь, от чего отказываешься, — Марсель с удовольствием сделал несколько больших глотков.

— Я переживу.

— Как хочешь, настаивать не стану. Разве Бог не запрещает потребление вина?

— Ты пытаешь нас с латинянами, — улыбнулся священник. — Это у них чего не хватись, все запрещено. Мы же считаем, что Господь сотворил этот мир нам на радость. Значит, и вино — часть его великого замысла.

— Прекрасная позиция! — похвалил ученый.

— Да, и мне искренне жаль, что здесь не развито виноделие.

— Всему свое время.

Марсель вспомнил полки в супермаркетах, ломящиеся от различного алкоголя, и представил себе, как сильно удивился бы его собеседник, окажись он в его мире. Будет тебе и вино, голубчик, подумал историк, и много чего еще, о чем ты даже представления не имеешь.

— Чему ты улыбаешься? Поделись мыслями, повеселимся вместе.

Заметив, что Кирилл внимательно наблюдает за его мимикой, историк смущенно крякнул и развел руками:

— Я подумал, что было бы забавно наладить поставку медовухи в Византию — глядишь, вся греческая церковь перешла бы на наш напиток. А там, возможно, мы смогли бы лучше понять друг друга, и тебе было бы легче выполнить поручение твоих повелителей.

— Что ты можешь знать о моих целях? — удивился священник.

— Да уж не вижу здесь никакой тайны, — Марсель решил, что нет смысла скрывать очевидное. — Твоя церковь сегодня переживает не лучшие времена — со всех сторон ее атакуют то одни, то другие. И конца-края этой войне не видно. Так почему бы не обзавестись таким сильным союзником, как Владимир?

— Ты далеко заглядываешь, — задумчиво проговорил Кирилл. — Возможно, все так, как ты говоришь, но не мне это решать. Скажи лучше, откуда в твоей голове такие мысли. Неужели росы все так думают?

— Нет, конечно. Люди здесь, как ты сам только что говорил, неиспорченные и чистые душой. Идеальная паства для тебя. Живут в гармонии с природой, молятся своим богам и радуются жизни.

— Это называется идолопоклонство, — заметил церковник. — Богопротивное дело.

— Пусть так. Но это твой Бог, не их. Пока, во всяком случае. Впрочем, я понимаю тебя и не сомневаюсь в твоей искренности. Я уверен, что ты действительно хочешь спасти всех этих людей от геенны огненной. Так почему бы заодно и не поправить дела твоей церкви?

Кирилл ничего не ответил на эти слова, а только нервно забарабанил костяшками пальцев по деревянной поверхности стола. Было видно, что ему не нравилось направление, которое принял разговор, однако он никак не мог решить, стоит ли ему одернуть зарвавшегося собеседника или постараться переубедить его. С другой стороны, он понимал, что в таком случае придется врать и изворачиваться, а ему этого совершенно не хотелось. Общество Марселя оказывало на него странное действие —

обычно самоуверенный, теперь он терялся и не мог собраться с мыслями. Проблема была в том, что этот странный человек был слишком хорошо информирован и нисколько не напоминал своих полудиких соплеменников, с которыми Кириллу приходилось общаться прежде.

4

Мало кто знал о том, что сам странник родился недалеко от того места, где находился сейчас. Он был сыном местного целителя, ведаря, как его называли в народе, и был захвачен во время набега еще в раннем детстве. Переходил из рук в руки, пока однажды не стал собственностью состоятельного константинопольского чиновника. К тому моменту он уже был способен держать в руках оружие, к тому же отличался ловкостью и сообразительностью. Это, а еще знание языка росов, и определило его дальнейшую судьбу. Привыкший подчиняться, он ни секунды не раздумывал, когда ему приказали биться с представителями собственного народа, когда те атаковали Византию. И, несмотря на то, что война, по большому счету, была проиграна, его таланты не остались незамеченными. Он получил свободу и даже достиг определенного положения, так что к моменту судьбоносной встречи с человеком, приведшим его к Богу, он вполне мог позволить себе безбедную жизнь до конца своих дней. Однако у неба, как оказалось, были на него свои планы. Проникнувшись христианскими идеями, он ужаснулся пролитой им крови и решил посвятить всего себя служению церкви, сделавшись самым верным ее последователем. До встречи с Марселем его вера была непоколебима — главным образом, потому, что он, как ему казалось, знал ответы на все вопросы. Теперь же он был смущен, возможно, впервые за последние несколько лет. И дело было даже не в том, что его собеседник вел богохульные речи — нет, он был вполне почтителен и не сказал ничего, что можно было бы расценить как ересь. Но он, задавая вопросы, сам же на них и отвечал, зачастую даже говоря больше, чем знал сам Кирилл. При этом делал это как бы между прочим, словно речь шла о чем-то естественном и общеизвестном.

— Скажи-ка мне, друг мой, — обратился церковник к своему собеседнику, который, допив свой напиток, поднялся, чтобы налить еще, — не хотел бы ты отправиться со мной к князю? Думаю, мы могли бы быть полезны друг другу.

— Что? — Марсель поперхнулся от неожиданности и постучал себя по груди, чтобы восстановить дыхание. — Ты хочешь, чтобы я сопровождал тебя?

— Да, именно так. Я вижу, что ты человек большого ума. Я тоже не глупец. Так почему бы нам не постараться вместе сделать этот мир лучше?

Прозвучавшее предложение в первый момент показалось ученому настоящим безумием, однако чем больше он о нем

думал, тем заманчивее оно выглядело. А что? Селище, конечно, это хорошо, но не слишком ли быстро он смирился с тем, что закончит здесь свои дни? Не пора ли двигаться дальше? Перспектива увидеть собственными глазами древний Константинополь, окунуться в гущу событий, о которых он столько читал, еще в бытность свою студентом, так сильно потрясла его, что он с трудом сдержался, чтобы не расцеловать своего собеседника. Однако ему удалось вовремя взять себя в руки, и он, изобразив на лице сомнение, ответил:

— Мне нужно подумать. Хозяйство, сам понимаешь, к тому же я здесь человек нужный, без меня Михайло сложно будет.

— Кто это — Михайло?

— Наш староста, мы сейчас в его избе находимся, пока он снаружи топчется.

— Ах, тот… — Кирилл беззаботно махнул рукой. — Ничего, потерпит.

— Вот, видишь, как ты уже на людей смотришь, свысока. А ведь гордыня — это грех, если я не ошибаюсь.

— Ты прав. И чем дальше я тебя слушаю, тем более убеждаюсь в том, что мне нужен такой человек, как ты.

— Зачем?

— Чтобы вовремя напоминал мне о том, кто я такой.

— Совесть?

— Можно и так сказать.

— А твои охранники как к этому отнесутся? — Марсель решил прояснить все вопросы на берегу прежде, чем кидаться в омут с головой. — Мне показалось, что твой телохранитель не проникся ко мне особой любовью.

— Ты сейчас говоришь о Мусе? — уточнил Кирилл. — Не переживай по его поводу. Его верность не вызывает у меня сомнений. К тому же служит он не мне, а Господу нашему.

— Ты хочешь сказать, что он христианин? — поразился ученый, прежде никогда не слышавший о православных маврах.

— Да, Муса крещеный.

— Как такое может быть?

— Для Бога нет ничего невозможного.

— А остальные?

— Такие же. Так что, как видишь, наша небольшая процессия вполне может увеличиться еще на одного путника. Муса не станет возражать — ему было поручено сопровождать меня и оберегать, остальное его не касается.

— Я могу взять с собой кого-нибудь? — Марселю пришло в голову, что было бы неплохо иметь рядом с собой верного союзника на случай, если что-то пойдет не так.

— Конечно, почему бы и нет? Но я должен предупредить тебя сразу, что тебе придется скрывать свою внешность.

— К чему такая таинственность?

— Наша миссия сопряжена с множеством опасностей, и если вдруг нам придется уезжать в спешке, то будет лучше, если никто не будет знать нас в лицо.

— Неужели ты никогда не снимаешь маску? — это предположение показалось ученому невероятным, однако Кирилл утвердительно кивнул в ответ.

— Никогда. Во всяком случае, на людях. Даже Муса не знает, как я выгляжу, он видел меня только однажды, очень давно. Это предосторожность, с которой нам приходится мириться.

— То есть если твой телохранитель увидел бы тебя сейчас, то не узнал бы?

— Точно так.

— Не боишься?

— Нисколько. При желании я всегда смогу доказать ему, что я — это я.

— Пароль?

— Лучше, — и Кирилл продемонстрировал своему собеседнику массивный перстень с печатью, который красовался на его указательном пальце. — Муса не самый разговорчивый малый, так что мы с ним почти не общаемся.

— Как же ты отдаешь ему приказы?

— Меня и самого это иногда удивляет, — пожал плечами священник. — Но он ни разу еще не подвел меня. Так что скажешь? Лошади у нас есть запасные.

Прежде чем ответить, Марсель некоторое время размышлял о том, чем ему и Курьяну, которого он намеревался взять с собой, могло грозить подобное путешествие. За себя он не беспокоился, но подвергать опасности жизнь другого человека он не был готов. С другой стороны, его друг был, как и он сам, бобылем и почти ничем не был привязан к селищу, если не считать его любимой медовухи. В какой-то момент в голове историка промелькнула мысль о Марусе, но он тут же отогнал ее. Наконец, ученый принял решение и кивнул Кириллу, который все это время внимательно наблюдал за ним:

— Я согласен.

— Прекрасно!

Церковник даже не пытался скрыть радость, которую ему доставила эта новость. Он и сам не до конца понимал, к чему ему эта лишняя забота, но почему-то был уверен в том, что встреча с Баламошкой произошла не просто так, и что этот человек сыграет значительную роль в его судьбе. А пока он просто встал и обнял

своего нового спутника, который также поднялся ему навстречу.

— Ух, я разволновался, — признался Марсель, который действительно чувствовал, что его всего трясет от возбуждения перед предстоящим путешествием.

У него голова шла кругом от картин, которые рисовало его воображение, и он налил себе еще напитка. Наблюдая за ним с улыбкой, Кирилл неожиданно предложил:

— Пожалуй, и я ради такого случая отведаю вашего напитка. Конечно, это не вино, но, кто знает, возможно, он не так плох, как я думаю.

Взяв со стола свой кубок, он поднял его и с торжественным видом произнес:

— За грядущее!

— Воистину, — отозвался Марсель, и мужчины дружно осушили свои сосуды.

Медовуха оставляла богатое послевкусие, и Кирилл, держа пустой кубок в руках, некоторое время стоял, причмокивая губами от удовольствия.

— Очень вкусно, — заявил он, наконец. — Думаю, от такого угощения не отказался бы даже сам император.

— Скажи, а где ты так научился по-нашему болтать? — спросил Марсель.

— Я родился в этих краях, — отозвался церковник. — Мое детство прошло здесь. Но это длинная история, о которой сейчас…

Не договорив, он замолк на полуслове. Его лицо вдруг приобрело бардовый оттенок, глаза расширились от страха, и уже в следующее мгновение Кирилл рухнул на деревянный пол, схватившись за грудь. Глядя на то, как священник корчится в конвульсиях у его ног, Марсель словно застыл — мозг отказывался принимать и обрабатывать информацию, и он только почувствовал, как его живот свело судорогой, а ноги словно налились свинцом. Пересилив себя, он бросился на помощь человеку, который уже терял сознание — глаза Кирилла закатились, а из груди вырывался свист.

— Это не я! — зачем-то торопливо зашептал историк, в отчаянии пытаясь привести Кирилла в чувство. — Не я, честно слово! Ну же, давай, голубчик… А, черт!

Голова священника запрокинулась назад, все тело свела последняя судорога, и он, дернувшись, замер. Не веря в то, что все это происходит наяву, Марсель схватил церковника за грудки и сильно встряхнул, однако это ни к чему не привело, если не считать того, что его зубы лязгнули, а изо рта вытекла струйка слюны. Ученый понимал, что его недавний собеседник мертв,

однако не желал верить в это. Все произошло слишком быстро и неожиданно — настолько, что он даже не успел понять, что же, собственно, случилось. Теперь, сидя на полу, он впал в ступор, и в его голове творилось нечто невообразимое.

— Нет, этого просто не может быть, — бормотал Марсель. — Быть не может. Как это… О, черт!

Он представил себе реакцию охранников Кирилла, когда они увидят, что случилось с их хозяином. Вряд ли Муса станет разбираться в ситуации — зарубит его без разговоров. А дальше? Посланник греческой церкви не доедет до Владимира, никакого союза с Византией не случится, история пойдет иным путем, и совершенно непонятно, к чему все это приведет. Что же он натворил? Стоп… А почему, собственно, он? Ученому, наконец, удалось взять себя в руки, и он постарался взглянуть на ситуацию трезво. Этого не должно было произойти, факт. Как, собственно, и его не должно было быть здесь. Но он ни в чем не был виноват — напротив, даже поддерживал церковника в его начинаниях. Что же пошло не так? Кто вмешался? В памяти всплыли угрозы Курьяна, который хотел намешать всякой гадости в свою медовуху. Точно! Как же он сразу не подумал об этом? Нужно срочно допросить этого идиота. Может быть, еще удастся спастись. Но как это сделать, не привлекая внимания Мусы? Ученый растерянно огляделся, и его взгляд упал на маску Кирилла, которую тот оставил на столе. Мысль занять место мертвеца в первый момент показалась ему дикой, но, обдумав ее, он пришел к выводу, что это был едва ли единственный выход для него. Действуя скорее на автомате, чем осознанно, мужчина раздел священника, ежеминутно бросая опасливые взгляды на дверь, и облачился в его одежду. Вспомнив о перстне, он, поморщившись, стянул его и надел на собственный палец. После этого с трудом натянул на обмякшее тело свои вещи и, кряхтя, отнес его на полати, повернув лицом к стене. Со стороны казалось, что мужчина просто спит. Внимательно осмотрев место происшествия в поисках чего-нибудь, что могло бы выдать его, Марсель остался доволен и, выдохнув, нацепил на лицо маску. Его немного мутило от сознания того, что этот предмет принадлежал покойному, но он быстро справился с подступающей тошнотой и, не оставив себе времени на сомнения, открыл дверь. Охрана, стоявшая по обе стороны от входа, вытянулась, заметив его, а Муса, который в это время прогуливался по двору, остановился и вопросительно взглянул на него. Обведя взглядом присутствующих и заметив стоявших с хмурым видом Михайло и Курьяна, Марсель вытянул руку и поманил их пальцем, стараясь сделать это так, чтобы

телохранителю был виден перстень. Мужики нерешительно переглянулись, но не сдвинулись с места. Тогда Муса нетерпеливо топнул ногой и указал им на дверь, что, вероятно, должно было поторопить их в принятии решения. Вздохнув, староста сделал знак Курьяну следовать за ним и направился к дому. Судя по его понурому виду, он больше не испытывал особой радости от чести принимать такого высокого гостя. Ничего, подумал историк, то ли еще будет.

Кивнув Мусе, он вернулся в дом и встал в центре комнаты, дожидаясь, пока мужики закроют за собой дверь. Оказавшись внутри, Курьян бросил удивленный взгляд на полати, на которых, как ему показалось, спал его друг, и успел сделать в его направлении несколько шагов, когда Марсель схватил его за руку и злобно зашипел:

— Ты что натворил, засранец?

— Что? — испуганно отшатнулся здоровяк.

Поняв, что мужик не узнал его, Марсель откинул капюшон и сдернул с лица маску, представ перед пораженными мужиками в привычном обличье.

— Я спрашиваю, что ты подмешал в свою медовуху?

— Ничего, — захлопал ресницами Курьян, в то время как Михайло, сразу поняв, в чем дело, кинулся к неподвижному телу. Уже спустя секунду он издал страдальческий стон и отшатнулся от мертвеца, схватившись за голову.

— Ой-ой-ой, что ж делается такое?! — староста в отчаянии взъерошил волосы на голове и круглыми от ужаса глазами взглянул на Марселя. — Баламошка, это ты сделал?

— Нет, конечно, — отозвался ученый. — Ты лучше вот у этого умника спроси, почему так вышло, что грек ваш только его медовухи хлебнул, как тут же и дуба дал.

Растерявшись под взглядами друзей, Курьян отступил на несколько шагов и, наконец, взмолился:

— Братцы… Я ни сном, ни духом, правда!

— Тс-с-с! — Марсель приложил палец к губам, оглянувшись на дверь, и обратился к мужику. — Не ты хотел навоза накидать в медовуху? Признавайся, что ты туда добавил?

— Ничего! — зашептал в ответ Курьян. — Мы же договорились, забыл? Да и никому еще не повредил навоз. Так что если бы я даже решил его туда набросать, но ничего бы не случилось.

— И то верно, — староста вступился за мужика. — Ты посмотри на него — лицо синюшное, будто его отравили чем-то.

— Как его могли отравить, если мы с ним пили одно и то же?! — Марсель произнес это громче, чем хотел, и зажал себе рот

ладонью. — Нет, это не яд.

— Что же тогда? — подался вперед Курьян.

Вместо ответа ученый подошел к покойнику и еще раз взглянул на его лицо, на котором застыло последнее болезненное выражение, словно он до сих пор пытался вдохнуть. Внезапно Марселю стало ясно, что произошло, однако от понимания причин смерти Кирилла он не почувствовал никакого облегчения.

— Это анафилактический шок, — пробормотал историк, устало опускаясь на лавку.

— Чего? — не понял Михайло.

— Аллергия у него была, вот что.

— Все равно не понимаю.

— Не мог он переносить или мед, или хмель, или их сочетание. Там понятнее?

— Надо же, беда какая, — староста покачал головой и осторожно опустился рядом с Марселем. — А что теперь делать-то? А, Баламошка? Наверное, нужно этим черненьким-то рассказать обо всем, да? А то не по-людски как-то.

— Конечно, — криво усмехнулся историк. — Иди, сообщи. Может быть, пока они тебя рубить будут, мы с Курьяном успеем убежать. Иди-иди.

— Зачем меня рубить? — испугался Михайло.

— А ты думаешь, они станут разбираться в том, кто прав, а кто виноват? Пискнуть не успеешь, как они тебе башку оттяпают. Нет, нужно что-то другое придумать.

Курьян подошел к полатям и, стараясь не прикасаться к покойнику, клонился над ним. Когда он выпрямился, на его лице было странное выражение.

— Что? — вздохнул Марсель.

— Я тут подумал… — начал мужик. — Раз уж так вышло, то, может быть, тебе и дальше им притворяться? Нет, ты не подумай ничего такого, я не хочу, чтобы ты за всех отдувался. Но другого выхода у нас вроде бы нет. Как считаешь?

— Что ты такое несешь? — накинулся было на Курьяна староста, но Марсель его остановил:

— Нет, он прав. Выбирать нам, на самом деле, не приходится. Я уже и сам думал об этом, но все никак не решался. Похоже, мне придется некоторое время побыть Кириллом, посланником греческой православной церкви, тут уж ничего не поделаешь.

— А и делать ничего не нужно, — возбужденно зашептал Курьян, присаживаясь рядом. — Нацепишь опять на лицо эту штуку, и тебя никто не признает. Я сейчас посмотрел на покойничка, так он один в один ты. Даже шрам на щеке есть. Роста вы примерно одинакового, так что на первое время сойдет.

А по пути сбежишь, а? До Киева целый день ехать, небось, представится случай. Остановитесь где-нибудь, скинешь одежды — и никто тебя не узнает, пойдешь своей дорогой. Как считаешь?

Выслушав доводы мужика, Марсель кивнул, думая о своем. Все это, конечно, было хорошо — и даже вполне могло сработать, если ничем себя не выдать по глупости. Но Курьян не знал главного: Кирилл был нужен Киевской Руси. Без него все могло пойти в совершенно другом направлении. Конечно, новый путь мог оказаться и более удачным, но этого никто не мог сказать наверняка. Так что нет, друг мой, подумал ученый, придется мне идти до конца. И не мне одному.

— Вот что, — наконец, кивнул он. — Сделаем так, как ты сказал. Но внесем некоторые изменения.

— Какие? — мужики склонились над столом.

— Курьян, ты поедешь со мной. Одному мне не справиться.

— Если так нужно… — было видно, что здоровяк не был в восторге от этой идеи, однако спорить не решился.

— И еще. Убегать мы не станем.

— Как?! — Курьян отшатнулся, но историк схватил его за рукав рубахи и притянул к себе.

— А вот так. Будешь делать, как я говорю. Кирилл вез нашему князю важные новости, от которых зависят многие жизни. Не доедет он — не получит Владимир весточки, а там, того и гляди, кровь прольется человеческая. Мы ведь не хотим этого?

— Откуда тебе все это известно? — Михайло нахмурился и раздраженно шикнул на Курьяна, который попытался возмущаться такому неуважительному к себе отношению.

— Он рассказал, — Марсель кивнул в сторону мертвеца. — Еще он предлагал мне с ним отправиться к князю, так что мы, можно сказать, выполним последнюю волю покойного.

— А если князь поймет, что мы самозванцы? — спросил Курьян. — Даже если нам удастся провести этих мавров или как ты их там называешь. Представляешь, что с нами тогда будет?

— Значит, нужно сделать так, чтобы он ничего не понял, — отозвался Марсель, в голове которого уже начал вырисовываться план действий. — Не переживай, со мной не пропадешь.

— Ну, конечно, — усмехнулся мужик. — Ты ведь у нас знаток традиций.

— А я и не должен им быть, — возразил ученый, не обращая внимания на ироничный тон друга. — Кирилл ведь им не был, верно? А что говорить Владимиру, я и так знаю, не бойся.

— И что же?

— А вот это не твоего ума дело. Не обижайся, в свое время ты обо всем узнаешь.

— Надеюсь.

В помещении повисла тяжелая тишина. Каждый из мужчин думал о своем. Марсель — о том, как обмануть бдительную охрану и сделать так, чтобы князь не изменил своего решения и крещении Руси. Курьян — о том, что не выдержит долго без своей медовухи. Ну, а Михайло совершенно не к месту сожалел о том, что селище лишится, пусть и на время, единственного, кто мог совладать с бабами. Наконец, историк решительно поднялся и взял в руки маску.

— Значит, так тому и быть. Вы сейчас идете по домам, а утром, на самом рассвете, чтобы были здесь оба.

— Так я вроде бы… — староста растерянно развел руками в стороны.

— Переночуешь где-нибудь, — нетерпеливо нахмурился Марсель. — Ты, Курьян, возьми с собой только самое необходимое. В седле тебе приходилось сидеть?

— Управлюсь как-нибудь, — буркнул мужик.

— Хорошо. Значит, берешь с собой, что нужно, и ждешь у ворот. Михайло, ты будь готов организовать нам почетные проводы, чтобы ни у кого и мысли не возникло о том, будто что-то пошло не так. Помнишь, как встречал гостей дорогих? Вот, и проводишь не хуже.

— Сделаю.

— Потом будет самое сложное для тебя, — Марсель с сожалением взглянул в сторону Кирилла и покачал головой. — Когда мы уедем, никого не пускай в избу. А когда все разойдутся, похорони покойника. Найди укромное место и сделай так, чтобы никто его не нашел.

— А ты?

— Что — я?

— Что остальным сказать по поводу твоего исчезновения? Люди ведь не слепые, спрашивать начнут.

— Скажи, что нет меня больше. Уехал. Вспомнил, откуда и кто такой — и уехал домой.

— Ни с кем не попрощавшись? — удивился староста. — Не поверят.

— Сделай так, чтобы поверили. Скажи, что человеком я оказался поганым, или что окончательно с ума спятил. Бешеная баба меня покусала. Придумай что-нибудь.

— Добре.

В голосе Михайло не было уверенности, но Марсель был уверен в том, что он сделает все как нужно. Несмотря на то, что староста никогда не отличался особой смелостью, мужиком он был хозяйственным, и если дело касалось доверенного ему

селища, всегда старался сделать все лучшим образом, иногда даже в ущерб собственным интересам.

— Тогда обнимемся, потому что утром у нас не будет такой возможности, — неожиданно расчувствовался ученый, представив, чем рискуют его друзья ради призрачного дела, суть которого была понятна только ему одному.

После этого Марсель надел маску, опустил на лицо капюшон и проводил мужиков до двери. Выглянув во двор, он кивнул Мусе, который внимательно наблюдал за происходящим, и вернулся в дом.

— Спать? — окликнул его телохранитель.

— Спать, — не оборачиваясь, ответил он и захлопнул дверь.

Снова оказавшись в доме, Марсель вдруг почувствовал, что его начинает колотить — уверенность, с которой он только что объяснял своим друзьям положение дел, исчезла, и теперь ему самому требовался человек, который мог бы его успокоить. Однако такой роскоши он не мог себе позволить, и поэтому, сделав несколько глубоких вдохов, постарался взять себя в руки. Соседство покойника беспокоило его меньше всего, так что историк не обращал на него никакого внимания. Только один раз он подошел к телу и на всякий случай попытался нащупать пульс, однако тут же махнул на это дело рукой — Кирилл был мертв, в этом не было никаких сомнений.

В том, что этой ночью он не уснет, Марсель даже не сомневался. Слишком многое ему нужно было обдумать. Ученый сильно жалел о том, что у него не было возможности пробраться в свою избу — записная книжка очень пригодилась бы ему. Он не привык держать в голове большие объемы информации, и поэтому боялся забыть какую-нибудь важную деталь в самый ответственный момент. Итак, что он знал? Крещение Руси должно было вот-вот состояться. Так, во всяком случае, было принято считать в научных кругах. Правда, существуют данные о том, что христианство появилось здесь намного раньше, но у него не было возможности проверить верность таких утверждений. Перед тем как принять православную веру, Владимир встречался с представителями других конфессий, но или они его чем-то не устроили, или Кириллу удалось внушить ему мысль о том, что его вера чем-то лучше. После этого… Марсель изо всех сил пытался восстановить в памяти обрывочные воспоминания, но они никак не желали складываться в цельную картинку. Князь вроде бы должен жениться на дочке императора. Или на сестре? Точно — на сестре. Или не должен был? Черт, забыл все. И вообще, кому крещение было нужно больше — Владимиру или самой церкви? Военные походы, Византия… Что же там было

дальше?

— Нет, не помню, — проговорил вслух историк, закрывая глаза и делая глубокий вдох. — А может, и не нужно мне ломать голову? А, как ты считаешь?

Марсель обратился к Кириллу, словно тот мог его слышать.

— Ты хоть знал о том, для чего все это и к чему приведет? Сомневаюсь. Хотя…

Ученый пожал плечами и с сожалением посмотрел на священника. Какой была его последняя мысль перед смертью? Может быть, он сожалел о чем-то? Или, возможно, просто испугался? Он ведь, в первую очередь, был человеком из плоти и крови. Марсель редко сталкивался со смертью и, тем более, никогда никого не убивал. И хотя его вины в преждевременной кончине церковника не было, он все равно чувствовал свою ответственность за произошедшее. По большому счету, если бы не его присутствие, посланник греческой церкви, скорее всего, просто лег бы спать, а утром продолжил бы свой путь. Его роль в истории сложно было переоценить, и мужчина чувствовал себя, как путешественник во времени, случайно раздавивший какого-нибудь древнего таракана и теперь уверенного в том, что в мире в результате его оплошности произойдут катастрофические изменения. Возможно, в чем-то он был прав. Если еще вчера его участие в историческом процессе ограничивалась скромным селищем, в котором он повелевал разве что несколькими скандальными бабами, то теперь ситуация изменилась, причем не в лучшую сторону. Марсель, несмотря на академическое образование и годы исследовательской работы, имел слишком смутное представление о том, как в действительности обстояли дела в Киевской Руси. Источники, изучением которых он занимался всю свою осознанную жизнь, оказались не то чтобы лживыми — нет, в них были зерна истины. Но они были слишком поверхностными, как если бы студент филологического факультета взялся своими словами объяснить принципы высшей математики. Ученому приходилось постигать все заново путем проб и ошибок, и к настоящему моменту он мог похвастаться только тем, что начал адаптироваться к окружающей его действительности. И тут — такое. Можно сказать, что он перескочил сразу через несколько уровней, прошел экстерном курсы, в которых читали лекции о государственном устройстве страны, нравах, царящих в ее правящих кругах, их приоритетах и планах на будущее.

Покопавшись в памяти, Марсель сумел более или менее восстановить последовательность событий, описанных в различных исторических и полуисторических источниках.

Владимир должен будет выбрать православие, однако летописцы утверждали, что он не сразу крестился, а сначала решил продемонстрировать всем свою силушку богатырскую, взяв после непродолжительной осады Херсон. Странный поступок, но после этого византийский император уверовал в то, что с этим господином стоит, по крайней мере, считаться, и согласился отдать за Владимира свою сестру Анну. Князь оценил поступок и вернул город Византии, после чего крестился сам и крестил своих подданных в Днепре. Правда, по другим сведениям, все случилось в другой последовательности: сначала принял православие, а потом уже женился и принялся раздавать люли направо и налево всем недругам своих новых союзников, чем несказанно тех обрадовал. Впрочем, это было совершенно неважно — главным, по мнению Марселя, было соответствие его собственных действий тому, как должен был вести себя покойный Кирилл. Эх, если бы он знал, что все так случится, то постарался бы узнать больше… Но чего нет, того нет.

Ученый постарался представить, какими могли быть скрытые мотивы церковника, и, в конце концов, признался себе, что ему придется действовать вслепую и полностью полагаться на собственную находчивость и болтливость князя. Втайне он надеялся на то, что все уже было решено — и присутствие представителя Византии станет, скорее, проявлением уважения, нежели необходимостью. Это предположение в какой-то мере успокоило его, и Марсель даже задремал ненадолго, однако его сон был тревожным, и он проснулся в холодном поту. Кирилл, скорее всего, никогда не заходил так далеко, чтобы спать в маске, но историк не хотел рисковать. Несмотря на то, что священник утверждал, будто Муса никогда не видел его лица, в это слишком сложно было поверить, и прежде чем подставлять под удар собственную жизнь, Марсель хотел лично убедиться в правдивости его рассказа.

Подойдя к двери, он слегка приоткрыл ее и выглянул наружу. Создавалось впечатление, что его охранники не двигались с того момента, когда он видел их в прошлый раз — стоя перед входом в помещение, они напоминали ему каменные изваяния, и если бы не периодически поднимающиеся и опускающиеся плечи, можно было бы предположить, что перед ним не живые люди, а куклы, которые поставили сюда для вида. Почувствовав, что за ним наблюдают, Марсель взглянул чуть дальше во двор и вздрогнул — неподалеку стоял Муса и внимательно рассматривал его. Он также был совершенно неподвижен, поэтому ученый не сразу заметил его. Не зная, следует ли поприветствовать его, мужчина предпочел сделать вид, что не обратил на него внимания, и

прикрыл дверь. Сердце бешено колотилось, и он подумал о том, что путешествие будет не таким легким, как он предполагал. Спланировав все с точки зрения теории, он совершенно забыл о практической части, которая заключалась в том, что он попросту отчаянно трусил.

— Возьми себя в руки, Марсель Иванович, — обратился к себе ученый вслух, и впервые его собственное имя прозвучало для него как чужое.

Подойдя к покойнику, он пододвинул его ближе к стене — тело уже успело остыть и не желало принимать нужную позу. Тем не менее, ему, в конце концов, удалось уложить его таким образом, чтобы создавалось впечатление, будто человек спит. Взглянув на квадрат окна, Марсель заметил, что за ставнями стало немного светлее. Он очень надеялся на то, что Курьян не подведет его и не передумает в последний момент. Человеку всегда проще быть смелым, если рядом есть кто-то, кто может стать свидетелем его слабости. Главным образом, мужик ему был нужен только для пущей уверенности. В остальном его присутствие было даже нежелательно, и Марсель пообещал себе отослать его обратно при первом же намеке на опасность. Встав посреди комнаты, он поправил одежду, проверил, надежно ли сидит маска, и, опустив на лицо капюшон, вышел во двор. Все происходящее вдруг показалось ему нереальным: телохранители, уже приготовившие его лошадь, Михайло, стоящий неподалеку с тревожным выражением лица, которое ему не удавалось скрыть, как он ни старался, любопытствующая соседка, которая заглядывала во двор, несмотря на раннее время, группа мужиков, почтительно толпящихся неподалеку — каждый словно исполнял отведенную ему роль. Его внимание привлекли приглушенные голоса, спорящие о чем-то. Точнее, один голос звучал настойчиво, в то время как другой был бесстрастным. Выглянув из-за лошади, он увидел Курьяна, который что-то пытался объяснить Мусе, а тот только мотал головой из стороны в сторону. Увидев фигуру начальника, мавр жестом приказал мужику замолчать и вопросительно взглянул на Марселя. Момент был ответственным, и ученый постарался ничем не обнаружить смятения, которое творилось у него внутри. К счастью, ему удалось вовремя взять себя в руки, и он, с показным безразличием махнув рукой в сторону свободной лошади, коротко ответил:

— Поедет с нами.

Казалось, Муса был удивлен таким поворотом, однако вслух ничего не сказал, а только отступил в сторону, пропуская своего недавнего оппонента. Взглянув на него с видом победителя, Курьян гордо прошествовал мимо и, перекинув через спину

лошади сумку с какими-то вещами, неуклюже забрался сам. Марселю показалось, что губы Мусы насмешливо скривились, когда он наблюдал за тем, как мужик, ерзая в седле, пытался усесться удобнее. Это было едва ли не первое проявление человечности со стороны мавра, и ученый почему-то обрадовался этому, словно произошло что-то важное. Однако уже в следующий момент Муса снова превратился в бесстрастного воина и, легко запрыгнув в седло, отдал подчиненным приказ двигаться. Вспомнив о том, что, во всяком случае, на публике Кирилл забирался на лошадь и спускался с нее с помощью охраны, Марсель порадовался тому факту, что ему не придется изображать опытного наездника. Конечно, за прошедший год он научился вполне сносно держаться в седле, однако его скромные достижения не могли идти ни в какое сравнение с навыками профессионального солдата, каким церковник был в прошлом. Тем не менее, его осанка, по всей видимости, ни у кого не вызвала подозрений — во всяком случае, так ему показалось. Проезжая мимо Михайло, он кивнул ему, надеясь на то, что староста выполнит все поручения, которые он ему дал. Однако теперь это не зависело от него, и он, не говоря ни слова, выехал за ворота.

Следующий час они ехали молча, если не считать периодические причитания Курьяна, которому то седло казалось слишком жестким, то лошадь — хромой. К тому моменту, когда его стенания всех порядком достали, совсем рассвело, и Марсель, который за все это время ни разу не отъезжал от Триполья на такое значительное расстояние, имел возможность полюбоваться просторами, которых еще не успела коснуться цивилизация. Воспоминания о том, как эта местность будет выглядеть в его время, почти стерлись из памяти ученого, однако иногда он ловил себя на мыслях о том, что вот-вот из-за очередного поворота появится селянин на раздолбанной машинёшке, или случится еще что-то в этом роде. Редкие путники, встречавшиеся им на дороге, услышав топот копыт, поспешно отступали в сторону и еще долго глядели им вслед. Марселю нечасто приходилось находиться в центре внимания, и теперь он с удивлением отметил про себя, что ему нравится это ощущение. Конечно, большую роль в этом играла маска, которая позволяла ему наблюдать за всем как бы со стороны, сохраняя при этом статус инкогнито. Подумав, он пришел к выводу, что с этой точки зрения наряд Кирилла был весьма удачным решением. Оставалось только понять, должен ли он снять свою маску в присутствии князя — или ему позволят остаться в ней. Второй вариант нравился ему больше, но историк сомневался в его

осуществимости.

— Ой, все, не могу больше, — Курьян, отчаявшись найти удачное положение, на ходу спрыгнул с лошади и теперь шел с ней рядом, потирая зад. — Я себе все хозяйство отбил! Как вообще можно сидеть на такой штуке?! Почему не сделать седло, как у добрых людей?

Муса покосился на мужика и, не говоря ни слова, поехал дальше. Однако Курьяна, похоже, такое невнимание оскорбило. Он ускорил шаг и, поравнявшись с мавром, обратился к нему:

— Слышь, ты, черненький! Давай в Козино заедем, у меня там кум живет, я у него удобную одежку для лошади возьму. Эй, я с тобой разговариваю!

Мавр взглянул на мужика сверху вниз, явно не понимая, о чем идет речь. Поняв это, Курьян повторил то же самое, только при этом активно жестикулируя:

— Седло плохое. Нужно другое. Козино — рядом. Заедем туда.

Как ни странно, но такой подход оказался действенным — во всяком случае, Муса понял, чего хотел Курьян. Впрочем, это все равно не произвело на него никакого впечатления — он покачал головой и отрывисто бросил:

— Нельзя. Едем как есть.

— Да что тебе, жалко, что ли? По пути же! — возмутился мужик, однако мавр больше не обращал на него внимания. Тогда Курьян попытался заговорить с другими охранниками, но также безуспешно — у Марселя создалось впечатление, что они, в отличие от своего начальника, вообще не владели русским. Наблюдая за тем, как его друг старается добиться своего, ученый просил Вселенную вразумить этого олуха, чтобы тот не начал лезть к нему со своими бредовыми идеями. Пусть Муса никогда не видел лица Кирилла, но голос-то его он должен был знать. Несмотря на то, что у священника был самый обычный тембр, который несложно было скопировать, Марсель все же предпочитал до поры до времени помалкивать или хотя бы свести общение с подчиненными к минимуму. К счастью, инстинкт самосохранения уберег Курьяна он опрометчивых действий и, убедившись в бесперспективности попыток договориться о чем-то с охраной, он насупился и надолго замолчал. Устав идти, он, кряхтя, снова забрался на лошадь и, хоть иногда и морщился от неприятных ощущений, но все же терпеливо сносил экзекуцию. Успокоившись на его счет, историк продолжил свои наблюдения.

5

Местность, по которой они проезжали, казалась ему идиллической — даже отсутствие ровной дороги с лихвой компенсировалось поражающими взор красотами и вкусным, тягучим ароматом цветущих равнин. К тому моменту, когда солнце начало припекать, они покрыли достаточно солидное расстояние, и Марсель уже начал ощущать голод, тем более что предыдущим вечером поужинать ему так и не удалось. Поэтому, когда с ним вдруг поравнялся Муса и, вопросительно взглянув на него, произнес слово «еда», он тут же кивнул. Процессия съехала с дороги и остановилась на небольшой поляне, откуда просматривалась вся местность. Скорее всего, телохранитель не случайно выбрал именно это место, подумал ученый, окинув взглядом окрестности. Действительно, отсюда можно было заметить приближение врага задолго до того, как он сам смог бы увидеть их. Мысленно похвалив смекалку мавра, Марсель не стал дожидаться помощи охранников и сам спустился с коня. С наслаждением ступив на мягкую сочную траву, он отошел в сторону и теперь наблюдал за тем, как его подчиненные готовили место для отдыха. Курьян тоже был заинтересован происходящим, и его можно было понять. Отвязав от седел длинные тонкие тростины, назначение которых до сих пор было непонятно ученому, они привычными движениями скрепили их между собой, образовав, таким образом, некое подобие вигвама. После этого один из охранников принес аккуратно сложенный кусок плотной материи и, развернув его, накинул на связанные прутья. Уже в следующий момент Марсель с удивлением разглядывал древний аналог походной палатки, конструкция которой показалась историку едва ли не более удачной, чем у большинства известных ему примеров из двадцать первого века.

Откинув ту часть материи, которая заменяла дверь, Муса поставил внутрь блюдо, уже наполненное всевозможной снедью. Причем Марсель даже не заметил, кто и когда успел это сделать. Впечатленный расторопностью охранников, ученый, тем не менее, решил, что выражать свое удивление ему не следовало, и поэтому, просто кивнув головой, забрался в палатку. Оказавшись внутри, он тут же отметил комфортность передвижного дома — в нем с легкостью могли поместиться два человека, и им не было бы тесно. Роль окна играло отверстие в импровизированном потолке, сквозь которое поступало достаточное количество света. Сооружение сильно напоминало юрты, которые он наблюдал во время своей поездки в Казахстан, правда, сильно уменьшенную их

копию. Пища оказалась вполне съедобной, и он с жадностью накинулся на нее, параллельно прислушиваясь к тому, что происходило снаружи.

— Вот скажи мне, — судя по тому, как говорил Курьян, ему тоже перепало кое-что из запасов провизии, — что ты здесь забыл? Молчишь? Ничего, молчи. Я и за двоих могу говорить. Оглянись вокруг. Красиво? Народ добрый, приветливый. Приехал бы с женой да ребятишками, построил дом, живи в свое удовольствие. Руками-то работать умеешь, черненький?

— Меня зовут Муса, — откликнулся мавр, которому, похоже, надоело такое обращение.

— Пусть будет Муса, — согласился мужик. — Так ты, значит, приехал, потопчешься немного — и назад? Потом еще куда-нибудь поедешь, да? И так всю жизнь? А дом твой где? Есть он у тебя вообще, дом?

— Есть, — ответил телохранитель.

— И где же?

— Далеко. Икосим.

— Что за город такой?

— Далеко.

— Заладил: далеко, далеко… И что, вернешься туда, когда служба закончится? Небось, там один песок.

— Песок, — подтвердил Муса.

— Ну, вот видишь. На кой тебе сдался этот твой Укусим?

— Икосим.

— Да какая разница? Не понимаю я людей. То в песок зароются по самую макушку, то в горы заберутся — туда, где одни камни и не растет ничего. А рядом столько земли сочной, смотри: она в руках рассыпается, кажется, будто ее есть можно!

— Ешь.

— Чего? — не понял Курьян.

— Землю. Ешь.

— Тьфу на тебя! — обиделся мужик. — Я ему, можно сказать, важные вещи рассказываю, а он зубоскалит.

Судя по наступившему молчанию, собеседники решили сделать паузу. Вздохнув, Марсель отодвинул от себя блюдо, снова надел на лицо маску и выбрался наружу. Заметив его, охранники тут же вскочили на ноги, но он сделал им знак — и они вернулись на свои места. Ученый видел, что они еще не насытились, и не видел смысла в соблюдении правил этикета. Однако Муса продолжал стоять — похоже, он успел подкрепиться. Или, возможно, ему надоело общество Курьяна, и он решил сделать вид, будто слишком занят своими прямыми обязанностями, чтобы отвечать на его многочисленные вопросы.

Подойдя к Марселю, он приглушенным голосом обратился к нему:

— Обещание. Слово дал. Помнишь?

Не понимая, о чем идет речь, ученый, тем не менее, кивнул. Мавр несколько секунд смотрел на него в упор, причем в его взгляде в этот момент читалась откровенная неприязнь. После этого лицо телохранителя обрело свое прежнее непроницаемое выражение, и он отошел в сторону. Этот случай совсем не понравился историку, и теперь он размышлял о том, как бы выяснить, в чем состояла суть договоренности между Кириллом и Мусой. Спросить напрямую? Опасно — мавр мог заподозрить неладное. Попросить Курьяна разузнать? Вряд ли солдат доверится болтливому мужику, особенно если это касается чего-то личного. Оставить все, как есть, и надеяться, что ситуация прояснится сама собой? Ничего другого ему не оставалось. Пока он размышлял, Муса успел отдать распоряжения своим подчиненным, и те, сложив остатки пищи в дорожные сумки, уже разобрали палатку и теперь прикрепляли ее составные части к седлам. Наблюдая за Курьяном, ученый заметил, с каким любопытством тот следит за всем этим процессом — Марсель был почти уверен в том, что рано или поздно его друг попытается смастерить что-нибудь подобное своими руками. Что ж, Бог в помощь, улыбнулся он под маской.

На этот раз Марсель не стал дожидаться помощи охранников, которые, похоже, выказывали подчеркнутое уважение к своему подопечному только на публике, и сам легко вскочил в седло. Устроившись удобнее, он с удивлением взглянул на Курьяна, который опять начал вздыхать и жаловаться. На самом деле сидеть было достаточно удобно — во всяком случае, его седло было гораздо комфортнее, чем те легкие конструкции, которые он встречал у славян. Возможно, ему просто досталось более дорогое и, соответственно, качественное? Может быть, особенно если принять во внимание статус Кирилла. Ученому стало жалко друга, и он с трудом сдержался, чтобы не поддержать его ласковым словом.

Тем временем процессия выстроилась в шеренгу, и они продолжили свой путь: первым ехал Муса, за ним — еще один охранник, далее следовали Марсель и Курьян, а тыл прикрывал последний телохранитель. Лошади шли размеренным шагом, и в какой-то момент ученый едва не задремал после сытного завтрака, но вовремя очнулся и решил впредь не допускать таких оплошностей. Чтобы как-то занять себя, он постарался отвлечься и вспомнить важные события, произошедшие в конце десятого века, однако не смог вспомнить ничего, кроме уже упомянутых.

Вообще, у Марселя появилось странное ощущение, будто он появился здесь и сейчас не просто так, а по какой-то причине. Во всяком случае, чтобы попасть именно в это время, нужно было очень сильно постараться. Окажись он здесь двумя годами позже, и все — живи себе спокойно, пополняй местный генофонд. Или…

В первый момент ученому показалось, что мимо него пролетел какой-то крупный жук — задев его капюшон, он, не прекращая своего движения, проследовал своей дорогой и, превратившись в тростниковую стрелу, вонзился в ствол росшего неподалеку дерева. Марсель не успел понять, что произошло, но Муса, сразу оценивший ситуацию, что-то прокричал своим помощникам — и те, соскочив на землю, молча стащили ученого с лошади. Заслоняя его собой, они оттеснили своего подопечного в небольшой овражек, а сами заняли оборонительную позицию. Курьян, также сообразивший, что на них напали, уже успел укрыться в относительно безопасном месте.

— Ты! Рос! — Муса, пригнувшись и пытаясь обнаружить невидимых врагов, обратился к мужику. — Иди, посмотри, кто там.

— Ага, побежал уже, — отозвался тот. — Там тати, мне моя жизнь дорога.

— Какие тати?

— Разбойники. Лихие люди. С ними лучше не связываться, а если уж наткнулся, то лучше отдать все, что просят — целее будешь.

Муса презрительно скривился и отрицательно помотал головой. Обратившись к своим помощникам, он отдал им какие-то распоряжения на своем языке, и те тут же, прильнув к земле, расползлись в разные стороны.

— Ты чего удумал? — прошептал Курьян. — Если будешь с ними сражаться, они никого не пощадят.

Словно в подтверждение его слов со стороны небольшого скопления деревьев раздался зычный голос, в котором можно было расслышать насмешливые нотки:

— Лошадок мы заберем! И все, что есть. Но жизни вам сохраним, если не станете сопротивляться. Снимайте с себя все и выходите из оврага!

Марселю такое предложение совершенно не понравилось. Нет, он был далек от мысли вступать в драку с неизвестными разбойниками, но и перспектива лишиться своего статуса инкогнито его не привлекала. Однако Муса, судя по его решительному виду, не собирался так просто сдаваться. Процедив сквозь зубы какое-то ругательство, он, неожиданно вскочив на ноги, бросился к стоявшему недалеко дереву, кидаясь из стороны

в сторону и периодически пригибаясь. Вероятно, нападавшие не ожидали от него такой прыти, потому что три стрелы, выпущенные в него, не достигли своей цели и пролетели мимо. Добежав до укрытия, мавр вытащил саблю и замер, готовясь к новому рывку.

— Осторожно! — крикнул ему Марсель, не сдержавшись.

Муса бросил в его сторону удивленный взгляд, но тут же снова сосредоточился на происходящем.

— Последнее предупреждение! — раздался все тот же голос, правда, в нем уже не было прежней самоуверенной насмешливости. — Будете сопротивляться, всех перебьем! И тогда ваши кости…

Что должно было случиться с их костями, так и осталось для Марселя тайной, потому что в следующий момент со стороны деревьев раздались яростные крики и звуки борьбы. Услышав это, Муса сорвался с места и кинулся на помощь своим собратьям по оружию. Ученому, с опаской выглядывающему из спасительного оврага, оставалось только гадать, что происходило за деревьями. Вцепившись руками во влажную траву, он напряженно вглядывался в заросли, пытаясь рассмотреть хоть что-то. Неожиданно он почувствовал на своем плече чужую руку и отпрянул в сторону, но, увидев перед собой обеспокоенное лицо Курьяна, успокоился:

— Что?

— Самое время сделать ноги, а? — мужик кивнул в сторону дома. — Прекрасная возможность.

— Ты что?! — возмутился Марсель. — Они же нас там защищают! Вдруг им понадобится наша помощь?

— И чем ты поможешь? Попытаешься заболтать их до смерти? Здешние тати не любят шутки шутить. Ножом по горлу — и поминай, как звали.

— Отстань! — отмахнулся ученый и с тревогой прислушался — звуки драки стихли, и теперь вокруг стояла пугающая тишина.

— Ну, смотри сам, — обиженно буркнул мужик. — Баламошка и есть, одним словом.

Не обращая внимания на его слова, Марсель осторожно выбрался из своего укрытия и, с опаской поглядывая в сторону скопления деревьев, медленно двинулся в их направлении. Курьян, попытавшийся было его остановить, в конце концов, плюнул и пошел за ним следом, то и дело приседая. К тому моменту, когда они, наконец, достигли места побоища, мужик был весь мокрый от росы, которую успел собрать своей рубахой.

— Муса! — позвал Марсель. — Есть кто живой?

— Хуна! Сюда! — раздалось в ответ, и ученый, уже не

заботясь о собственной безопасности, побежал на голос.

Картина, представшая перед ним, в первый момент заставила его застыть на месте, но он быстро взял себя в руки и окинул поле боя внимательным взглядом. Разбойников было всего пятеро, и все они были мертвы. По внешнему виду они ничем не отличались от обычных мужиков, с которыми ему приходилось сталкиваться прежде, и можно было только догадываться о том, что заставило их встать на скользкий путь грабежа. Но не это обеспокоило его — прямо перед ним на спине лежал Муса, держась руками за грудь, из которой торчало древко стрелы. Скорее всего, мавр испытывал чудовищную боль, однако, несмотря на страдания, не издавал ни звука, и если бы не серый оттенок, который приобрело его лицо, можно было вообще предположить, что он ничего не чувствует.

— Ох, черненький, как же ты так… — Курьян выглянул из-за спины Марселя и с сочувствием поцокал языком. — Ну-ка…

Отодвинув в сторону ученого, мужик присел на колени рядом с раненым и обратился к одному из охранников, которые с понурым видом стояли рядом с начальником:

— Нож дай!

Увидев, что тот его не понимает, Курьян ткнул пальцем на ножны мавра, и тот тут же протянул ему оружие. Когда он приблизил лезвие к телу Мусы, тот вдруг схватил его за руку и попытался приподняться.

— Ты чего это удумал? — воскликнул мужик, с трудом укладывая того обратно. — Лежи и не двигайся. Мне рану осмотреть нужно. Небось не девка, оголяться не должен бояться.

Осторожно разрезав верхнюю одежду, стараясь не задеть древко, Курьян раздвинул ткань в сторону, обнажив кровоточащую рану. Склонившись над ней, он несколько секунд рассматривал место входа и, наконец, распрямился.

— Повезло нашему мавру, — воскликнул он с довольной улыбкой. — Наконечник-то у стрелы узкий — видишь: рана не разбитая.

— Да уж, повезло, — отозвался Марсель. — И что это значит?

— Только то, что стрелу легко можно вытащить. Была бы с зазубринами или широкая, как на птицу, тогда, считай, человек потерян — просто так не вынуть, пришлось бы проталкивать. Тащить такую назад бесполезно — только все внутренности раздерешь.

— И что? Он выживет?

— Не знаю, — пожал плечами мужик, снимая с себя рубаху.

— Ты что задумал?

— Крови будет много, остановить нужно, — здоровяк,

недолго думая, с силой дернул ткань в разные стороны. — Лучше рубахи для такого дела не придумаешь. У этих-то чумазых, видал, какая одежда? Грубая, ей только пятки чистить. А наша — самое оно.

Одежда мавров на самом деле не отличалась особой мягкостью, так что слова мужика, который вдруг проявил себя с совершенно неожиданной стороны, были вполне разумными. Наблюдая за тем, как охранники с уважением покосились на мощную спину Курьяна, ученый усмехнулся: этот мужик вполне мог соответствовать образу древнерусского былинного богатыря, если бы не миролюбивый нрав. Впрочем, и герои славянских сказок никогда не отличались особой агрессией и крошили всех направо и налево, только когда не было другого выхода.

Тем временем Курьян наклонился к Мусе и что-то сказал ему, но произнес это так тихо, что Марсель ничего не смог разобрать. Однако мавр, похоже, все понял, потому что кивнул в ответ и плотно сжал губы. Несмотря на это, он не смог сдержать стона, когда мужик, обхватив древко двумя руками, резко потянул его вверх. Как только стрела была вынута, из раны потекла кровь, и Курьян тут же приложил к ней свернутую в несколько слоев ткань, на которой сразу проступило красное пятно.

— Подержи здесь, — мужик обратился к одному из охранников, показывая глазами на рану. — Сильнее прижимай! И не отпускай. Вот, молодец!

То ли охранники все же понимали русскую речь, то ли решительный тон Курьяна сделал свое дело, но только мавр беспрекословно выполнял все его поручения. Неожиданный эскулап тем временем, вскочив на ноги, кинулся куда-то в кусты и пропал из виду. Правда, уже спустя пару минут он появился, неся в руках что-то светлое. Приглядевшись, Марсель с удивлением увидел, что это был большой гриб белого цвета.

— Зачем это? — спросил ученый, с любопытством наблюдая за тем, как Курьян, опустившись на траву рядом с раненым, производит с ним какие-то странные манипуляции.

— Не мешай.

Больше Марсель не решился вмешиваться в работу мужика, и только молча следил за его действиями. Освободив гриб от ножки и стряхнув с него присохшие листья, Курьян вывернул его внутренней стороной и, подняв успевшую полностью пропитаться кровью ткань, приложил к ране, после чего прикрыл второй частью рубахи, которая еще была чистой. Муса сморщился от боли, но все же на этот раз сдержался и только прикрыл глаза.

— Вот, и ладно, — Курьян с довольным видом осмотрел результаты своей работы и взглянул на Марселя. — Теперь нужно

потуже перевязать, чтобы зажать рану, и можно будет его перетащить в более подходящее место.

— Ты чего к нему приладил-то? — обратился к нему историк.

— Да дождевик, — махнул свободной рукой мужик. — Его во все времена использовали при порезах. Лучше него ничто кровь не останавливает. Но все равно нашего дружка придется перенести куда-нибудь. А я ведь предлагал в Козино заехать, помнишь? Не послушали меня — вот и получили.

— Ну, так поехали, если еще не поздно, — Марсель с тревогой заметил, что на лбу Мусы выступили крупные капли пота. В следующий момент мавр потерял сознание.

— Поехали, — кивнул Курьян. — Только нужно сначала дровни соорудить. Или ты собрался его на руках переть?

Было похоже на то, что из всех присутствующих мужик единственный знал, что следовало делать, поэтому ученый отступил в сторону, предоставив ему полную свободу действий. Прикрикнув на охранников, он махнул в сторону оврага, давай понять, что нужно поймать лошадей, пока они не разбежались, а сам подобрал саблю Мусы, которая лежала рядом, и огляделся по сторонам в поисках подходящих деревцев. Ему потребовалось всего несколько минут, чтобы соорудить вполне приличные дровни, и когда охранники привели лошадей, он показал им знаками, что нужны еще ремни, которые можно было бы использовать как упряжь. Получив все необходимое, Курьян прикрепил приспособление к одной из лошадей и отступил на несколько шагов, чтобы убедиться в том, что все сделал правильно. Оставшись доволен осмотром, он кивнул маврам:

— Грузи. Только осторожно! Вот так.

Все это время Марсель наблюдал за происходящим с открытым ртом — это было бы заметно, если бы не маска. Курьян не переставал его удивлять. Прежде он никогда не только не проявлял себя как знаток народной медицины, но и вообще производил впечатление редкостного оболтуса. Теперь же историк понял, что очень сильно ошибался в своем друге, и у него многому можно было поучиться. В конце концов, убедившись в том, что Муса не вывалится по пути, мужик забрался на его лошадь и махнул рукой:

— Поехали, что ли. Только за мной следуйте, чтобы моя лошадка никого перед собой не видела. А то еще решит побегать. Ты смотри… — Курьян уселся удобнее. — Теперь понятно, почему он ехал себе и не жаловался — себе-то седло приладил мягкое. Вот хитрец!

Охранники, быстро собрав оставшееся на поле боя оружие, сели на своих лошадей и послушно двинулись за ним. Марсель, с

сомнением посмотрев на разбросанные всюду тела, спросил:

— А с этими что делать? Нехорошо просто так их оставлять.

— Почему же нехорошо? — отозвался Курьян.

— Не по-людски.

— Так то не люди. Собаки. А собаке, сам знаешь, и смерть собачья. Забудь.

Подумав несколько секунд, Марсель был вынужден согласиться с этими жестокими доводами. На самом деле, не хоронить же разбойников, которые только что пытались их укокошить? Проезжая мимо одного из нападавших, он вздрогнул — тот вдруг заворочался и открыл глаза, уставившись на него. Он оказался совсем молодым парнем, от силы ему можно было дать лет двадцать. Увидев, как его лицо исказил страх, ученый подумал, что вокруг было слишком смерти, и приложил палец к губам. Похоже, раненый понял его, потому что кивнул и снова закрыл глаза. С тревогой взглянув на своих спутников, Марсель убедился в том, что те ничего не заметили, и проехал мимо лежавшего на земле человека, мысленно пожелав ему удачи. Он не был уверен в том, что поступает правильно, но отступать было поздно. Подарив преступнику надежду на спасение, он не чувствовал в себе сил тут же отнять ее.

Дорога заняла всего несколько минут — оказалось, что место, о котором говорил Курьян, находилось всего в паре верст от них. Подъезжая к Козино, ученый удивился тому, насколько это поселение отличалось от того, к которому он привык. Если в Триполье все дышало свободой и радостью, то здесь будто ураган прошел — всюду царило запустение, даже собаки, и те не лаяли, а как-то испуганно повизгивали, почуяв их приближение.

— Да, — протянул Курьян, — давненько я у кума не был. Чего это они огородились?

Деревня на самом деле была обнесена частоколом, несмотря на то, что насчитывала всего несколько дворов. Судя по всему, селение не процветало. Интересно, что послужило причиной такой разрухи?

— Кто идет? — внезапно послышался неприветливый мужской голос.

— А, это Тимоха, мой… — начал было Курьян, но в этот момент в нескольких сантиметрах от его головы просвистел камень, пущенный, судя по всему, из пращи.

— Ах, ты, фетюк! — выругался от неожиданности мужик и пригнулся. — Ты чего бросаешься, дурак?!

— Кто идет, говорю? — повторил голос.

— Да Курьян это, Курьян! Тимохин кум.

Уже в следующую секунда недалеко хлопнула дверь, и до

путников донеслись звуки быстро приближающихся шагов. Когда перед ними появился невысокий мужчина плотного телосложения, Курьян развел руками в стороны и недовольным тоном поинтересовался:

— И как это прикажешь понимать? Хорошо же вы гостей встречаете…

— Извини, кум, не признал тебя сразу. Но времена такие, сам понимаешь… — взглянув на спутников Курьяна, мужик осекся и попятился. — А кто это с тобой?

— Это друзья. На нас напали недалеко отсюда — видишь, один из наших сзади валяется? Стрелой попали. Нужно его подлечить немножко, а то долго не протянет.

— Надо же, беда какая, — покачал головой Тимоха, с любопытством рассматривая Мусу, который все еще был без сознания. — Ну, заходите, раз так. Эй, там! Это свои, пропустите!

Взяв под уздцы лошадь, к которой были прикреплены дровни, мужик завел ее внутрь селища, остальные последовали за ним. Проезжая мимо домов, Марсель обратил внимание на то, что большую часть его населения составляли женщины и дети — во всяком случае, мужчин практически не было заметно. Удивившись такой странности, он, тем не менее, решил до поры до времени помалкивать — скорее всего, скоро все само разъяснится. И действительно, поручив раненого какой-то дородной бабе, Тимоха проследил за тем, чтобы его аккуратно переместили в одно из строений, и только после этого поманил за собой гостей:

— Пошли, что ли. Устали, наверное, с дороги.

Оказавшись в знакомой обстановке, Марсель с облегчением опустился на лавку, усмехнувшись про себя тому, насколько быстро он стал воспринимать местную действительность как единственно располагающую к полноценному отдыху. Охранники предпочли остаться со своим начальником и, как их не уговаривали, не согласились покинуть его, так что в гостях у Тимохи оказались только Марсель с Курьяном. Тем не менее, ученый предпочел оставаться в маске, чтобы не втягивать еще одного человека в это сомнительное предприятие. Незаметно приложив палец к губам, он дал понять другу, что не желает раскрывать свою истинную личность. Тот согласно закивал и обратился к куму, который уже доставал из подполья запотевший кувшин с квасом:

— А чего это ты, родственничек, приезжих камнями встречаешь? Обидел вам кто-то что ли? Или просто обычаи здесь такие? Не помню что-то…

— Не без этого, — отозвался Тимоха, разливая напиток по

кубкам. — Да вы сами уже с нашей напастью познакомились, похоже.

— О чем это ты?

— Ну, не сама же по себе стрела в вашего друга прилетела, верно? Тати повадились на наши края набеги делать. Дружина у них небольшая, но умелая. Караулят путников, нападают на них, многих убивают, если им сопротивление оказывать. Помнишь братца моего, Макара? Нет его больше.

Грустно вздохнув, Курьян сделал большой глоток и поморщился — кисло. Тем временем Марсель, вопросительно взглянув на вдруг замолчавшего Тимоху, решил сам вмешаться в разговор.

— Скажи-ка мне, добрый человек, — обратился он к хозяину дома, — это о каких татях ты говоришь? И сколько их всего?

— Ох, а я думал, ты по-нашему не понимаешь, — удивился Тимоха, поперхнувшись от неожиданности.

— Понимает, понимает, — Курьян успокоил кума. — Ты не смотри, что он в маске — должность у него такая. А в остальном наш человек. Так что там с татями?

— Ну, что… — задумался мужик. — Сколько их, точно сказать не могу. Ходили разговоры, что это сыночки Тарасовские разошлись, но никто этого точно сказать не может — в лицо их никто не видел. Если это все же они, то их пятеро. Самому младшему, Федору, должно быть сейчас лет восемнадцать, самому старшему — под тридцать.

— Так вы что, ни разу не видели тех, кто на вас нападает? — удивился Марсель.

— Представь себе, — Тимоха развел руками в стороны. — Они, это поганцы, где-то надраконились стрелять больно уж метко. Многие наши полегли, пытаясь до них добраться. Здесь и раньше-то мужиков не густо было, а теперь — так вообще всего ничего осталось.

— Неужели так много положили? — воскликнул Курьян, грохая кулаком по столу.

— Как видишь. А в последнее время настолько обнаглели, что стали уже и в селище по ночам наведываться. Вроде как к себе домой.

Марсель нервно забарабанил пальцами по столу. Выходит, зря он пожалел того парня — на его совести было много смертей. Но что сделано, то сделано — прошлого не вернешь. Подумав так, историк обратился к хозяину:

— Можешь сказать своим, что они больше могут не бояться.

— С чего это? — удивился мужик.

— Посекли мы их. Скорее всего, разбойничали как раз те

самые тарасовские отпрыски, о которых ты только что говорил. Во всяком случае, их было как раз пятеро.

— Ну-ка, ну-ка, — встрепенулся Тимоха. — Расскажи!

— А что рассказывать? Мы их встретили недалеко отсюда, — Курьян ответил вместо Марселя. — Хотели нас ограбить и коней отнять. Может быть, и еще что похуже сотворить. Но не на тех напали!

Покосившись на друга — не против ли? — мужик продолжил свое героическое повествование:

— Нас, знаешь, голыми руками не возьмешь. Пытались они стрелы в нас пускать, но только Мусу зацепили.

— Кого? — не понял Тимоха.

— Ну, того, которого мы привезли. Мусой его зовут. Ты не смотри, что он такой чумазый — крепкий мужик, видный. Мне он сначала не понравился, но ты бы видел, как он здоров своей саблей махать! В общем, не будут больше вас разбойники беспокоить.

— Ты точно говоришь? — не веря внезапно свалившемуся счастью, вскочил на ноги Тимоха. — Не брешешь?

— Чего мне брехать? — оскорбился Курьян. — Да вон они лежат — в лесочке рядом. Можешь сам посмотреть.

— Брат! — Тимоха кинулся к куму и обнял его с таким чувством, что здоровяк даже крякнул от неожиданности. — Спаситель ты наш!

— Ну, не только я, — освобождаясь, смущенно пробормотал Курьян. — Остальные тоже постарались. Немного.

— Да мы же… Ты же… — не найдя нужных слов, Тимоха поднял вверх руки и издал победный вопль. — Эгей! Заживем! Наконец-то. А мы ведь, представляешь, к самому князю отправляли посланцев, но у него сейчас, говорят, своих дел по горло. В общем, так и не дождались от него помощи. А тут вы! Ну, спасибо! Давненько у нас таких радостных вестей не было.

В этот момент дверь приоткрылась, и в избу заглянула женщина, которой недавно доверили Мусу. Бросив на Марселя настороженный взгляд, она обратилась к хозяину:

— Там этот, бесурменин, в себя пришел. Зовет какого-то Кирилла. Хотел встать, так мне пришлось ему пару раз того…

— Чего — того? — нахмурился Тимоха.

— Чего, чего… В зубы дать! — с вызовом отозвалась баба, и Марсель автоматически взглянул на ее руки, которым мог бы позавидовать любой мужик.

— Ты что?! — вскричал Тимоха. — Нашему гостю — да в зубы? Меланья!

— Ладно, — поднялся ученый. — Я Кирилл. Пойду,

посмотрю, что там. Ты, Курьян, можешь не ходить. И не болтай лишнего.

Оставив родственников общаться друг с другом, Марсель проследовал за женщиной, которая, идя впереди, постоянно оглядывалась на него, словно опасалась, что он нападет на нее сзади.

— Ты не бойся меня, — мужчина постарался успокоить ее. — Я тебе зла не желаю.

— Вот и хорошо, что не желаешь, целее будешь, — отозвалась баба. — Пришли.

Отступив в сторону, она пропустила Марселя в избу и зашла следом. Муса лежал на толстой соломенной подстилке, а по обе стороны от него стояли его помощники. Судя по вздувшейся губе, ему действительно досталось, и историк с трудом сдержался, чтобы не засмеяться. Мавр бросил на свою няньку недобрый взгляд и, стараясь говорить внятно, несмотря на слабость, произнес:

— Баба меня била. Это нельзя. Оскорбление. Казнят за такое.

— Она тебе жизнь спасла, так что, думаю, ее можно простить, — отозвался Марсель, стараясь говорить, как Кирилл — степенно и внушительно. — Знахарю это можно, если больной ведет себя дурно.

— Уу, сахира, — процедил сквозь зубы Муса, глядя на женщину. — Ведьма!

Меланья в ответ только хмыкнула и отвернулась. Подумав, что мавр, чего доброго, решит наказать ее при удобном случае, Марсель поспешил смягчить ситуацию.

— Твоя обязанность — охранять меня. Ее — лечить тебя. Если я буду в опасности, ты ведь постараешься меня спасти, даже портив моей воли, верно? Вот и у нее так же. Так что на твоем месте я бы не сердился, а поблагодарил ее. И Курьяна, кстати, тоже.

— За что?

— А ты забыл, что это он из тебя стрелу вытащил? Если бы не он, ты бы уже умер.

— Всем должен, — почему-то грустно вздохнул Муса, но тут же поморщился — любое движение причиняло ему боль. — Нужно ехать. Я могу.

— Ты? — усмехнулся Марсель. — Легче было бы сразу закопать тебя в том лесу, чтобы потом не мучиться. Лежи, набирайся сил. Завтра видно будет, что к чему.

— Хорошо, — подумав несколько секунд, мавр согласился и кивнул в сторону Меланьи. — И эту… Убери. Не хочу.

— А вот это брось, — строго и внушительно проговорил

ученый. — Я видел, как твои помощники стояли рядом и смотрели, пока ты там умирал. Они в этом деле ничего не смыслят, а ты мне еще пригодишься. Так что считай это приказом. Баба останется с тобой, и ты будешь ее слушаться.

В ответ Муса снова пробормотал какое-то ругательство, но не стал спорить, а только закрыл глаза, давая понять, что будет терпеть присутствие знахарки только потому, что так ему велел начальник. Удовлетворенно кивнув, Марсель попросил женщину впредь не распускать руки, и вышел за дверь, оставив мавра на попечение Меланьи.

Оказавшись снаружи, историк оглядел окрестности и с сожалением покачал головой: местным жителям придется много потрудиться, чтобы привести селище в порядок, а учитывая тот факт, что мужская сила здесь почти отсутствовала, ему было сложно представить, как такое возможно. Впрочем, он был далек от мысли спасать каждого встречного — ему нужно было думать о более важных делах, например, о том, как обвести вокруг пальца Владимира. Если ему не удастся сделать это, последствия могут быть самыми плачевными — во всяком случае, для того мира, который он знал. Не обращая внимания на селян, который тайком разглядывали его, Марсель вернулся в избу Тимохи и застал мужиков за обсуждением насущных проблем.

— Ты не сомневайся, — убеждал кума Курьян. — Просто делай, как я говорю, и все будет хорошо.

— А если он откажется? — сомневался Тимоха. — Помню, в прошлый раз мы крепко повздорили.

— Это другое, — отмахнулся мужик. — Лаяться по поводу ерунды каждый горазд, но если беда какая случится, Михайло первый на помощь придет.

— О чем разговор? — поинтересовался Марсель.

— Да вот, говорю ему, чтобы к нашему старосте обратился, — кивнул Курьян.

— Хорошая идея.

— Так и я об этом же ему толкую! А он все сомневается.

— Ты, друг, вот что, — предложил Марсель, — скажи Михайло, что, мол, Баламошка привет передавал и просил помочь вам.

— Какой баламошка? — удивился мужик.

— Он знает, какой, — уклонился от прямого ответа ученый. — Просто скажи, а там уж он поймет.

Пока мужики обсуждали какие-то насущные дела и вспоминали прошлое, Марсель пытался понять, насколько важное значение может иметь их вынужденная задержка. Информации о том, когда именно посланник греческой церкви должен был

приехать в Киев, у него не было — возможно, таких данных вообще не существовало. Так что, в конце концов, он пришел к выводу, что они вполне могли подождать несколько дней, пока Муса не придет в себя. Судя по его готовности продолжить путь хоть сейчас, он был привычен к ранениям, однако ученый не мог допустить и мысли о том, чтобы подвергать его такому риску. По его подсчетам, им нужно было проехать еще, как минимум, сорок километров, и он сомневался, что мавр сможет выдержать такой долгий переезд. Приняв решение, историк расслабился. Возможно, эта остановка даже к лучшему — будет время собраться с мыслями и даже попытаться вытянуть из Мусы какую-нибудь полезную информацию. Кто знает, может быть, он узнает что-то новое.

— А что, найдется ли у тебя, хозяин, место для нас на пару-тройку дней? — Марсель обратился к Тимохе, дождавшись, когда тот закончит рассказ о загубленном урожае.

— Уж этого добра у нас навалом! — тут же отозвался мужик. — Несколько хат пустуют, выбирайте любую. Правда, не княжеские хоромы, но что есть.

— Сойдет, — сразу согласился Марсель. — Пойдем, покажешь.

Спустя всего полчаса путники уже расположились в довольно просторной избе. Рассудив, что в создавшейся ситуации это лучшее, на что можно было рассчитывать, Марсель остался доволен — при желании в хате можно было разместиться не только ему и Курьяну, но и их сопровождающим. Однако мавры наотрез отказались покидать своего начальника и жестами объяснили, что будут ночевать рядом с ним. Несмотря на то, что Меланья всячески пыталась их выпроводить, говоря, что прекрасно справится и без них, они только упрямо мотали головами. В итоге баба махнула на них рукой:

— Пес с вами, оставайтесь.

Муса не принимал никакого участия в споре и только с интересом поглядывал на противоборствующие стороны. Когда же Меланья сдалась, он, казалось, даже был немного разочарован. Марсель обратил внимание на то, что мавр, когда думал, что за ним никто не наблюдает, смотрел на женщину совершенно другими глазами — в них читалось восхищение и, как ни странно, вожделение. Подумав, что, скорее всего, ему это показалось, ученый оставил Мусу на попечение знахарки, а сам отправился отдыхать. Хотя историк почти не чувствовал усталости, он отключился сразу, как только его голова коснулась жесткой лавки — слишком серьезным оказалось пережитое потрясение. Маска, к которой он уже успел привыкнуть,

нисколько не мешала ему, и он проспал весь день и всю ночь. Проснувшись на рассвете, Марсель не сразу понял, где находится, а, вспомнив, резко сел. Рядом с ним на соседней лавке похрапывал Курьян, и мужчина осторожно, чтобы не разбудить его, встал и вышел за дверь. Несмотря на бедственное положение, в котором оказалось селище, первые лучи солнца осветили его таким образом, что ученому вдруг показалось, будто там было не так уж и плохо. Действительно, подумал он, если за дело взяться дружно, то можно все восстановить за какую-нибудь пару недель. А еще он пообещал себе, что если вдруг вернется в свое время, то обязательно посетит все места своей боевой славы. Представив себе, как прогуливается по асфальтированной дороге, Марсель улыбнулся — ему показалось забавной мысль о том, что было бы неплохо показать все это Курьяну и понаблюдать за его реакцией. Конечно, подобное развитие событий было совсем уж маловероятным, напомнил он себе, однако никто не мог запретить ему мечтать.

— А впрочем, — обратился к себе историк, — ну, вернешься ты, и что? Чем будешь заниматься? Неужели пойдешь на свою прежнюю работу, как ни в чем не бывало? И это после всего, что тебе пришлось пережить?

Вспомнив себя в аудитории, в костюме, белой рубашке и с портфелем подмышкой, Марсель почти физически ощутил дискомфорт. Нет, он больше не хотел заниматься этим. Тогда что? Земледелие? Смешно, он никогда не сможет конкурировать с современными специалистами, особенно учитывая приобретенный опыт, который к тому времени устареет больше, чем на тысячу лет. Засесть за мемуары? Тоже не подойдет — коллеги засмеют. Это всегда так: стоит заявить о себе как о самостоятельном мыслителе, как люди, которых ты еще вчера считал своими друзьями, начнут смеяться над тобой сначала тайком, а потом и открыто. Нет, ему не было места в двадцать первом веке. Так что смирись уже, наконец, дружок, усмехнулся Марсель, и не трави себе душу.

6

Селище имело правильную прямоугольную планировку, и поэтому практически вся ее площадь просматривалась из любой точки. Когда из хаты, в которой находился Муса, вышла Меланья, историк тут же заметил ее, но сам, в свою очередь, постарался не привлекать к себе внимания и остался наблюдать. Ее поведение показалось ему странным: женщина была явно взволнована чем-то. Могучая грудь знахарки часто вздымалась, и она даже приложила к ней ладонь, чтобы успокоиться. Сделав несколько шагов, она вдруг закрыла лицо руками и расплакалась. Подумав, что произошло какое-то несчастье, мужчина уже хотел подойти к ней, но в этот момент Меланья резко вскинула голову и быстрым шагом направилась к срубному колодцу, который находился в самом центре селища. Подойдя к нему, она зачерпнула из него воды и умылась. Марселю вдруг стало стыдно, словно он влез не в свое дело, и историк постарался незаметно отойти в тень, но было поздно — женщина заметила его. В первый момент ученый подумал, что она рассердится, но лицо Меланьи вдруг озарила искренняя улыбка, отчего она сразу стала похожа на совсем юную девушку. Преображение так резко контрастировало с ее прежним образом, что лже-церковник на мгновение растерялся. Если бы не маска, скрывавшая его мимику, женщина, наверное, обиделась бы на подобную реакцию, но, к счастью, она не видела его лица и только смущенно помахала ему рукой. Подумав секунду, Марсель ответил ей тем же и поспешил вернуться в дом. Прикрыв за собой дверь, он обнаружил, что Курьян уже проснулся и теперь сидел на лавке, позевывая.

— Здоров ты дрыхнуть, Баламошка, — заметил он, прищурившись. — Я уже подумал, что ты того, слишком в роль священника покойного вжился.

— Не дождешься, — усмехнулся ученый, снимая с себя маску.

— И как ты можешь все время в этой штуке ходить? — удивился мужик, кивая в сторону этого фальшивого лица. — Я бы, наверное, давно умом тронулся.

— Все не так плохо, как тебе могло показаться, — отозвался Марсель. — Примерь, сам увидишь.

— Чтобы я на себя вещи мертвеца цеплял? — ужаснулся здоровяк. — Ну, нет уж, обойдусь.

— А что такого?

— Не принято это у нас, — Курьян встал с лавки и прошелся по комнате, разминая затекшую спину. — Я думал, ты знаешь. Ну, а такую вещь, как маску, надеть — это вообще мало кто

отважится сделать. Он ведь сколько времени в ней проходил? Почти сросся с ней. Вообще, по-хорошему, его бы нужно было с ней вместе и сжечь.

— Зачем?

— А вдруг она ему в Нави понадобится? Что, если он без нее до цели своей не дойдет? Не знаю, как ты, а я не хочу отвечать за это.

Подобные речи стали для Марселя совершенной неожиданностью, потому что его друг никогда прежде не отличался особой рьяностью в поклонении славянским богам — может быть, упоминал пару раз, но только и всего. Теперь же историк увидел его с неожиданной стороны и подумал о том, что многого еще о нем не знает. В историке вдруг проснулся исследователь, почуявший, что появилась возможность узнать что-то новое. Однако сначала следовало успокоить мужика, чтобы он не подумал, будто его стоит теперь сторониться.

— Ты зря переживаешь, — усмехнулся Марсель. — Это у тебя Навь и река Смородина. Кирилл христианином был, к нему ваши ритуалы не относятся.

— Может, и так, — пожал плечами Курьян. — А может, и эдак. По мне — так любому человеку на том свете лишний амулет не помешает.

— Тоже верно, — согласился ученый, с удовольствием отметив про себя, что его собеседник перестал хмуриться и снова стал самим собой. — А что, ты хорошо Меланью знаешь?

— Меланью-то? — удивился мужик такой резкой смене темы разговора. — Да уж лучше многих. А на кой она тебе? Понравилась, что ли?

— Возможно. Но не мне. Так что скажешь?

— Ну… — Курьян неопределенно пожал плечами. — Не знаю. Отец ее был известным на всю округу ведьмаком. Знаешь, кто это такие?

— Да, слышал.

— Дочь пошла по его стопам, но больно строптива всегда была. Да и, сам видишь, не из тех, кто мужикам-то нравится. В какой-то момент она обозлилась на всех, что ли. И раньше подарком не была, а в последнее время как с цепи сорвалась — чуть что, за словом в карман не полезет. Может и в глаз дать, если что не понравится. В остальном хорошая баба, хозяйственная. Жалко мне ее.

— Почему?

— Так она, небось, не девочка уже, а семьи все нет. И вряд ли появится. Меланья гордая, сама никому навязываться не станет.

— Ясно. Что ж, спасибо.

Марсель прошелся по избе с задумчивым видом. Если он правильно все понял, то у них могла появиться проблема в лице влюбленной бабы и его телохранителя, который, скорее всего, не особо задумывался о местных порядках и обычаях. Ученый был далек от мысли обвинять мавра в чем-либо, однако он имел слабое представление о том, как тот относился к славянскому населению. Считал ли он их равными себе — или же видел в них лишь варваров, поклонявшихся непонятным ему богам? Может быть, стоило поговорить с ним, чтобы уберечь Меланью? Впрочем, подумал историк, возможно, он вообще попал пальцем в небо. Как говорится, не пойман — не вор. С чего он взял, будто между Мусой и знахаркой что-то есть? Однако шестое чувство подсказывало ему, что дело именно в этом. Постояв в нерешительности некоторое время, Марсель решил все же проведать раненого, чтобы убедиться в том, что их миссии ничто не угрожает. Надев маску и надвинув на лицо капюшон, он вышел за дверь. Снаружи стояла прекрасная погода, и ему вдруг захотелось скинуть с себя надоевшую накидку и прогуляться по окрестностям, но он отогнал от себя эту мысль. Всему свое время, сказал себе Марсель, он еще успеет наделать глупостей, а пока нужно быть осторожнее.

Муса лежал на прежнем месте, но, судя по всему, чувствовал себя значительно лучше. Задумчиво глядя в потолок, он напевал под нос какую-то незнакомую историку мелодию и производил впечатление человека, который вполне доволен жизнью. В какой-то момент ученый даже подумал, что ранение пошло ему на пользу — во всяком случае, он раньше не видел его таким умиротворенным. Меланьи в помещении не было, и Марсель решил, что это к лучшему — все же мужской разговор не предполагал присутствия рядом женщин.

— Как ты? — обратился он к пациенту.

— Хорошо, — ответил мавр и слегка приподнялся, чтобы продемонстрировать, что идет на поправку. Однако рана все еще давала о себе знать, и он тут же поморщился от боли.

— Отдыхай, — кивнул Марсель. — Чем больше будешь двигаться, тем дольше мы здесь пробудем.

Ученый пытался придумать повод перевести разговор на интересующую его тему, но Муса успел заговорить первым.

— Женщины. Здесь. Какие они?

— А мне откуда знать? — искренне удивился ученый, вовремя вспомнив о своей роли священника.

— Говорил, родился здесь, — объяснил мавр. — Думал, знаешь.

— Женщины как женщины, — неопределенно пожал плечами

Марсель. — Как и везде.

— Нет, не везде, — покачал головой Муса, мечтательно глядя в окно. — Сильные, большие. Тут. Красивые. Смелые.

— Ах, вон ты о чем. Ну, да, не без этого.

Ученый вспомнил о том, как африканцы относились к русским женщинам в его мире, и подумал, что с древних времен, в принципе, почти ничего не изменилось — то, что для славянина было естественным, многими другими народами воспринималось как нечто выдающееся. Попытавшись поставить себя на место мавра, Марсель приподнял брови: действительно, Меланья была чуть ли не идеалом красоты — крупная, чтобы рожать детей, мягкая, чтобы любить, белая, чтобы любоваться.

— Странные имена здесь, — вдруг заявил Муса. — Все наоборот.

— О чем ты? Не понимаю.

— Меланья. Говорит, имя значит «темная». Разве так? Нужно иначе. Белая. Абьяд. Как Луна. Хиляль.

— Да, наверное, ты прав.

— Прав.

Приглядевшись к мавру внимательнее, Марсель заметил у того в глазах что-то похожее на тоску, и поинтересовался, что его беспокоит. Муса неопределенно взмахнул рукой, продолжая думать о чем-то своем, а затем взглянул на ученого и спросил:

— Обещание твое. Слово. Сдержишь?

Подумав, что пора уже прояснить ситуацию, Марсель решил пойти на хитрость и, опустившись на лавку, посмотрел на своего собеседника сверху вниз.

— Почему ты считаешь, что я не сдержу слова? Я давал повод? Чего ты боишься?

— Боюсь я? Я ничего не боюсь, — нахмурился телохранитель. — Хочу жить. Сам. Никому не слуга.

— Так в чем сложность?

— В тебе. Обещаешь каждый раз, что потом. А когда потом наступает, снова обещаешь. Это последнее. Потом свобода. Так?

— Так.

Похоже, между Кириллом и Мусой существовала какая-то договоренность, и священник не спешил держать данное слово. Что ж, значит, Марсель исправит это. Оставалось только выяснить подробности, чтобы не попасть впросак.

— И что ты будешь делать со своей свободой?

Ученый постарался произнести этот провокационный вопрос как можно более дружелюбным тоном, однако это не произвело на его собеседника никакого впечатления. Оскалившись, тот с раздражением мотнул головой:

— Моя свобода. Что хочу, то и делаю.

— Женишься?

— Женюсь. Сразу.

— Есть кто-то на примете? — Марсель улыбнулся под маской, ожидая, что Муса попытается уклониться от прямого ответа, но тот и не думал вилять.

— Есть. Меланья. Большая женщина. Достойна воина, как я.

— И что же, заберешь ее с собой?

— Заберу.

— А если она не согласится?

— Согласилась уже.

Не ожидавший такого поворота Марсель удивленно хмыкнул. Ему было сложно представить себе причины, которые могли заставить женщину так быстро согласиться стать женой совершенно незнакомого человека, особенно учитывая ее непростой, по словам Курьяна, характер. Разве что любовь. Но так вдруг? Ученый решил расставить все точки над «i».

— То есть ты спросил ее об этом?

— Да.

— И она согласилась отправиться с тобой?

— Да. Сказала: за тобой — хоть в Навь. Не знаю, что такое Навь. Наверное, далеко.

— Даже дальше, чем ты думаешь, — задумчиво протянул Марсель. — Что ж, рад за тебя, друг мой.

— Друг? — удивленно приподнял бровь Муса.

— Ты получишь свою свободу, — ответил ученый, поднимаясь. — Будь спокоен.

Покинув помещение, историк отправился на поиски Меланьи. Ему вдруг пришло в голову, что от нее он может узнать все недостающие подробности. Раз уж Муса так быстро нашел с ней общий язык, значит, они успели о многом поговорить. Каким образом они сблизились, ему было неинтересно — у влюбленных есть свои способы понять друг друга. Его волновали отношения между Мусой и Кириллом, но он не мог спрашивать мавра об этом напрямую, ему оставалось только гадать, чем церковник заслужил такую собачью преданность и почему телохранитель не может покинуть своего хозяина без разрешения. Однако знахарки нигде не было видно — заметив Тимоху, который размахивал руками перед какой-то старухой, пытался что-то ей доказать, он направился к нему. Как только женщина заметила его, она тут же охнула и скрылась за ближайшей избой с такой скоростью, будто ее ветром сдуло. Мужик недовольно поморщился и повернулся к неожиданному визитеру:

— Никак не пойму этот народ! — проворчал он. — Всего им

мало.

— Что-то случилось? — поинтересовался Марсель.

— Жадность случилась. Как узнали о том, что сынков тарасовских больше нет, все подбивают меня отправиться на поиски их тайника, в котором они добро схоронили. И где я его найти должен? Эх…

Тимоха безнадежно махнул рукой и вздохнул. Историк мог понять обе стороны, но в этот момент у него были более важные дела, чтобы разбираться во взаимных претензиях местного населения.

— Нигде не могу Меланью найти, — пожаловался он. — Хочу спросить у нее, когда Муса на ноги встанет.

— Так она в соседней роще — за травами своими отправилась. Сказала, что скоро вернется.

— Какая роща? Эта что ли? — ученый указал на группу деревьев, которая находилась всего в паре сотен метров от селища.

— Она самая.

— Тогда я сам схожу туда.

— Сходи, если так хочется, — пожал плечами мужик. — Небось, не заблудишься.

Выйдя за пределы поселения, Марсель быстрым шагом направился к роще, но, подойдя ближе, с удивлением остановился. До него донесся чистый женский голос, который пел какую-то незнакомую ему песню. Звуки были настолько прекрасными, что он некоторое время не мог поверить, что их производила Меланья — если бы он не видел ее, то мог бы предположить, что этот чудесный тембр принадлежал молодой красавице. Тем не менее, сомнений не было: пела именно знахарка — подойдя ближе, ученый увидел, как женщина, сидя на траве и поглаживая ее, словно хотела приласкать, то и дело прикладывала руки у груди. Поняв, что в очередной раз оказался невольным свидетелем какого-то таинства, Марсель медленно опустился на корточки и стал слушать. Слова песни были совершенно простыми и наивными — в них некая девица ждала своего любимого из похода и, не дождавшись, бросилась вниз со скалы. С тех пор скала носит ее имя. Несмотря на минорные ноты, чувствовалась в песне какая-то сила, из-за которой грустный смысл не казался таким уж грустным. Наконец, допев до конца, женщина поднялась на ноги и пошла по направлению к густым зарослям. Остановившись возле них, она стала обрывать красные плотные соцветия и складывать их в наплечную сумку. Решив, что пора обнаружить свое присутствие, чтобы знахарка не подумала, будто он подсматривает за ней, ученый сделал

несколько шагов по направлению к ней.

— Ты очень громкий, — вдруг заявила Меланья, не оборачиваясь.

— Да? Хм… — смутился от неожиданности Марсель. — И давно ты меня заметила?

— Давно.

— Что ж, я и не думал прятаться.

— Знаю. Что ты хочешь от меня? — женщина продолжала стоять к нему спиной, и ученый мог только догадываться о том, какие чувства были написаны на ее лице.

— Нужно поговорить о Мусе.

— Тебе нужно — ты и говори. А я послушаю.

Судя по всему, Меланья не испытывала к нему симпатии, понял Марсель. Вероятно, мавр успел рассказать ей что-то, что характеризовало его не лучшим образом. Может быть, это и к лучшему.

— После того как мы закончим наше дело, Муса вернется со мной.

Помолчав пару секунд и не дождавшись ответа, историк продолжил.

— Так, во всяком случае, я думал раньше.

— А теперь?

— Теперь я начал в этом сомневаться.

— Почему?

— Да есть у меня парочка причин. Не хочу ходить вокруг да около. Ты любишь его?

— Это не твоего ума дело, — ровным голосом отозвалась женщина, а Марсель поймал себя на мысли, что готов начать горячиться. Взяв себя в руки, он постарался говорить спокойно:

— Моего, если это так. Муса ведь говорил тебе о том, что нас связывает?

— Говорил, — Меланья повернулась к своему собеседнику впервые за все время разговора и взглянула ему прямо в глаза. — И я не понимаю, почему он до сих пор верен своей клятве.

— Он человек слова, — осторожно заметил ученый, обрадованный тем, что разговор пошел в нужном направлении.

— Он отплатил тебе сполна, — осуждающе покачала головой знахарка. — А ты? Что ты дал ему, помимо своей веры?

— А что я должен был дать ему?

— Хотя бы то, что обещал. Он мог стать тебе другом, а стал рабом твоим. Рабов много, а верный друг — редкость. И зачем я тебе это говорю?

Женщина грустно вздохнула и снова принялась собирать соцветия.

— Я обещал ему свободу, — напомнил Марсель.

— Сколько раз? Стоит ему выполнить твое задание, как ты тут же придумываешь еще одно, потом — еще. И так будет всегда. Когда же ты насытишься?

— А вдруг я уже насытился?

— Так иди и скажи ему об этом. Освободи его от клятвы, которую он дал тебе когда-то. Оправдайся перед своим богом, если ты действительно веришь в него.

— И что дальше? Уедешь с ним?

— Я уже говорила, — отозвалась Меланья, — что это тебя не касается. Я никаких обещаний тебе не давала, так что и отчитываться перед тобой не стану.

— Твое право.

Марсель услышал все, что ему было нужно, и, резко повернувшись, направился к селищу. Если Муса, на самом деле, решил строить свою жизнь с этой несговорчивой бабой, у него должны были быть на то весьма веские основания. Возможно, ему удалось разглядеть в ней то, что было не видно остальным. В конце концов, подумал ученый, кто он такой, чтобы осуждать его выбор? Главное — что он, наконец, выяснил, в чем дело, и теперь мог со спокойной совестью завершить то, что по какой-то причине не смог или не захотел сделать Кирилл.

Войдя в избу, где находился Муса, историк застал пациента в том же положении, что и несколькими минутами ранее. Увидев начальника, мавр удивленно взглянул на него, но ничего не сказал. Марсель же, выдержав многозначительную паузу, заявил:

— Я говорил с Меланьей. Не перебивай. Не могу сказать, что она мне сильно нравится, но истинная любовь — это богоугодное дело. А у вас, как я понимаю, все взаимно. Любишь ее?

— Любишь, — кивнул Муса.

— Хорошо. Тебе нужно, чтобы я освободил тебя от клятвы? Я освобождаю тебя. Можешь делать все, что тебе заблагорассудится. Хоть сейчас езжай на все четыре стороны.

Заметив, что мавр смотрит на него с недоверием, Марсель подумал, что, вероятно, нужно было сделать еще что-то, и, поколебавшись несколько секунд, благословил лежащего мужчину крестным знамением и выжидающе взглянул на него. На лице Мусы появилась сначала нерешительная улыбка, но с каждой секундой она становилась все шире, пока не заняла добрую половину лица. Полюбовавшись результатом этих нескольких простых слов, ученый кивнул и уже хотел выйти, но мавр вдруг остановил его.

— Подожди. Твое лицо. Я хочу увидеть его. Чтобы помнить.

Такой поворот не входил в намерения Марселя, и он замер на

месте, пытаясь решить, стоит ли подвергать себя такому риску. Но уже в следующий момент ему пришло в голову, что молчание может быть истолковано неверно, и он, повернувшись к Мусе, откинул капюшон и медленно снял маску, внимательно наблюдая за реакцией раненого.

— След. Остался, — мавр провел рукой по своему лицу, показывая на то место, где у Марселя был шрам. — Помню, как ты получил его. Не забуду.

Поняв, что опасности больше нет, ученый вздохнул с облегчением — судя по всему, мавр на самом деле или никогда не видел Кирилла без маски, или это было так давно, что образ священника стерся из его памяти. Марселю было интересно, каким образом Кирилл получил свой шрам — из слов Мусы выходило, что он как-то был с этим связан. Однако выяснить это у него не было никакой возможности. Вот и замечательно, подумал мужчина, одной проблемой меньше. Теперь нужно было только выяснить планы Мусы на будущее — и можно продолжать путь. Он не был уверен в том, что сможет общаться с остальными двумя охранниками, которые, похоже, вообще не говорили по-русски, но решил, что как-нибудь разберется с ними. Курьян рассказал ему о том, что они никак не хотели оставлять своего начальника, пока тот сам не приказал им переселиться в соседнюю избу. Возможно, он сделал это для того чтобы иметь возможность побыть с Меланьей наедине. С тех пор их вообще не было видно — скорее всего, охранники настолько привыкли подчиняться приказам Мусы, что вышли бы оттуда только в случае крайней необходимости.

— Значит, домой поедешь? — Марсель обратился к мавру, кивнув в сторону двери.

— Поеду, — отозвался Муса, на лице которого все еще было выражение невыразимой радости человека, которому больше не нужно было никому подчиняться. Однако уже в следующий момент он нахмурился и взглянул на ученого, словно вспомнил о чем-то важном.

— Что? — спросил историк.

— Закончить дело, — решительно кивнул мавр. — Владимир.

— Ты не должен ничего делать, — Марсель покачал головой. — Я освободил тебя от клятвы, помнишь?

— Да. Но закончить надо. Иначе не смогу вернуться. Так нельзя.

Ученый с удивлением взглянул на Мусу, который, судя по всему, твердо решил довести начатое до конца. Конечно, он и не думал отказываться от помощи такого опытного солдата, каким являлся его телохранитель, однако все же решил еще раз

уточнить свою позицию.

— Ты можешь прямо сейчас вместе с Меланьей уехать, и тогда мы больше никогда не встретимся с тобой. Я видел в седельных сумках золото, возьми, сколько нужно. Начнешь новую жизнь, разве не этого ты хотел?

— Нет, — заявил мавр, гордо поднимая голову. — Хотел свободу, чтобы самому решать. Теперь свободен. Решил. Поеду с тобой. Потом вернусь за Меланьей. Она будет ждать.

— Это твое право, — согласился историк, уже не пытаясь скрыть довольную улыбку.

— Да, моё.

Повертев в руках маску, в которой больше не было необходимости, ученый кивнул Мусе и вышел за дверь, с удовольствием подставив лицо солнцу. Увидев, как Тимоха, который в этот момент проходил мимо, уставился на него, он усмехнулся такой реакции и помахал ему рукой. Тот нерешительно ответил, но тут же, испугавшись чего-то, ускорил шаг. Неужели я такой страшный? — мысленно удивился Марсель. Может быть, ему не стоило вот так просто из таинственного иноземца превращаться в обычного человека?

Пожав плечами, ученый неторопливо прогулялся по селищу и, сопровождаемый заинтересованными взглядами местных жителей, наконец, вернулся в свое временное жилище. Курьян, только увидев его, вдруг расхохотался:

— Ты чего маску снял, изверг?

— Не понял, — остановился на пороге Марсель.

— Зачем, говорю, маску снял?

— Надоела — снял. А в чем дело?

— Да меня Тимоха донимал своими вопросами: кто ты да почему с этой штукой на лице ходишь. Ну, я и сказал ему, что тебя сам Ний своей печатью отметил. Что, мол, если снимешь ее — беды страшные на землю обрушатся. Не успел тебе рассказать об этом.

— Ну, а кум твой, как я погляжу, уже разнес эту байку по всей округе.

— Да уж будь уверен.

— Тьфу ты, дурак, — не выдержал Марсель и рассмеялся. — И что теперь делать будем?

— А ничего, — махнул рукой Курьян. — Пусть боятся, меньше приставать будут.

— А они не решат нас Нию вернуть? Так, на всякий случай.

— Нет, здесь народ миролюбивый.

— То-то я смотрю, у них камни такие мягкие да ласковые, — усмехнулся историк.

В этот момент в дверь постучали, и Марсель, повернувшись, увидел Меланью, которая кивнула Курьяну и молча поманила ученого за собой. Удивившись такой таинственности, он вышел на крыльцо и вопросительно взглянул на знахарку. Та замялась на несколько секунд, а потом выдала:

— Ты это хорошо сделал, низкий тебе поклон. Муса мне все рассказал.

— Нужно было сделать это давно.

— Тогда мы бы с ним не встретились, так что всему свое время. Возможно, он должен был служить тебе так долго, чтобы дойти до меня.

Марселю понравилась эта мысль, и он подумал, что, возможно, Кирилл в жизни мавра играл роль этакого фатума, который вел его к конечной цели, пусть даже против желания.

— Что ж, я рад, что смог сделать тебя счастливой, — кивнул он. — Но Муса, если ты не знаешь, решил сопровождать меня в Киев. Я не просил его об этом.

— Да, он говорил. Но теперь Муса пойдет с тобой не как слуга, а как вольный человек, у которого есть право принимать решения. Это важно. Постарайся, чтобы он вернулся, а я уж дождусь его.

— Ты мудрая женщина, — уважительно наклонил голову ученый. — Я сделаю все, что от меня зависит.

Глядя на то, как Меланья идет по направлению к избе, в которой лежал ее жених, историк снова попытался увидеть ее глазами мавра и опять был вынужден признаться себе, что у любви не может быть общих критериев, по которым можно было бы установить ее истинность. Ему вдруг стало грустно. Дожив до сорока, он не только до сих пор оставался холостяком, но и вообще не имел никого на примете. Впрочем, он никогда и не стремился создать семью, во что бы то ни стало, но все же иногда по ночам ученому было одиноко. В такие моменты Марсель задумывался о прожитой жизни и о том, имела ли она смысл — как правило, он приходил к неутешительному для себя выводу о том, что все его профессиональные достижения не имели никакого значения ни для него самого, ни для кого бы то ни было. А теперь, без своих студентов, чем он мог вообще похвастаться?

— Чего грустишь, Баламошка? — услышав за спиной голос Курьяна, историк обернулся, стараясь придать своему лицу безмятежный вид.

— Грущу? Я? И не думал. Ты в курсе, что Меланья замуж собралась?

— Да? За кого же?

— А ты угадай.

— Хм… — Курьян почесал нос и, поразмыслив несколько секунд, беспомощно развел руки в стороны. — Не знаю, расскажи.

— За Мусу нашего.

— За черненького?! — поразился мужик. — Ты смотри, какой прыткий! Это как же он так быстро сумел… Постой, а может, это она его — того? А?

— Да ну тебя, — отмахнулся Марсель, стараясь не засмеяться. — Только ты пока об этом молчи. Никаких доверительных бесед с кумом, понял? А то сам будешь с Меланьей разбираться. Она, как мне кажется, шутить не любит. Мигом тебя в бараний рог скрутит.

— Да, она это может, — задумчиво пробормотал Курьян, но тут же опомнился и горделиво приосанился. — Меня в бараний рог? Не родилась еще та баба, которой по силам сделать такое.

— Ну, как знаешь. Я тебя предупредил.

— Да ладно, ладно. Молчу. А что там с Мусой? Живой?

— Да, идет на поправку. Думаю, через пару дней будет на ногах уже.

— Силен. Значит, ты решил завершить дело того грека? Зачем? Мы же о другом договаривались.

— Это ты договаривался сам с собой, а не я. К тому же на то есть причины.

— Какие?

— Я говорил уже. Больше мне добавить ничего.

— Нет, друг, так не пойдет, — не вытерпел Курьян. — Или ты мне обо всем рассказываешь, или нам с тобой не по пути. Я, знаешь, не Муса, чтобы беспрекословно тебе подчиняться. Могу ведь и уйти.

Несмотря на то, что Курьян, по большому счету, был ему уже не нужен, историк все же не хотел, чтобы тот покидал его в расстроенных чувствах. Но и объяснить мужику настоящее положение вещей он не мог. Соврать? Марсель терпеть не мог ложь, но, подумав, пришел к выводу, что без нее в данном случае не обойтись. Ну, разве что полуправда.

— Как тебе наш князь? — Марсель решил начать издалека.

— Ну, ничего. Князь как князь, — неопределенно пожал плечами мужик. — Дурит временами.

— Но спокойно в последнее время, верно?

— Это правда. Прежде, старики рассказывали, князья то и дело в походы ходили, за власть дрались между собой, народ волновался.

— Вот и я о том же. Владимир задумал объединить всех под своими знаменами, если я правильно все понимаю. Чтобы впредь

на Руси был один князь. Хорошо это, как думаешь?

— Ну, не плохо, — согласился Курьян, не понимая, куда клонит его друг.

— Так вот, Кирилл ехал в Киев, чтобы обсудить как раз этот вопрос. Если у Владимира все получится, внутренние распри закончатся. Брат больше не будет биться с братом, понимаешь?

— А при чем здесь грек?

— Ну, князь же пытался уже свой пантеон сотворить, и, если мне не изменяет память, ты сам говорил, что у него не шибко дела идут в этом направлении.

— Да уж, ни шатко, ни валко, — довольно усмехнулся здоровяк.

— Так вот, с помощью Кирилла князь хочет всех под одну веру подвести.

Получилось не совсем так, как Марсель планировал, и он с беспокойством ждал, какой будет реакцию мужика. Но тот, подумав немного, неожиданно кивнул:

— А пущай попытается. Нам-то что? Пережили его истуканов, и это переживем. Я не возражаю.

Глядя на то, как Курьян с самодовольным видом рассуждает о том, о чем понятия не имеет, ученый вдруг пожалел, что вообще ввязался в это предприятие. Местный народ успел стать ему родным, как и свод простых и ясных правил, по которым жили древние славяне. Они были гораздо более свободными, чем люди из двадцать первого века, и ему было неприятно участвовать в порабощении, пусть и в переносном смысле этого слова. С другой стороны, он помнил о роли, которую Владимир сыграл в истории Руси, и понимал, что без него, возможно, его страны вообще бы не существовало. Вольные, но разобщенные охотники и земледельцы мало что могли противопоставить врагам, объединенным одной идеей. Оставалось смириться со своей миссией и двигаться дальше, не оглядываясь по сторонам. Поэтому Марсель с теплотой посмотрел на Курьяна, который что-то продолжал рассуждать о вере отцов и дедов, и улыбнулся:

— Вот и хорошо. Значит, едешь со мной?

— Да уж присмотрю за тобой еще какое-то время, — усмехнулся мужик. — Пропадешь ведь без меня.

— Благодарю тебя, брат!

Остаток дня прошел спокойно и без каких-либо приключений, если не считать любопытных, которые всюду сопровождали Марселя, однако стоило ему попытаться заговорить с преследователями, как те тут же исчезали из поля зрения. В конце концов, такое повышенное внимание ученому надоело, и он с сожалением надел маску — она в какой-то мере защищала его

от окружающих. И действительно, стоило ему скрыться за ней, как количество его поклонников тут же сократилось в несколько раз. Удивившись этому факту, историк снял ее — и через некоторое время снова стал замечать, что за ним буквально по пятам следуют местные жители от мала до велика.

— Что? — резко повернулся он и буквально нос к носу столкнулся со стариком, который едва не врезался в него.

— Ты прости меня, — отозвался тот. — Но у меня внучок болеет, уже много лет ноги не держат его.

— И чем же я могу помочь? — смягчился Марсель.

— Наши говорят, что ты божий человек, — старик с надеждой посмотрел на него. — Может, помолишься своему богу за Илюшу моего?

— Помолюсь, — кивнул ученый. — Ильей, значит, зовут?

— Да.

— И давно он не ходит?

— Да уж десятый год.

— Ох, дед. Не думаю, что здесь молитва поможет.

— А вдруг? Никто ничего сделать не смог. Может, и ты не справишься. Но другого выхода у меня нет. Посмотри на него, а? Небось, не чудище какое.

— Посмотреть можно, — согласился Марсель. — Пойдем, покажешь дорогу.

Старик обрадованно всплеснул руками и засеменил по направлению к стоявшей отдельно от других избе, периодически оглядываясь на историка:

— Люди разное говорят. Кто-то уверен, что это нам в наказание за то, что его отец в жены взял девку не из местных. Но я-то знаю, что это не так. Алтынка была прекрасной матерью для Илюши, но недолго пожила. Померла, когда тот совсем ребеночком был. А мой сынок так любил ее, что зачах без жены. За год его не стало. А напасть, сам знаешь, одна не приходит. Рос мой внучок здоровым парнем, красивым, косая сажень в плечах была уже к двенадцати годкам, а потом вдруг лег — и встать не смог. Так с тех пор и маемся с ним. Одна на тебя надежда осталась. Ты уж постарайся, мил человек.

Марселю чувствовал себя крайне неуютно, видя, что старик действительно надеется на него. Чем он мог помочь? Разве что добрым словом. Но он уедет отсюда через пару дней, может быть, даже раньше. А дальше что? Его знания о медицине были настолько скудными, что любой из местных знахарей и целителей со своими травами и настойками мог дать ему фору в сто очков — и все равно он бы пришел последним. Но ничего не поделаешь, вздохнул ученый, назвался груздем — полезай в короб.

Оказавшись внутри избы, Марсель удивился чистоте и порядку, которые царили в ней. Такое можно было ожидать от заботливой хозяйки, но никак не от пожилого человека, у которого на попечении был еще и тяжело больной.

— Вот сюда, — показывал старик, — сюда. Здесь он лежит, родимый.

— Деда, что там? — послышался низкий густой голос, и ученый поразился его силе.

Подойдя к печи, гость на несколько секунд замер, разглядывая огромного парня, который, приподнявшись на локтях, в свою очередь, рассматривал незнакомца. Судя по его телосложению, в нем было гораздо больше двух метров, так что весьма рослый Курьян показался бы на его фоне сущим карликом.

— Здравствуй! — наконец, произнес великан.

— И тебе не болеть, — пришел в себя Марсель.

— Дед говорил, что к нам приехал божий человек, — Илья устало улыбнулся, и ученому стало ясно, что он уже ни на что не надеется. — Это ты? Мне жаль твоего времени. Мою хворь уже ничто не излечит. Видно, судьба такая.

Все происходящее казалось ученому таким нереальным, что он даже незаметно ущипнул себя под рясой. Илья, печь, калека… Не совпадало только время, да и возраст был не тот, но кто знает? Возможно, прототип знаменитого богатыря был гораздо более древним, чем принято считать? Впрочем, Марсель тут же отогнал от себя эту дерзкую мысль и обратился к молодому человеку.

— Судьба здесь не причем. И хворь твою излечить можно. Главное — верить. Сила вернется, и ты еще будешь ходить.

— Да, дед мне то же самое говорит.

— Значит, так и будет. А теперь ложись и не двигайся.

Ученому вдруг пришло в голову, что если он ничем не может помочь физически, то стоит хотя бы попытаться задействовать психосоматику. Он был далек от мысли о том, что мог обладать какими-либо экстрасенсорными способностями, но люди всегда хотели верить в чудеса. Так почему бы не поддержать в них эту веру? Во всяком случае, попытка не пытка. Решив так, Марсель встал на лавку и возложил руки на парня: одну ладонь на лоб, а другую — на сердце. Историк чувствовал, как дрожит молодой человек, и с трудом сдержался, чтобы не дать воли чувствам. Что бы ни говорил Илья, он до последнего не терял надежду, и ученый в этот момент искренне презирал себя за то, что делал. Тем не менее, ему удалось взять себя в руки, и он, закрыв глаза, сделал вид, будто читает молитву. Впрочем, Марселю почти не пришлось притворяться — он на самом деле просил Вселенную о том, чтобы она помогла больному. Когда он открыл глаза и

взглянул на парня, то увидел, что тот тоже смотрит на него — молодой человек улыбался, но это была улыбка признательности. Илья прекрасно понимал, что гость пытается подарить ему надежду, и был благодарен ему за это.

— Ну, как там? — старик с беспокойством наблюдал за происходящим, и Марсель обратился к нему, чтобы как-то успокоить:

— Все в руках Господа нашего. Даст Бог — будет ходить твой внук.

— Ой, спасибо тебе! Век помнить буду твою доброту.

Старик, поддавшись внезапному порыву, обнял гостя, и тот, не ожидавший такого проявления чувств, с улыбкой похлопал его по спине.

— Ты все верно делаешь. Любовь — лучшее лекарство от любых ран. Если что-то и сможет поставить твоего Илюшу на ноги, то только она.

— А как же Бог, о котором ты говоришь?

— Он и есть любовь, разве ты не знал?

Подумав, что эта фраза может стать прекрасным завершением его визита, Марсель попрощался с хозяевами и уже направился к двери, но в этот момент его окликнул Илья. Сняв с могучей груди какую-то деревянную фигурку, но протянул ее ученому:

— Это мне досталось от отца — он всегда носил его с собой и перед своей смертью подарил мне. Возьми.

— Что это? Медведь? — ученый с интересом рассматривал довольно точную копию зверя, искусно вырезанную из дерева.

— Да. Говорят, что он защищает от сглаза и дарит здоровье. Мне он помочь не смог, может быть, поможет тебе в том, что ты задумал. Твой бог не запрещает тебе носить символы чужой веры?

— Думаю, он не станет возражать, — с улыбкой ответил Марсель и надел подарок на шею. — Прощайте, добрые люди!

7

Выйдя из помещения, историк увидел сразу несколько поселенцев, которые, стоя вдоль забора, с любопытством разглядывали его. Заметив, что он также смотрит на них, они тут же сделали вид, будто оказались здесь совершенно случайно, и разошлись в разные стороны. Усмехнувшись тому, как быстро здесь распространяются слухи, Марсель снова надел на лицо маску, таким образом, отгородившись от всех, и направился проведать Мусу. Войдя в помещение, он в первый момент не поверил своим глазам: мавр стоял на ногах в полном облачении и как раз проверял, надежно ли закреплена сабля. Меланья находилась рядом и заботливо поправляла одежду любимого. Заметив вошедшего, она отошла в сторону и скрестила руки на груди, отчего ее и без того внушительная фигура стала еще более солидной.

— Вы чего это удумали? — воскликнул Марсель, недоверчиво поглядывая то на мавра, то на женщину. — Тебе лежать нужно!

— Я здоровый, — спокойно ответил Муса и демонстративно несколько раз взмахнул руками. — Моя женщина вылечила. Всё, боли нет. Можем ехать.

— Вот прямо так, сразу?

Историк все еще не мог поверить в то, что рана, которая его современника уложила бы в постель, минимум, на месяц, оказалась такой пустяковой в десятом веке. Неужели люди со временем стали настолько слабее? Он и раньше замечал, что мужики, пострадав в результате несчастного случая или драки, восстанавливались с поразительной быстротой, но чтобы вот так — нет, прежде ученый такого не встречал. И, тем не менее, Муса, судя по всему, чувствовал себя отлично. С нежностью взглянув на Меланью, он что-то сказал ей на своем языке, и та покраснела. Устав удивляться происходящим вокруг него чудесам, Марсель сдался и махнул рукой:

— Ну, ладно. Раз готов, будем собираться. И позови своих помощников. Я вообще сомневаюсь, что они живы — ни разу носа из своей избы не высунули за все это время.

— Я сказал — они остаются, — беззаботно отозвался мавр. — Хорошие солдаты. Бери Курьяна, едем сейчас.

Не найдясь, что ответить, Марсель просто кивнул и вышел, оставив влюбленных наедине, чтобы они могли проститься друг с другом. Вернувшись к себе, он застал Курьяна уже собранным. Рядом на лавке с грустным видом сидел Тимоха и давал куму какие-то поручения.

— Свистульки — детям. Бабам — бусы. Ну, и мне чего-нибудь.

— Умный какой, — усмехнулся мужик. — Ни о чем не забыл?

— Забыл? — Тимоха сморщил лоб и несколько секунд молчал. — Кажется, все.

— А деньги?! Или ты думаешь, что мне это все просто так отдадут? Ага, еще и сверху добавят пару тумаков. Давай, не жмись!

— Да сочтемся, не чужие ведь люди!

— Ну, да! Так же сочтемся, как за ту телегу?

— Ну, так то давнишнее дело, — возразил Тимоха. — А кто старое помянет, сам знаешь…

— Я куплю все, что нужно, — Марселю пришло в голову, что этот спор может длиться до самого вечера, и он решил, что проще заплатить самому, чем пытаться выудить деньги из прижимистого мужика.

— Вот, человек дело говорит, — обрадовался Тимоха, — хоть и чужеземец.

— Собирайся, выезжаем, — вместо ответа кивнул историк Курьяну.

— Без черненького? — удивился мужик.

— С ним. Он уже на ногах.

— Чудеса!

Сборы заняли всего несколько минут, да и то только потому, что Тимоха постоянно вспоминал о каких-то новых вещах, без которых ему никак не обойтись. Увидев в госте источник дармовщины, он еще долго не успокоился бы, если бы кум не прикрикнул на него:

— Ты не наглей! Знай меру!

На том и порешили. Выйдя из хаты, Марсель увидел перед собой Мусу, который уже сидел верхом на коне и отдавал какие-то распоряжения своим помощникам. Наконец, все уже были готовы к отъезду. Несмотря на то, что пообщаться с местным населением им так и не пришлось, все жители селища собрались провожать гостей, словно те были им родные. Удивившись такому отношению, ученый поинтересовался у Тимохи, что происходит.

— Ну, как же, — кивнул тот. — Вы ведь нас, можно сказать, спасли. Когда бы еще княжеская дружина до нас доехала. Вот и провожают вас с любовью.

— Я думал, они меня боятся, — усмехнулся Марсель.

— Не без этого, конечно. Но одно другому не мешает.

Помахав рукой толпившемуся народу, историк в сопровождении своих спутников выехал за пределы селища. Последнее, что он заметил, был взгляд Меланьи, наполненный

такой чувственной нежностью, что ему стало не по себе. У него и так было дел по горло, а теперь еще предстояло думать о том, как бы сберечь Мусу и вернуть его невесте целым и невредимым. Впрочем, у мавра своя голова на плечах, подумал Марсель. Какой-то шум за спиной привлек внимание ученого, и он обернулся, бросив взгляд на поселение. То, что он увидел, не сразу дошло до его сознания. Люди пребывали в состоянии крайнего возбуждения и все, как один, смотрели в направлении мужчины огромного роста, который возвышался над остальными, как Колосс. Поняв, что это Илья, историк поперхнулся от неожиданности и протер глаза. Нет, сомнений не могло быть: недавний калека стоял на ногах и, подняв над головой могучую руку, махал ему вслед. Поколебавшись несколько секунд, Марсель ответил ему и отвернулся — первым его порывом, конечно, было вернуться, но он тут же одернул себя. Его заслуги здесь не было никакой, все произошло по счастливой случайности. Люди будут говорить о чуде? Пускай.

— Это Илья там, что ли? — Курьян подъехал к нему. — Нет, ты видел? Да это ведь чудо настоящее!

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — отозвался историк.

Не мог же он сказать другу о том, что парень встал на ноги и пошел после того, как лже-Кирилл возложил на него руки? Ему совершенно не хотелось, чтобы мужик относился к нему как-то иначе. Поэтому он сделал вид, что впервые слышит о недуге местного богатыря, и даже терпеливо выслушал подробную биографии Ильи в изложении Курьяна.

— И надо же было такому случиться, чтобы все это произошло на наших глазах, — подытожил мужик. — Эх, расскажешь — не поверят, засмеют.

— Так не говори никому, молва за тебя весть разнесет по всей округе.

— Как это? Знать — и не рассказать? — Курьян поразился так искренне, что Марсель не выдержал и громко расхохотался.

Муса обернулся на смех, но не стал подъезжать к беседующим, а только смерил их неодобрительным взглядом. Ученый обратил внимание на то, что мавр был предельно собран и серьезен, и этот факт порадовал его: он не хотел бы, чтобы телохранитель, от которого во многом зависела его безопасность, вдруг раскис, поддавшись чувствам. К счастью, весь оставшийся путь прошел без каких-либо приключений — мелкие поселки, которые попадались им, благополучно остались позади, когда они добрались до Киева. Марсель имел достаточно смутное представление о том, как должна была выглядеть столица

древней Руси, но все же ожидал чего-то необыкновенного, так что в первый момент даже почувствовал разочарование. Конечно, на фоне его родного селища город выглядел более чем внушительно, однако здесь не было ничего, что говорило бы о его высоком статусе, если не считать вооруженных до зубов дружинников, охранявших центральные ворота. Заметив путников, они тут же преградили им путь и в довольно резкой манере поинтересовались, кто они такие и зачем пожаловали. Вероятно, их смутил внешний вид Марселя, который предварительно надел маску, и его спутников. Правда, услышав ответ Мусы, стражники тут же изменили свое отношение на почтительное, из чего ученый сделал вывод, что его прибытия ждали. Один из дружинников отделился от основной группы и вызвался проводить их до конечной цели.

Проезжая по городу, Марсель все больше грустнел. Где шедевры русского зодчества, о которых он столько читал? Где шумные базары? Где вообще все? Киев с его странной планировкой и обычными деревянными избами, почти ничем не отличавшимися от своих сельских аналогов, не произвел на него вообще никакого впечатления. Разве что людей много, отметил про себя историк. И что они здесь забыли? Впрочем, возможно, он торопился с выводами. Подъехав к княжеской части, ученый заметил несколько каменных зданий, которые были намного выше и красивее остальных.

— Прибыли.

Охранник остановился перед въездом во двор одного такого строения и, подойдя к человеку, стоявшему у ворот, что-то прошептал ему, кивнув в сторону гостей. Тот округлил глаза и кинулся докладывать о визитерах. Спустя всего пару минут он спустился и заявил, что князь готов принять посланника греческой церкви, но его спутникам придется остаться снаружи. Марсель и не ждал, что Владимир пригласит в свои покои всю толпу, и поэтому просто сказал Мусе:

— Осмотритесь пока. Только осторожно.

Мавр кивнул и тут же отъехал в сторону вместе со своими помощниками, однако Курьян, который уже успел что-то себе нафантазировать, стал возмущаться такому неуважению к его персоне и успокоился, только когда дружинник без лишних слов ткнул его в грудь острием копья. Замолчав, мужик бросил обиженный взгляд на друга, но тот только отмахнулся от него и, ничего не говоря, проследовал за стражей. Внутри здание оказалось намного интереснее, чем снаружи, и он облегченно вздохнул: все-таки здесь было, на что посмотреть. В свое время ему удалось попутешествовать по Европе, и он видел несколько

средневековых замков, сохранившихся до его дней. Так вот, дом, по которому он шел, был построен по тому же принципу — оставаясь относительно комфортным жилым помещением, он мог в любой момент стать неприступной крепостью, которая была способна выдержать даже весьма длительную осаду. Строение имело несколько уровней, и если враг занял бы один из них, оборона могла вестись из следующего, потом — из следующего, и так далее. Последним бастионом оказалась просторная зала, в дальней ее части стоял стол, за которым сидел он — знаменитый Владимир Святославович, великий князь Киевский, и задумчиво рассматривал гостя поверх наполненного кубка. Испугавшись, что его внешний вид также не будет соответствовать его ожиданиям, Марсель не сразу взглянул на него, но, в конце концов, поднял глаза и с облегчением вздохнул: креститель славян выглядел так, как и должен был — рослый, полный сил мужчина с живыми глазами и открытым лицом. Вспомнив, как в детстве любил смотреть киносказку «Финист ясный сокол», ученый отметил про себя, что главную роль в ней вполне мог бы сыграть этот новый для него персонаж. Действительно, князь производил исключительно благоприятное впечатление, и историк обрадовался этому факту, как ребенок. Однако, вспомнив о собственном статусе, он почтительно наклонил голову и поприветствовал Владимира:

— Здравствуй, князь!

— И тебе здоровья, священник, — отозвался тот. — Рад видеть тебя в Киеве. Оставь нас!

Стражник, к которому были обращены эти слова, моментально вышел, и Марсель оказался наедине с властителем. Стараясь держаться с достоинством, он слегка поклонился в ответ на приглашающий жест хозяина и опустился на деревянный стул со спинкой — редкость для этих мест.

— Какой была твоя дорога? — вежливо поинтересовался Владимир. — Все ли прошло спокойно?

— Да, слава Богу, — ученый решил не упоминать о нападении. — Все здоровы.

— Да? Странно, а мне доложили, что пару дней назад произошло несчастье, в результате которого ты едва не погиб. Выходит, ошиблись мои люди?

Голос князя звучал совершенно ровно, и Марсель, удивившись его осведомленности, тем не менее, ответил ему в тон:

— Было дело. Но, как видишь, я перед тобой — живой и здоровый.

— Твой бог бережет тебя.

Историк никак не мог понять, благожелателен ли к нему собеседник — или только делает вид, будто интересуется его здоровьем. Почему-то у него создалось впечатление, что ему здесь не рады. Это было странно, ведь владыка Киева, насколько ему подсказывала память, должен был принять посла греческой церкви достаточно тепло. Так, во всяком случае, утверждали летописцы. Тем временем князь прищурился и спросил:

— А маска зачем тебе? Хворь какая или увечье?

— Не то и не другое, — Марсель снял маску и взглянул в глаза Владимиру. — Только мера предосторожности.

— Я думал, что ты во всем полагаешься на Всевышнего, — усмехнулся князь. — А так выходит, что ты больше на какую-то безделушку надеешься. Как такое может быть?

— На бога надейся, а сам не плошай, — растерянно пробормотал ученый, совершенно сбитый с толку словами собеседника, и снова надел маску.

— Умно.

Вспомнив о том, что до него здесь побывали представители других религий, Марсель решил, не ходя вокруг да около, приступить к главной цели своего визита.

— Мне стало известно, князь, что ты захотел больше узнать о Боге нашем. Для этого я здесь.

— Ты опоздал, — вдруг рассмеялся Владимир. — Мне уже обо всем рассказали.

— Как? — растерялся историк. — Кто?

— Да уж нашлись добрые люди, просветили меня. Теперь я знаю все — и, возможно, даже больше, чем ты можешь себе представить. Так что ты зря приехал, священник. Можешь отправляться домой. И передай императорам Византийским, что их сестра мне отныне без надобности. У нас здесь и своих невест довольно.

Такой поворот был совершенно неожиданным, и Марсель не сразу нашелся, что ответить. Пока он хлопал ресницами, князь поднялся и с довольным видом прошелся по зале. Ученый с трудом подавил подступающую дурноту и решил, что так просто сдаваться он не имеет никакого морального права.

— Слухи о мудрости владыки Киева разошлись далеко за пределами твоих земель, князь. Так почему же в этот раз ты веришь злым языкам и не желаешь выслушать того, кто ради встречи с тобой преодолел такое большое расстояние?

— Ты забываешься, церковник, — нахмурился Владимир. — Здесь я — закон, и слушать кого-то мне нет необходимости, своя голова на плечах имеется.

— Светлая голова, — ввернул Марсель.

— Хм…

Князь бросил взгляд на небольшую деревянную дверь, которая находилась в глубине помещения, и историку показалось, что она слегка приоткрылась. Но он не мог сказать наверняка, так ли это было на самом деле — или ему только показалось. Было заметно, что Владимир сомневается в принятом решении. Наконец, он кивнул и уселся на прежнее место.

— Ладно, пусть так и будет. Я ценю твои усилия и поэтому готов выслушать тебя. Возможно, я поторопился с выводами.

Марсель с облегчением вздохнул и постарался собраться с мыслями: все, что он когда-либо знал о встрече князя Киевского и Кирилла, смешалось в его голове, и теперь он уже с трудом мог отличить правду от собственных фантазий. Тем не менее, он взял себя в руки и, взглянув в глаза собеседнику, начал:

— Слышал я о том, что до меня у тебя побывали магометяне, латиняне и иудеи. Скажи, какое из их учений показалось тебе ближе?

— Каждый из посланников представлял дело так, что их вера и есть единственно правильная, а все остальные, и вы, в том числе, ошибаетесь.

— В чем же, по их мнению, состоит наша ошибка?

— Ты, я вижу, забыл о том, кто перед тобой, Кирилл, — князь рассмеялся. — Я слушатель, но никак не рассказчик.

— Да, ты прав. Я только хотел услышать из твоих уст слова моих предшественников, чтобы ты не подумал, будто я наговариваю на них. Однако если ты этого не хочешь, я не стану настаивать. Итак, иудеи, скорее всего, говорили тебе о том, что их вера первична, потому что и немцы, и мы, греки, веруем в того, кого они же и распяли.

— Ты угадал, — удивился Владимир, прищурившись. — Продолжай.

— Это воистину так. Иудейские мудрецы прорицали, что родится мессия, а потом он будет распят, но воскреснет и вознесется на небеса. Так и случилось. Однако Бог так и не дождался покаяния от своего народа и отвернулся от него. И нет теперь у них ничего — рассеял их Всевышний по странам, и до сих пор они страдают за легкомыслие свое. Я не выдумываю — это общеизвестно, можешь спросить любого. Неужели ты хочешь того же для своего народа?

— Говори, — кивнул с улыбкой князь, снова покосившись куда-то в сторону.

— Латиняне… — начал было Марсель, но в этот момент таинственная дверь вдруг распахнулась, и в залу вошла стройная девица в белых одеждах. Только взглянув на нее, ученый тут же

определил, что она не была обычной служанкой — слишком уверенно и с достоинством держалась гостья. Более того, она вела себя так, словно и вовсе была хозяйкой в этом доме. Мысленно присвистнув от удивления, историк поднялся со своего места и поприветствовал вошедшую, хотя его статус позволял ему не делать этого. Однако он поступил так намеренно, чтобы иметь возможность лучше рассмотреть девушку: молодая, лет восемнадцати всего, темные волосы, которые, вопреки местным обычаям, не были заплетены в косу и мягко ниспадали на плечи, светлая кожа, изящное телосложение. Наблюдая за тем, как девица, покачивая бедрами, неторопливо подошла к князю, и заметив его взгляд, полный нежности, ученый выругался про себя: эта неожиданная встреча могла в значительной мере усложнить выполнение его миссии.

— Лада, солнце мое, я ведь просил дождаться меня, — несмотря на упрек, голос Владимира звучал с теплотой, которая не оставляла сомнений: мужчина был по уши влюблен и даже не пытался это скрыть.

— Скучно мне там одной сидеть, — в голосе девушки слышались капризные нотки, однако они показались Марселю даже милыми. — Вот, решила послушать речи ученого человека.

— Здесь решаются государственные дела…

Князь покосился на гостя: не станет ли тот возражать? Однако Марсель сохранял абсолютно невозмутимый вид, и хозяин успокоился. Кивнув на место рядом с собой, он снова взглянул на собеседника:

— Продолжим.

— А можно и мне поучаствовать в этой беседе? Я случайно услышала последние твои слова, церковник, и мне стало так интересно, что я не смогла сдержаться.

— Конечно, дитя мое, — поколебавшись секунду, отозвался Марсель. — Кто я такой, чтобы лишать тебя возможности познакомиться с Богом?

— Вот и хорошо, — улыбнулась Лада. — Ты не против, свет очей моих?

— Совсем нет, — князь в этот момент мало напоминал грозного правителя, а был больше похож на юнца, потерявшего голову от страсти.

— Тогда скажи мне, священник, зачем тебе нужно, чтобы славяне обратились в твою веру?

Прозвучавший вопрос был таким неожиданным, что Марсель сначала опешил. Он-то думал, что девица будет спрашивать его о сути христианства. Что ж, дружок, подумал ученый, впредь будешь умнее, а теперь выкручивайся, как сможешь.

— Это обязанность каждого верующего — просвещать народы, до сих пор пребывающие в неведении относительно истинного положения дел, — ответил он ровным голосом.

— Да? — захлопала длинными ресницами Лада. — А я, глупая, думала, что вам нужна наша помощь в войне с Фокой, который, говорят, уже одержал несколько побед и теперь готовится свергнуть самого императора Василия. Может быть, я ошибаюсь? Тогда прости меня, сам ведь, наверное, знаешь: народ болтает всякое. Или все так и есть?

— Фока вероотступник, ему воздастся по заслугам. С вашим участием или без него, но все так и будет.

— Тогда меня ввели в заблуждение. Ох, если найду тех, кто распространяет эти слухи, не поздоровится им. Надо же, такого насочинять. А еще народ говорит, будто властители византийские намерены воспользоваться помощью войска русского в походе против армян, да и вообще… Что скажешь, церковник?

— Все это дела мирские, — нашелся ученый. — К вере моей они не имеют никакого отношения.

— Но разве ваши войны не ведутся от имени Бога? — Лада прильнула к князю и заглянула ему в глаза, продолжая говорить. — А у нас все спокойно. Нам не нужно никому навязывать свою веру, мы и так знаем, что она истинна. Верно я говорю, милый?

— Да, душа моя, — улыбнулся Владимир.

— Вот, видишь, священник, — девушка повернула лицо в сторону Марселя. — Наши отцы и деды верили в Рода, поклонялись солнцу и земле. У нас все хорошо. Гораздо лучше, чем у вас. Ты только что говорил о том, что твой Бог отвернулся от иудеев за то, что те, дескать, пошли против него. Так, может быть, он и на вас насылает все беды за то, что вы живете не так, как следовало бы. Ты не думал об этом?

— Замыслы Всевышнего мне неизвестны, — покачал головой ученый. — Возможно, он, действительно, испытывает нас. Но это не значит, что…

— Это может означать только то, — перебила его Лада, — что твоя религия, философ, приносит людям лишь беды, в то время как наша вера идет от сердца и поэтому не может никого сделать несчастным.

— В тебе говорит Дьявол, — неожиданно для себя брякнул Марсель, которого речи девицы задели даже больше, чем он сам себе в этом признавался.

То, что начиналось как обычная беседа, неожиданно превратилось в обвинительную речь. Летописцы ни о чем подобном не рассказывали, и историк теперь гадал, как же все

было на самом деле и что следовало говорить, чтобы не попасть впросак. И откуда взялась эта Лада, черт бы ее подрал? Ученый читал о том, что князь до принятия христианства не отличался особой сдержанностью относительно прекрасного пола, может быть, это просто одна из фавориток? Сомнительно… Слишком уверенно она вела себя. Тем временем девица рассмеялась в ответ на выпад собеседника.

— Ты забыл о том, что я не верю в твоего бога. Значит, и в дьявола — тоже не верю. Ты разочаровал меня, священник. Я думала, что ты умный человек.

— Все мы иногда ошибаемся в своих предположениях, — в тон ей ответил ученый. — Я вот полагал, что владыка Киевский принимает решения самостоятельно, а оказалось, что здесь все решает баба.

Марсель понимал, что, говоря так, он сильно рискует, однако в какой-то момент происходящее вокруг показалось ему настолько далеким от реальности, что он решил больше не сдерживаться. Действительно, что ему еще оставалось? Вернуться в селище и доживать там свой век? Глупо. Отправится в Византию, чтобы его там моментально вывели на чистую воду и казнили? Еще глупее. Плюнуть на все и попытаться убедить себя в том, что его слабость никак не отразится на будущем человечества? Нет, на такую подлость он пойти не мог. Оставалось только надеяться на то, что князь прислушается к голосу разума и не станет сжигать мосты между собой и могучими соседями, которые хоть и нуждались в его помощи, но все еще оставались сильным государством. Однако слова собеседника привели Владимира в ярость. Вскочив на ноги, он навис над Марселем:

— Что ты только что сказал, церковник?!

— Я сказал, — стараясь сохранять спокойствие, ответил историк, — что приехал сюда вести важные переговоры с князем Владимиром, а не с его женщиной. Если бы я знал об этом заранее, то взял бы с собой послушниц.

— Ты, я вижу, смелый человек, — лицо князя исказилось, и он теперь мало напоминал героя сказок — перед Марселем стоял безжалостный правитель, которому ничего не стоило убить человека. — Не боишься за свою жизнь?

— Людская жизнь — лишь мгновение, тонкая нить, которую может оборвать любой. Однако, кроме мирской жизни, существует еще духовная. Поэтому я спокоен. Убьешь меня — я попаду в рай. Император даже не заметит моего исчезновения. Он найдет себе другого посланника, который впредь будет обходить стороной твои земли, неся знания другим народам. А ты можешь

и дальше молиться своим богам и делать вид, что мир вокруг тебя не меняется. Кто от этого выиграет — еще вопрос.

Скрытая угроза, прозвучавшая в речи Марселя, возымела нужный эффект: Владимир сразу остыл и вернулся на свое место, задумчиво почесывая подбородок. Лада же была совершенно спокойной — все это время она с любопытством наблюдала за происходящим и теперь, казалось, даже была немного разочарована тем, что князь не дал выхода своей ярости. Тем не менее, она предпочла не вмешиваться, вероятно, не желая лишний раз раздражать мужчину.

— Ты оскорбил меня, — князь снова заговорил ровным голосом, который сильно контрастировал с той атмосферой опасности, которая царила в зале. — И я должен был бы казнить тебя, не раздумывая. Однако я помню и о том, что до сих пор у нас с твоим правителем не было ссор. К тому же посланников у нас не принято убивать, даже если они ведут себя чересчур вызывающе. Поэтому я забуду о твоей дерзости. Ты устал с дороги, тебе следует отдохнуть. Завтра продолжим нашу беседу. Слуги покажут тебе твои покои.

Сказав это, Владимир поднялся и, демонстративно отвернувшись от гостя, подошел к окну. Поняв, что аудиенция закончена, Марсель также встал и на негнущихся ногах вышел из залы. Оказавшись за дверью, он вдруг почувствовал, что его начинает колотить нервная дрожь, и попытался взять себя в руки. Мужчина не был уверен в том, что эта временная отсрочка не была простым предлогом удалить его из комнаты, чтобы придушить где-нибудь по-тихому. Ученому было известно о том, что русские правители, в отличие от своих западных соседей, редко когда устраивали показательные казни, предпочитая устранять неугодных так, чтобы потом можно было развести руками: мол, что поделаешь — споткнулся человек на ровном месте и сломал себе шею, или в простынях запутался и самоудушился. Поэтому Марсель прежде, чем пройти в отведенную для него комнату, настоял на том, чтобы ему разрешили пообщаться с его спутниками. Похоже, что сопровождавшему его стражнику не давали никаких распоряжений на этот счет, потому что он с равнодушным видом кивнул и проводил его к выходу.

Марсель надеялся на то, что Муса не последовал его совету осмотреться, а остался ждать возле княжеского дома, и поэтому едва сдержал радостное восклицание, когда увидел мавра, который ждал его, сидя верхом на лошади. Его помощники находились тут же, не было только Курьяна. Впрочем, у мужика не было никаких веских причин оставаться здесь, и историк

подумал, что он, скорее всего, отправился на местный рынок.

— Что? — спросил Муса, внимательно приглядываясь к Марселю.

— Нам придется задержаться здесь, — ответил тот, борясь с желанием вскочить в седло и поскорее умчаться, куда глаза глядят. — Князь сегодня не в духе.

— Ладно.

— Скажи-ка мне, добрый человек, — обратился ученый к стражнику, который продолжал стоять рядом, — где поселятся мои люди?

— Князь об этом ничего не говорил, — отозвался тот, позевывая.

— Значит, они могут жить со мной?

— Значит, могут. Только тесно вам там будет — не хоромы, чай.

— Ничего страшного, мы потерпим.

Отправив двух охранников на поиски Курьяна, ученый поманил за собой мавра, и тот легко спрыгнул с коня. Проследив за тем, куда отведут лошадь, Муса, наконец, кивнул и заявил, что готов. Человек князя смерил его подозрительным взглядом и, подумав несколько секунд, показал взглядом на саблю:

— Сними. С оружием нельзя.

Заметив, что стоявшие неподалеку дружинники, услышав эти слова, словно невзначай подошли ближе, Марсель усмехнулся: судя по всему, киевляне опасались заморского гостя.

— Не спорь, — обратился он к мавру.

Помедлив немного, Муса все же подчинился — отстегнув саблю, он вместе с ножнами передал ее охраннику, заметив при этом:

— Потеряешь — голову оторву.

— Ну-ну, — усмехнулся тот, принимая оружие. — Что ж, пойдемте.

Больше не боясь поворачиваться спиной к безоружным спутникам, он повел их по коридорам и спустя всего две-три минуты открыл одну из тяжелых дубовых дверей.

— Располагайтесь.

Комната, в которой Марсель оказался, разочаровала его не только своими размерами, но и весьма скромным убранством. Даже по сравнению с избой, которую предоставил им Тимоха, покои, как их назвал Владимир, казались бедными и темными и, скорее, напоминали келью, чем жилое помещение. Тем не менее, здесь было все необходимое, и ученый кивнул охраннику:

— Благодарю! Передай князю, что я всем доволен.

— Да уж, передам, будь спокоен, — буркнул тот, уходя.

Выглянув за дверь и убедившись в том, что в коридоре никого не было, если не считать дружинника, который находился достаточно далеко от комнаты и поэтому не мог их слышать, Марсель сделал знак Мусе говорить тише и прошептал:

— Все сложнее, чем я думал. Князь не хочет креститься. Он вообще ничего не хочет. И еще я, кажется, здорово его оскорбил.

— Что сказал? — спросил мавр.

— Что баба за него решения принимает. Не стоило, да?

— Зря, — осуждающе покачал головой Муса. — Убить могут.

— Вот и я тоже об этом подумал. Но пока мы еще живы, так что давай-ка вместе придумаем, что делать дальше.

— Какая баба? — мавр, уловивший основную мысль собеседника, решил разобраться в ситуации.

— Некая Лада. Не знаю, кто она такая, но точно не жена князя.

— Почему знаешь?

— Просто знаю, и всё, — нетерпеливо отмахнулся Марсель — не мог ведь он в разговоре ссылаться на летописи. — Но это не так важно. Она настраивает Владимира против нас. Скорее всего, ее подослали к нему.

— Муслимы? — нахмурился Муса.

— Не думаю, — ученый впервые всерьез задумался о том, кем на самом деле была эта таинственная девушка, и пока не мог дать определенного ответа на этот вопрос. — Она не склоняет князя к смене веры, напротив, настаивает на том, что нужно все оставить, как есть.

Сказав это, Марсель вдруг замолчал. У него было ощущение, будто он упускает что-то очень важное, что находится на поверхности, но почему-то не видно ему. Попросив своего собеседника дать ему пару минут на размышления, он опустился на лавку и закрыл глаза. Девушка была слишком образованной для простолюдинки — это было слышно по ее речи. К тому же мужчину смущала и беспокоила ее поразительная осведомленность. Создавалось впечатление, будто она знала не только о цели его визита, но и многое из того, что даже ему было неизвестно. Может быть, Лада была шпионкой? Тайным агентом неизвестных врагов Владимира? Это многое бы объясняло: и ее влияние на князя, и нежелание менять что-то в укладе славян, чтобы они остались на своем прежнем уровне и потеряли бы сильных союзников. Но что-то подсказывало ученому, что это было не так, однако и собственной версии, которая могла бы хоть как-то объяснить произошедшее только что, у него не было. Как он ни старался, этот неизвестно откуда взявшийся персонаж не вписывался ни в одну из знакомых ему исторических ниш.

Наконец, устав строить догадки, он повернулся к Мусе, который все это время терпеливо ждал.

— В общем, ситуация такова, — Марсель решил, что нужно еще раз обрисовать ситуацию, чтобы убедиться в том, что Муса все верно понимает. — Все оказалось сложнее, чем я предполагал. Князь не жаждет переходить в лоно православной церкви. Дурные мысли ему нашептывает какая-то девица, которая имеет на Владимира большое влияние. Чтобы выиграть немного времени, я нагрубил ему, так что нам может грозить серьезная опасность. Сглупил, не спорю. Пока есть время, можешь уезжать, я пойму. Но решать нужно прямо сейчас, иначе потом может быть поздно.

— Останусь, — просто ответил мавр, словно речь шла не о его жизни, а о каком-то пустяке. — А девица… Что делать будешь?

— Не знаю, — ученый задумчиво почесал подбородок. — Очень странная она. Что-то в ней есть такое, чего я никак не могу понять.

— Мешает — можно убрать, — Муса сделал движение, означающее лишение кого-то жизни. — Богоугодное дело.

— Что? — не сразу понял Марсель. — Убить ее? Нет! Совсем не богоугодное дело, а очень даже наоборот. И вообще, чтобы впредь я от тебя таких предложений не слышал, понял? Убивать можно, только если на тебя нападают. Всевышнему противно, когда подобные дела совершаются с его именем на устах.

— Раньше учил иначе, — нахмурился мавр. — Говорил: можно.

— Я ошибался, — ответил историк, содрогнувшись от мысли о том, какие ценности успели вложить Кирилл и ему подобные в головы своих последователей. — Все мы ошибаемся иногда. Но главное — вовремя осознать это и искренне раскаяться. Не ты подарил человеку жизнь, не тебе ее и отнимать.

— Ладно, — нехотя согласился Муса, которому неожиданное человеколюбие, сразившее его начальника, показалось немного странным. — Что тогда?

— Пока не знаю, — постепенно остывая, покачал головой Марсель. — Будем действовать по ситуации. Возможно, все не так плохо, как мне показалось. Во всяком случае, князь назначил на завтра еще одну встречу. Если нас до того времени не удавят, думаю, многое прояснится.

— Не удавят, — отозвался мавр, с довольным видом доставая из скрытых ножен два тонких и длинных клинка наподобие стилетов и демонстрируя их историку.

— Ну, раз так… — ученый покосился на собеседника, наблюдая за тем, как тот несколько раз подкинул клинки под

потолок и ловко поймал их. — Тогда ладно.

В этот момент за дверями послышались звуки приближающихся шагов, и Муса быстро спрятал оружие. Когда в комнату вошел Курьян в сопровождении чернокожих охранников, Марсель с облегчением вздохнул: несмотря на то, что он был почти уверен в том, что с его другом все в порядке, все же он был рад видеть его целым и невредимым. Впрочем, сам мужик был крайне недоволен тем, что его отвлекли от очень важного, как ему казалось, дела.

— Это что ж такое?! — возмутился он, как только увидел ученого. — Я уже почти сторговался, как вдруг появились эти и почти силком уволокли меня! Ты приказал?

— Да, так было нужно, — кивнул Марсель, не обращая внимания на обвинения Курьяна.

— Ну, это уже ни в какие ворота не лезет! И что это за место? Мне проще где-нибудь на стоге сена переночевать, чем здесь жаться. У князя что, ничего лучшего для нас не нашлось? Ты ведь посланник, а не Ванька какой.

— Молчи, майнун! — Муса шикнул на разошедшегося мужика, но тот только отмахнулся:

— Сам майнун! Эх, говорили мне, что нужно было в Триполье нашем остаться. Нет ведь, поперся куда-то за тридевять земель. И зачем? Чтобы в этом каменном мешке сидеть, как мышь?

С улыбкой наблюдая за этим театром одного актера, Марсель вдруг насторожился и прислушался — ему показалось, что из-за его спины доносится какой-то шорох. Обернувшись, он увидел, как небольшой камень, казавшийся частью стены, немного сдвинулся в сторону, и в образовавшейся пустоте мелькнуло что-то светлое. Нерешительно взглянув на своих спутников, которые ничего не заметили, поскольку были увлечены разглагольствованиями Курьяна, ученый решил ничего не говорить им, пока сам не разберется. Сделав вид, что поправляет одежду, он оперся рукой о каменную кладку и заглянул в щель. В следующий момент он вытащил оттуда небольшой кусочек бересты, на котором было что-то написано. Подойдя к окну, он некоторое время таращился на послание, а потом сунул его за пазуху и молча направился к выходу.

— Куда это ты? — остановил его Курьян.

— Дело есть одно, — бросил в ответ Марсель и жестом остановил Мусу, двинувшегося было за ним следом. — Нет, останься здесь.

Мавр с удивлением взглянул на него, но спорить не стал. Выйдя за дверь, ученый взглянул туда, где совсем недавно стоял княжеский охранник, и увидел, что тот теперь сидел на

корточках, навалившись спиной на стену, и, кажется, дремал. Понимая, что подобное поведение для княжеской стражи недопустимо даже в мирное время, Марсель, тем не менее, не стал заострять на этом внимание и повернул в другую сторону. Дорога заняла у него меньше минуты, но за это время он успел подумать о многом. В его голове творился форменный кавардак, и ему стоило немалых усилий собраться с мыслями. Во-первых, записка, которая содержала всего несколько слов, перевернула его представление о происходящем с ног на голову, прежде всего, потому, что была написана на хорошо понятном ему русском языке, который можно было бы ожидать от человека, живущего в двадцать первом веке, но никак не от древнего славянина, что уже не вписывалось в общую картину мира, в котором он находился. Во-вторых, письмо было отправлено Ладой, о чем свидетельствовала подпись. И, наконец, в-третьих, девушка заявляла, что «знает правду». Марсель мог только гадать, что это могло значить. Странно, но он ни на секунду не задумался о том, что все это могло оказаться ловушкой для него. Впрочем, даже если это было бы так, что с того? Пожелай князь убить его и остальных, ни он, ни Муса со своими клинками не смогли бы ему помешать. Максимум, на что они могли рассчитывать, это смерть во время схватки, но такой вариант не слишком успокаивал историка. Размышляя таким образом, он дошел до очередного тупика и, с трудом ориентируясь в темном коридоре, заметил небольшую дверь, почти сливавшуюся со стеной. Поколебавшись несколько мгновений, он сделал глубокий вдох, толкнул ее и шагнул внутрь.

Часть вторая

1

Лада родилась намного раньше срока. Женщина, носившая ее под сердцем, болтала о чем-то с соседкой и смеялась, поглаживая живот, но вдруг ее лицо перекосилось от боли, и она, согнувшись пополам, повалилась на землю. Тут же сбежались люди, беременную перенесли в избу, и уже через несколько минут к ней явился местный знахарь. Осмотрев пациентку, которая потеряла сознание и больше не реагировала на внешние раздражители, он обеспокоенно покачал головой и попросил мужа больной принести его мешок со снадобьями. Как только все было доставлено, он принялся торопливо смешивать травы, бормоча себе что-то под нос.

— Чего это, а? — не находящий себе место мужик то и дело заглядывал ему через плечо и мешал сосредоточиться. — Что с ней? Все хорошо?

— Отстань, — отмахнулся тот.

Как только все было готово, он растолок получившуюся смесь в ступке до порошкообразного состояния и, разведя ее водой, наклонился к женщине: разжал ее челюсти и влил в рот лекарство. Больная тут же зашлась кашлем, но пришла в себя лишь на мгновение, после чего опять потеряла сознание. Подождав некоторое время, знахарь приложил ухо к ее груди, послушал с минуту, затем с сожалением вздохнул и поднялся:

— Тряска у твоей жены грудная. Наверное, родилась такой. Мне жаль, дружок.

Мужик некоторое время непонимающе смотрел на говорившего, но как только до него дошел смысл сказанного, его лицо исказилось, и он без сил опустился на земляной пол.

— Срок-то какой? — знахарь похлопал убитого новостью мужчину по плечу. — Когда рожать должна?

— В липень обещала, — отозвался тот, глядя прямо перед собой.

— Ох-хо, — вздохнул врачеватель. — Так ведь цветень на дворе. Не выживет ребенок. Сама она уже не сможет родить, нужна помощь.

— И долго ей осталось? — мужик с нежностью погладил жену по руке и схватился за горло, чтобы сдержать рыдания.

— Нет, сегодня же вечером отойдет. Решай.

— Что решать-то? — воскликнул несчастный. — Ты только скажи, что нужно — я все сделаю!

— Сам я не возьмусь принять роды, — с сомнением в голосе произнес знахарь. — Ребенок умрет. Но есть выход. Согласишься

на него — он выживет, но ты никогда его больше не увидишь.

— О чем ты говоришь?

— Нужно твою жену отнести к волхвам. Если кто и может спасти твое дитя, так это только они. Но ты знаешь правила: тому, кто к ним попадает, обратного пути нет. Поэтому подумай хорошенько, прежде чем…

— Я согласен, — решительно заявил мужчина. — Но скажи… Моя Лада — она точно… То есть…

— Да, мне жаль, — кивнул знахарь. — Она уже не с нами. Скоро и тело ее перестанет жить.

— Тогда делай то, что должен. Я даю свое согласие.

Врачеватель опустился рядом с мужчиной и, заглянув ему в глаза, сказал:

— Ты все делаешь верно. В том, что произошло, нет твоей вины. Помни об этом. Сейчас ты спасаешь жизнь своей дочери.

— Дочери? — выдохнул мужик.

— Да. Девочка будет жить благодаря тебе. Как ты хотел бы назвать ее? Я передам твои слова волхвам.

— Лада. Пусть ее будут звать Ладой, как мать.

— Да будет так.

Так, еще не родившись, девочка уже обрела новую семью. Волхвы никогда не делали тайны из ее происхождения: как только ей исполнилось семь лет, ее привели в Козино и показали — правда, издалека — мужчину, который, согнувшись, копался в земле:

— Посмотри на него внимательно, чтобы запомнить. Это твой отец.

— Я могу поговорить с ним?

— Нет.

На этом все и закончилось. Больше Лада никогда не видела своего родителя, хотя много раз бывала в тех местах. Закрытое сообщество жрецов было единственным, которое она знала, и ее новый статус делал ее особенной для остальных людей. Завидев ее, они шептались и почтительно склоняли головы. Со временем такое отношение стало казаться девушке совершенно естественным, и она даже не задумывалась о том, что ее жизнь могла бы пойти иначе, не начнись она с несчастья. Знания, которые вкладывали в нее учителя, были такой же частью ее существования, как еда или сон. Впервые Лада в полной мере осознала, что отличается от остальных, когда, увлекшись собиранием целебных ягод, зашла слишком далеко от дома. Услышав за спиной шорох, девушка обернулась и успела заметить трех здоровых мужиков, окруживших ее и медленно приближавшихся с гадкими улыбками. Сначала она подумала, что

это игра, и даже улыбнулась им в ответ, но тут же почувствовала, как один из них грубо схватил ее за руку и с силой рванул на себя.

То, что произошло в следующий момент, было результатом знаний, которые терпеливые и настойчивые учителя вкладывали ей в голову на протяжении двенадцати лет. Все движения Лады были неосознанными, словно ее руками управлял кто-то другой. Когда схвативший ее мужик сложился пополам и без звука рухнул на траву, оставшиеся не сразу поняли, с чем им пришлось столкнуться. Возможно, они так до конца и не осознали опасности, которая им грозила. Все заняло не более двух-трех секунд. Глядя на выражение крайнего изумления, застывшее на лицах мертвецов, Лада не испытывала ни страха, ни раскаяния. Нет, они получили по заслугам — так ее учили. Но все же она испытывала неприятное чувство, словно забрала то, что ей не принадлежало. Когда вечером она рассказала своему наставнику о том, что произошло, он попросил отвести его на место схватки. Опустившись на одно колено рядом с мужчиной, который умер первым, волхв некоторое время всматривался в его широко раскрытые глаза, а затем поднялся и погладил девушку по голове.

— Ты все сделала верно. В нем не было добра, только тьма и желание разрушать. Такие люди не должны жить.

— Разве не ты говорил о том, что в каждом из нас есть и тьма, и свет? — удивилась Лада.

— Изначально — да. Но рано или поздно человеку приходится делать выбор между добром и злом. Эти люди его уже сделали. Не сожалей о содеянном. И никогда не сомневайся в себе. Мы вырастили тебя для великих дел, которые тебе еще предстоит совершить.

— О каких делах ты говоришь, учитель?

— Ты обо всем узнаешь в свое время. А сейчас нам нужно избавиться от тел.

Отступив в сторону на несколько шагов, волхв велел Ладе встать за его спиной, а сам особым образом приложил ладони ко рту и издал странный, ни на что не похожий, звук. Уже спустя несколько секунд девушка заметила темные тени, мелькнувшие между деревьями. В следующий момент она, затаив дыхание, наблюдала за стаей волков, которые, явившись на зов ее учителя, стояли перед мертвецами и вопросительно смотрели на волхва, словно спрашивая, зачем он позвал их.

— Братья, — обратился тот к хищникам, указывая рукой на тела, — сделайте так, чтобы их не нашли. Пойдем, Лада. Не нужно тебе смотреть на это.

Девушке очень хотелось обернуться, но она пересилила себя

и продолжала медленно удаляться от места трагедии, оставляя за спиной свои первые жертвы, от которых, судя по клацанью волчьих зубов, в скором времени ничего не должно было остаться.

В следующие пять лет Лада узнала о том, какая огромная пропасть отделяет ее от родного отца. Способности, которыми обладали волхвы, не позволяли им вести жизнь обычных людей, поэтому они строили свои капища в глухих чащах и других труднопроходимых местах. Впрочем, эта предосторожность была скорее данью традициям — люди и так обходили их стороной, стараясь лишний раз не беспокоить. В свою очередь, волхвы также не вмешивались в естественный ход истории, позволяя событиям идти своим чередом. Так было до тех пор, пока Ладе не исполнилось семнадцать. В день ее рождения учитель призвал ее и, усадив перед собой, долго и внимательно рассматривал ее, словно пытался увидеть что-то новое. Наконец, он удовлетворенно кивнул и с неожиданной нежностью обнял:

— Прости меня, дитя.

— За что ты просишь прощения, учитель? — удивилась девушка.

— За судьбу, которые мы уготовили для тебя. Видит Род, я не хотел этого. Но другого выхода у нас нет.

— Я не понимаю, о чем ты.

— Скоро поймешь.

Волхв не обманул — очень скоро жизнь Лады изменилась так сильно, что она уже с трудом понимала, кем была и зачем. Началось все с того, что наставник привел ее в странную комнату, стены которой были сделаны словно изо льда. Однако когда девушка прикоснулась к голубой светящейся изнутри поверхности, то обнаружила, что она была теплой. Было непонятно, откуда исходил свет, ведь в помещении не было окон, но волхв вместо ответа на этот вопрос только отрицательно покачал головой:

— Это не важно, устройство нашего мира — великая тайна, на постижение которой может уйти вся жизнь. У тебя нет столько времени.

— А на что тогда есть? — поинтересовалась Лада.

— Закрой глаза и возьми меня за руку. Расслабься, не думай ни о чем.

Волхв еще говорил что-то, а девушка уже почувствовала, как плывет сквозь пространство. Впрочем, это нисколько не обеспокоило ее — она уже не раз погружалась в полубессознательное состояние для более глубокого усвоения пройденного материала. Учителя говорили, что такая практика

способна закрепить новые навыки и постичь самое себя.

Уже в следующее мгновение Лада поняла, что на этот раз что-то пошло не так — ей стало трудно дышать, и все тело словно стало тяжелее в несколько раз. Однако юная жрица давно научилась справляться с подобными трудностями и поэтому только плотнее сжала губы. Долгие годы тренировки принесли свои плоды — она быстро смогла взять себя в руки и с удовольствием почувствовала, что дышать стало легче. Стараясь контролировать каждую частицу своего тела, девушка вскоре поняла, что все закончилось. Открыв глаза, она некоторое время с удивлением смотрела по сторонам, пытаясь понять, где находится. Пещера, в которой она только что была со своим учителем, исчезла — куда бы она ни взглянула, всюду возвышались странные постройки, многие из которых достигали высоты вековых дубов. По слишком ровной земле шли толпы людей, у большинства которых лица не выражали ничего, кроме крайней озабоченности. По отдельно отведенным тропам ехали повозки разных размеров, некоторые из которых издавали при этом громкие резкие звуки.

— Я рад, что ты оказалась сильной. Многие из наших боялись, что ты не выдержишь этой дороги.

Обернувшись на голос учителя, Лада уже открыла рот, чтобы спросить, куда же она попала, да так и осталась стоять, потрясенная внешним видом волхва. Нужно сказать, что причин для такой реакции у нее было достаточно. Длинная седая борода, балахон серого цвета, какой носили все посвященные, посох — все это исчезло. Перед девушкой стоял ее наставник, но теперь его борода была аккуратно пострижена, а длинные волосы — собраны в подобие конского хвоста. Одежда тоже была более чем странной: слишком узкая рубаха, которую он зачем-то заправил в плотные штаны синего цвета, демонстрировала окружающим его мощную грудь, а на ногах вместо привычных башмаков была необычного вида обувь, какой прежде Лада никогда не видел.

— Что, не нравится? — рассмеялся мужчина реакции своей ученицы. — Ничего, привыкнешь. Здесь иначе нельзя. Кстати, тебе я тоже одежку подобрал по своему усмотрению. Извини, если что не так.

Девушка опустила взгляд вниз и с трудом сдержала удивленный возглас: она сама немногим отличалась от своего спутника — разве что рубаха на ней была более широкая и спускалась чуть ниже пояса. Стыдливо прикрывая обтянутые эластичной тканью ноги, Лада, наконец, решила выяснить, что происходит.

— Где мы, учитель? И почему в таком виде?

— Тебе, дитя мое, предстоит пройти главное испытание в своей жизни, — волхв обвел руками пространство вокруг себя. — Добро пожаловать в будущее. Так будут жить люди спустя много веков после того, как наши с тобой тела превратятся в пыль.

— Почему здесь такой тяжелый воздух? — девушка поморщилась. — И почему повозки двигаются сами, без лошадей? И куда все спешат? Что это за место вообще?

— Сколько вопросов сразу, — улыбнулся волхв. — Впрочем, я тебя понимаю. Воздух тяжелый потому, что его загрязняют эти самые повозки. Они называются автомобилями. Почему нет лошадей? Они больше не нужны. Люди спешат по своим делам — работа, учеба, дети. Так здесь живут. А город… Не узнаешь? Это Киев, милая.

— Неужели повсюду так же? — ужаснулась Лада, поморщившись, когда одна из машин резко затормозила и просигналила пешеходу, который перебегал дорогу. При этом из автомобиля высунулся рассерженный мужик и, судя по интонациям и покрасневшему от злости лицу, прокричал что-то крайне неприличное.

— Ну, не везде, конечно, — отозвался волхв. — Еще остались места, где можно дышать полной грудью, но их не так много. Да и люди стараются все больше жить в городах.

— Зачем?

— Здесь легче найти работу.

— А земля? Ее тоже больше никто не пашет?

— Пашут, конечно. Но по-другому, не так, как это делают у нас. Ты обо всем узнаешь уже очень скоро. Видишь ли, совет старейшин решил, что ты должна будешь пожить здесь некоторое время, чтобы понять, нужно ли нам такое будущее — или нет.

— Как? — ахнула девушка. — Ты хочешь оставить меня в этом мире? Но я не хочу!

— Я понимаю тебя, — мужчина погладил по голове ученицу, с любовью глядя на нее. — Поверь, если бы у меня был выбор, я бы никогда не попросил тебя об этом. Но мы все стары. Нет, не телом — духом. Мы слишком привыкли к своему образу жизни и уже часто не способны отличить хорошее от плохого.

— Не говори так! — воскликнула Лада. — У меня нет и сотой части твоей мудрости.

— Возможно, — согласился волхв. — Но в этом твое преимущество передо мной. Ты еще можешь удивляться и воспринимать новое. Не волнуйся, я верну тебя домой, когда ты выполнишь свою миссию.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Хорошо, — поколебавшись несколько секунд, наконец, согласилась девушка. — Но что я должна буду делать?

— Ничего особенного. Просто жить здесь. Знакомиться с людьми, интересоваться их делами, смотреть по сторонам и стараться понять, в чем заключается смысл существования человека. Да, сегодня семь тысяч пятьсот двадцать четвертый год со дня сотворения мира. Правда, летоисчисление этих людей отличается от нашего, ты должна об этом знать.

— Как сильно?

— Достаточно. Они считают, что на дворе две тысячи шестнадцатый.

— Ужас какой, — выдохнула девушка, но тут же взяла себя в руки и снова обратилась к наставнику. — Но я ничего не знаю о местных обычаях. Как я смогу сойти за местную?

— Постарайся, — пожал плечами мужчина. — Здесь я ничем не могу тебе помочь. Ты способная ученица, думаю, у тебя все получится. К тому же этот мир несовершенен, так что тебе не придется сильно стараться — многие изо всех сил стараются отличаться от остальных. Возможно, и ты придешься ко двору. Но если я почувствую, что тебе грозит опасность, то тут же приду на помощь, можешь быть спокойна. Прости, но больше я ничего не могу сделать для тебя.

— А как долго мне придется здесь оставаться?

Лада с тоской огляделась вокруг, а когда повернулась к тому месту, где только что находился ее учитель, поняла, что разговаривает с пустотой — старец исчез, оставив вместо себя небольшую дорожную сумку с двумя наплечными ремнями. Увидев, что осталась одна, девушка вдруг почувствовала себя брошенной и, закинув сумку на спину, поискала глазами место, где она могла хотя бы на время спрятаться от людей. Пока она беседовала со жрецом, их будто защищал невидимый щит — во всяком случае, прохожие по какой-то причине обходили собеседников стороной. Однако теперь Лада оказалась в самом центре постоянно движущейся толпы и почувствовала, что ей начинает овладевать чувство, похожее на панику. Это ощущение было настолько новым для нее, что она не сразу поняла, что происходит, а когда до нее, наконец, дошло это, девушка постаралась выбраться из непрекращающегося потока. Когда ей удалось это сделать, она, прижавшись спиной к прозрачной стене, некоторое время пыталась восстановить дыхание и прийти в себе.

— Хорошо, — пробормотала себе Лада. — Мне просто нужно время. Все обойдется.

Стараясь держаться подальше от толпы, она прошла вдоль зданий и, увидев зелень деревьев, устремилась к ней. К счастью,

уже спустя несколько минут ей удалось добраться до большой лужайки, которая была покрыта ровным слоем травы. Конечно, здесь все сильно отличалось от того, к чему она привыкла, однако девушка обрадовалась и такому скромному клочку природы. Заметив пустую лавку со спинкой, которая стояла в стороне от остальных, она опустилась на нее и на несколько секунд закрыла глаза. Если бы кто-то сказал вчера, что уже на следующий день ей предстоит отправиться в такое необычное путешествие, она бы только посмеялась, однако все, что происходило вокруг, было слишком реальным, чтобы оказаться сном или видением. Вспомнив о наставлениях учителя, Лада со вздохом открыла глаза и, быстро разобравшись с замком сумки, заглянула внутрь. Убедившись в том, что не имеет ни малейшего понятия о предназначении большинства предметов, которые оставил ей волхв, она более внимательно изучила содержимое и, наконец, радостно вскрикнула: жрец предусмотрительно оставил ей записку с необходимой на первое время информацией. Осмотрев со всех сторон слишком ровный и белый лист, она, наконец, решила, что это не то, чему сейчас стоило удивляться, и пробежала глазами текст.

«Прости меня, моя ученица, за то, что я так быстро покинул тебя, у меня были на то веские причины. Чем дольше я находился бы с тобой, тем сложнее тебе было бы смириться с изменениями, которые ты, скорее всего, уже начала наблюдать вокруг себя. Тебе может показаться, что в этом мире все наоборот. Поверь мне, это не так. Стоит лишь на мгновение представить себе, что все напускное есть всего лишь видимость, и все сразу встанет на свои места. Природа человека нисколько не изменилась за все это время — изменилось только его отношение к жизни. Я не ставлю перед тобой никаких задач. Все, что тебе нужно сделать, это только жить среди этих людей и попытаться понять, счастливы ли они. В сумке ты найдешь деньги — теперь они сделаны из бумаги, это что-то вроде бересты, ты быстро поймешь, о чем я говорю. Также тебе понадобится паспорт. Это небольшая книжица, в которой ты увидишь свое изображение. И ключ — он отпирает дверь твоего дома. Запомни адрес. И, главное, ничему не удивляйся. Да прибудет с тобой сила Рода, дитя!»

Дальше шло подробное описание того, где находилось ее жилище. Перечитав записку несколько раз, Лада поискала глазами, куда ее можно было бы спрятать, и, заметив пару отверстий в штанах по бокам, сунула ее туда. Волхв не сильно помог ей своими объяснениями, но она привыкла во всем доверять своему учителю и поэтому решила, в первую очередь, найти свой дом, а потом уже думать о том, как быть дальше.

Проверив, помнит ли она адрес наизусть, девушка кивнула себе и поднялась со скамейки. Место, в котором она находилась, было не слишком многолюдным и, судя по всему, предназначалось, прежде всего, для отдыха. Заметив неподалеку молодого человека, который неторопливо прогуливался, разговаривая сам с собой, Лада, поколебавшись несколько мгновений, направилась к нему.

— Скажи, добрый человек, — обратилась она к незнакомцу, — как мне пройти на улицу Болсуновскую, дом тридцать один?

Парень, поперхнувшись от неожиданности, как-то странно посмотрел на нее и, обращаясь к невидимому собеседнику, произнес:

— Подожди, здесь странная какая-то. Хотя, ладно, я перезвоню, — после этого он обратился к девушке. — А пересечение какое?

— Что?

— Болсуновская — и? Адрес точный скажите.

— Ах, да, — Лада достала из кармана лист и прочитала вслух. — Улица Болсуновская, дом тридцать один, между Бастионным переулком и улицей Мичурина.

— Аа… — протянул молодой человек, показывая рукой куда-то в сторону. — Тогда вам туда. Идите прямо, никуда не сворачивая. Сейчас будет перекресток, потом еще один, а следующая улица — как раз Болсуновская. Повернете направо — там будет ваш переулок, а сразу за ним — большой дом. Скорее всего, вам он нужен.

— Благодарю тебя, добрый человек!

Улыбнувшись, Лада пошла в указанном направлении, а парень еще долго стоял и смотрел ей вслед, удивляясь внезапно появившемуся желанию пойти за ней, ни о чем не думая. Наконец, он встряхнул головой, чтобы привести мысли в порядок, и продолжил свою прогулку. Странная незнакомка оторвала его от разговора с приятелем, который давал ему советы о том, как проще и безболезненнее порвать с девушкой, которая хотела от него чего-то большего, нежели просто близости. Он учился всего на втором курсе и не был готов обзаводиться семьей, да еще и лучший друг, услышав о его проблеме, покрутил пальцем у виска: мол, ты что, совсем с катушек съехал? В общем, как-то так само вышло, что он даже не рассматривал возможность женитьбы. Но теперь все вдруг изменилось — то ли неожиданная встреча повлияла на него, то ли еще что-то, он не знал. Просто будущее с обручальным кольцом на пальце показалось ему не таким уж и плохим. Поймав себя на том, что улыбается, представляя

счастливое лицо любимой, он мысленно послал друга к черту и, приняв решение, быстрым шагом направился куда-то.

Тем временем Лада уже успела дойти до первого перекрестка, о котором упоминал молодой человек, и нерешительно остановилась, увидев, что еще двое прохожих ждут, пока автомобили, как называл их учитель, проедут. Правда, они двигались нескончаемым потоком, и девушка уже подумывала перебежать дорогу, но в этот момент машины остановились — и люди спокойно продолжили свой путь. Обратив внимание на то, что при этом они смотрели на горящий зеленым цветом объект, она сделала правильный вывод о том, что это является частью местных традиций. Возможность проверить свою догадку представилась ей уже спустя несколько минут, когда она подошла к следующему перекрестку, на котором не было никого, кроме нее. Дождавшись зеленого сигнала, она осторожно ступила на черную поверхность и, с тревогой оглядываясь по сторонам, перешла на другую сторону. Оглянувшись, девушка успела заметить, как зеленый цвет сменился красным, и в то же мгновение движение автомобилей возобновилось. Кивнув, Лада улыбнулась и пошла дальше. Возможно, в этом мире все не так сложно, как ей показалось сначала.

Подойдя к третьему перекрестку, девушка свернула вправо и, без приключений миновав переулок, увидела огромный серый дом. Обнаружив, что у него было несколько входов, она нерешительно потопталась на месте и вытащила из кармана записку.

— Дом тридцать один, квартира двадцать три, — прочитала Лада вслух. — Квартира… Посмотрим.

Оглядевшись вокруг и не заметив никого, к кому можно было бы обратиться с вопросом, она приблизилась к одной из дверей и над ней увидела цифры, которые, скорее всего, означали как раз те самые номера квартир, о которых писал волхв. С удивлением поняв, что может с легкостью понимать странные надписи, девушка мысленно поблагодарила своего учителя за знания, которые тот вложил ей в голову, и продолжила поиски. Не найдя нужного номера, она прошла к следующему входу, потом — еще к одному. Найдя, наконец, требуемое обозначение, Лада вошла внутрь и увидела перед собой лестницу, ведущую вверх. Поднявшись на указанный в записке этаж, девушка заметила дверь, обозначенную номером «23», и достала ключ. Повертев в руках маленький кусочек металла, она вставила его в замочную скважину и повернула. Раздался щелчок, и уже спустя пару секунд Лада оказалась в просторном полупустом помещении, в котором из мебели был только стол и лавка. Правда,

прогулявшись по всем комнатам, она нашли много чего интересного, с чем ей еще предстояло разобраться, однако в остальном все было очень похоже на то, к чему она привыкла.

Высыпав на стол содержимое сумки, девушка приступила к изучению предметов, о которых говорил учитель, но в это время в квартире раздался резкой звук. Вздрогнув от неожиданности, Лада огляделась, но не обнаружила его источника. Звук повторился, казалось, что он шел снаружи. Подумав, что это какой-то местный сигнал, она подошла к двери и открыла ее — за ней оказался лысеющий мужчина средних лет с грустным выражением лица.

— Добрый день, — поздоровалась девушка с нежданным посетителем.

— Здравствуйте, — отозвался тот. — Простите, что вот так врываюсь. Вы, наверное, только приехали.

— Да, только что.

— Еще раз прошу прощения. Но я здесь вроде как заведующий подъездом…

— Староста? — догадалась Лада.

— Что? Да, наверное. В общем, мне сказали, что у нас новый жилец, и я зашел, чтобы поздороваться и спросить, нужно ли вам что-нибудь.

— Спасибо, у меня все есть.

Девушка отступила в сторону и пригласила гостя войти. Тот немного удивился такому жесту, но не стал спорить и шагнул в квартиру. Оглядевшись вокруг, он присвистнул и почесал лысину:

— Ничего себе… А чего это вам никакой мебели не оставили? На чем же вы спать будете?

— Придумаю что-нибудь, — осторожно ответила Лада, подумав, что, раз лавка по какой-то причине не устроила мужчину, значит, здесь не принято спать на ней.

— Вы не местная, наверное? — вопрос был задан, скорее, утвердительным тоном.

— Да, приехала сегодня только, — повторила Лада.

— Я так и понял. Смотрите, если у вас нет времени или желания бегать по магазинам, я могу что-нибудь придумать с мебелью на первое время. У меня есть знакомые на складах, мы к ним периодически обращаемся, они продают дешевле, чем остальные, к тому же еще и доставку делают бесплатную. Я не навязываюсь, только предлагаю.

— Пожалуй, так будет, на самом деле, проще, — вспомнив о деньгах, которые оставил для нее учитель, Лада решила, что пора было уже ими воспользоваться. — Что я должна сделать?

— Ну, в первую очередь, давайте определимся с тем, чего вам

не хватает, — мужчина заговорил деловым тоном. — Стол, я смотрю, у вас есть. Лавка… Ее можно на балкон поставить. Но вам нужно на чем-то спать. Кровать — это громоздко, если брать большую двуспальную, то она займет много места. В поскольку вы одна… Вы ведь одна здесь будете жить?

— Да.

— Замечательно. В таком случае вам лучше всего подойдет раскладывающийся диван. Вы какой цвет предпочитаете?

— Зеленый, — улыбнулась девушка. — Как трава.

— Заметано. Кресло какое-нибудь небольшое. Гардины, шторы. Или вы жалюзи предпочитаете?

— Мне все равно, — Лада сделала вид, что понимает, о чем идет речь.

— Хорошо, тогда я сам подберу что-нибудь. Ну, и так, по мелочи, да? Светильник, пара стульев, вешалки… Что-то еще?

— Не знаю, — хозяйка беспомощно развела руками в стороны.

— Ну, ничего страшного, — староста бойко тряхнул остатками волос. — Теперь к вопросу оплаты.

— Деньги лежат на столе. Возьмите, сколько нужно.

Наблюдая за тем, как мужчина заглянул в пухлый конверт, Лада гадала, какой будет его реакция. До сих пор у нее не было повода сомневаться в словах учителя, однако ей все же было сложно представить, чтобы нужные вещи можно было купить за цветные кусочки бумаги, которые с виду была разве что красивыми, но вряд ли могли представлять хоть какую-то ценность. Однако старосту, судя по всему, впечатлило то, что он увидел — удивленно подняв брови, он положил конверт на стол и взглянул на хозяйку:

— Знаете, что я подумал? Давайте я сначала все привезу, а там мы уже и подсчитаем, сколько вы должны. Как вам такой вариант?

— Прекрасно, — с улыбкой ответила девушка и, подумав секунда, добавила недавно услышанное слово. — Заметано.

— Вот и прекрасно. Тогда до вечера. Я привезу все к семи. Удобно?

— Конечно. Я буду дома.

— Тогда до встречи. Кстати, мы ведь так и не познакомились. Меня зовут Петром. Можно просто Петя.

— Лада.

Следующие несколько часов прошли для нее, как во сне. Несмотря на то, что, в общем-то, этот мир воспринял девушку достаточно приветливо, она чувствовала себя чужой здесь. И дело было не в том, что ценности людей будущего были ей непонятны

— с этим как раз все было в порядке: человек зарабатывал себе на жизнь, растил детей, строил дома, обустраивался. Нет, здесь было что-то другое. Сколько Лада ни пыталась, она так и не смогла разглядеть в народе той чистоты, которая была в нем когда-то. Конечно, темные личности встречались и прежде, однако они всегда были, скорее, исключением из правил. В этой же действительности подобные проявления считались чуть ли не в порядке вещей, и никому даже в голову не приходило изменить что-то. Исчезла свобода, которая в ее время была главной составляющей существования человека.

Вечером, наблюдая за тем, как рабочие заносили в ее квартиру мебель, она уже готова была согласиться с тем, что жить стало легче, комфортнее. Появилось множество удобных вещих, которые, скорее всего, помогали людям решить самые разные проблемы, однако Лада не была уверена, что их нужно было решать. Когда, наконец, все было расставлено по местам, заведующий подъездом взглянул на нее вопросительно, и она кивнула в ответ:

— Да, конечно, деньги все еще на столе.

Расплатившись и сунув в карман свою долю посредника, мужчина закрыл дверь и вернулся в комнату, с задумчивым видом рассматривая девушку. Видно было, что его беспокоит что-то. В конце концов, он решился:

— Я не знаю, откуда вы приехали, но у нас так не принято.

— Как — так? — не поняла Лада.

— Ну, оставлять деньги на столе и позволять первому встречному взять, сколько нужно. Я, конечно, все понимаю: человек человеку брат и все такое — но вас ведь могут обокрасть.

— Ну, вы же этого не сделали, — улыбнулась Лада, уже освоившись с местным обращением на «вы».

— Я — другое дело, — выпрямился мужчина. — Меня здесь знают и уважают, я за всю жизнь чужой копейки не взял.

— Так почему остальные должны думать иначе?

— Разные люди бывают…

2

Когда он ушел, удивленно бормоча себе под нос что-то, Лада еще некоторое время с сожалением смотрела ему вслед. Петр на полном серьезе считал себя хорошим человеком только потому, что не делал ничего плохого. Но отсутствие плохих дел не делает людей хорошими, это девушка усвоила еще в детстве. Неужели все настолько изменилось? Присев на мягкий диван, она открыла бутылку с каким-то ярко-желтым напитком и сделала глоток, но тут же закашлялась и отставила его в сторону — это совершенно невозможно было пить. Поморщившись, девушка вернулась к размышлениям. Возможно, только что она смогла обнаружить то основное отличие, ради которого учитель прислал ее сюда. Нежелание творить зло при отсутствии добрых дел… Как бы волхв назвал такое состояние? Пустотой, наверное. Никчемностью. Можно ли считать добрым делом то, что Петр организовал для нее более комфортную обстановку? Нет, конечно, ведь он сделал это не бескорыстно. Эх, люди. И еще это глупое «выканье». К чему оно? Чтобы проявить уважение к собеседнику? А если ты его не знаешь? Ведь нельзя уважать человека заранее. Странно, странно…

Оглядев новые вещи, девушка подумала, что, возможно, сделала лишком поспешные выводы на основании одного единственного случая, и решила прогуляться по городу. Смирившись с тяжелым воздухом и слишком большим количеством прохожих на улицах, она постаралась слиться с толпой, чтобы лучше почувствовать ее настроения. Но из этого ничего не вышло — несмотря на то, что люди постоянно общались друг с другом и говорили в коробочки, которые прикладывали к ушам, даже улыбались и смеялись при этом, Ладу не оставляло чувство, будто каждый из них говорит, но не слушает. Вот две женщины, стоя у стеклянной стены, обсуждали что-то. Остановившись неподалеку, девушка прислушалась к их разговору, но, сколько ни пыталась, так и не смогла понять, зачем они вообще говорили то, что говорили. Создавалось впечатление, будто они открывали рты только потому, что так было принято. То и дело перебивая друг друга, женщины несли какую-то околесицу, а потом, когда запас новостей иссяк, улыбнулись друг другу, поцеловались, не касаясь губами, и разошлись в разные стороны. Лада хотела пойти за одной из них, чтобы узнать, что она будет делать дальше, однако в этот момент ее остановил рослый мужчина в темно-синей форме, который носил на груди странный знак. Наверное, это жрец, подумала девушка.

— Здравствуйте! Ваши документы, пожалуйста, — обратился незнакомец к девушке.

— Что? — не поняла та.

— Ваш паспорт, пожалуйста, — повторил мужчина.

— Ах, да, простите.

Лада сняла со спины рюкзак и заглянула в него, пытаясь вспомнить, как выглядела книжечка, о которой говорил учитель. Наконец, найдя ее, она с улыбкой протянула ее собеседнику. Тот раскрыл документ и почему-то удивленно поднял брови.

— Что-то не так? — поинтересовалась девушка.

— Здесь написано, что вы местная, — с сомнением в голосе отозвался полицейский.

— И что?

— Вы не похожи на местную.

— Жаль, — Лада вздохнула и развела руками. — Ну, какая есть.

— Извините, — мужчина еще несколько секунд с задумчивым видом вертел в руках паспорт, но затем вернул его хозяйке. — Счастливого пути.

Мужчина вдруг заинтересовал девушку, и она обратилась к нему.

— Скажите, вы ведь… — понимая, что слово «дружинник» вряд ли подходит для такого случая, Лада постаралась чем-то заменить его. — Вы ведь следите за порядком, верно?

— Так точно, слежу.

— Прекрасно! А как часто вам приходится применять силу в вашей работе?

— Не понял, — почему-то опять удивился полицейский.

— Ну, я смотрю на людей сейчас, и мне кажется, что они вполне миролюбивые. И тут вы. Значит, в вашем присутствии здесь есть какой-то смысл, верно?

Мужчина вдруг растерянно отступил на шаг от Лады и несколько секунд, нахмурившись, рассматривал ее, а потом молча отвернулся и пошел по своим делам, пробормотав себе под нос: «Странная какая-то…». Девушка некоторое время смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом, а потом, кивнув самой себе, продолжила прогулку. Можно сказать, что она узнала все, что нужно, уже в течение первого дня своего путешествия. В этом мире не были ничего, за что его можно было бы любить или ненавидеть. В нем вообще ничего не было, хотя сами люди, наверное, так не считали. Напротив, они верили в то, что все, чем они занимаются, очень важно. Наблюдая за семейной парой, которая, нагруженная сумками с каким-то хламом, с довольным видом стояла возле своего автомобиля, Лада вздохнула: похоже,

эти люди не осознавали, что наполняют свои дома мусором, от которого их дети рано или поздно избавятся, чтобы, в свою очередь, притащить очередную порцию никому не нужных вещей. Зайдя в продуктовый магазин, Лада сначала поразилась изобилию, однако уже в следующий момент, приглядевшись внимательнее, поняла, что разнообразие было кажущимся — в прозрачных сосудах, украшенных разноцветными картинками, было одно и то же, и она даже спросила у продавщицы, чем одни огурцы отличаются от других. Та только пожала плечами и сказала, что ничем. То же само было и в других магазинах, с той лишь разницей, что вместо огурцов и молока там были диваны наподобие того, что стоял у нее в квартире, черные квадраты, которые, загораясь, превращались в движущиеся картины, и кучи одежды и обуви. Представив себе, что все местные женщины обречены каждый день совершать насилие над собой, чтобы выбрать среди всего этого только то, что им действительно нужно, девушка почувствовала головокружение.

Неожиданной отрадой для ее глаз и смятенного состояния оказался храм, который она увидела, прогуливаясь по Ботаническому саду, как гласила табличка на входе. Несмотря на то, что он символизировал чуждую ей веру, все же его присутствие здесь показалось ей более чем уместным. Приблизившись к нему, она с удовольствием заметила в его архитектуре знакомые мотивы и, улыбнувшись, попыталась зайти внутрь. Однако ее остановила женщина средних лет и сердитым голосом поинтересовалась:

— Приезжая, что ли? Куда прешь? И не стыдно тебе?

— Почему мне должно быть стыдно? — удивилась Лада.

— С непокрытой головой не положено, — буркнула та в ответ и кивнула в сторону небольшого окошка. — Если нет своего платка, купи там.

— А если бы у меня не было денег?

— Что, и дома нету? — вдруг рассердилась женщина. — Еще и в джинсах пришла, тьфу!

Покачав головой, Лада отошла в сторону и с сожалением посмотрела на кресты, возвышающиеся над аккуратными куполами. Что ж, подумала она, значит, не судьба. Она не знала, какой должна была быть жизнь этой женщины, чтобы та настолько озлобилась, но и выяснять это ей не хотелось. Мысленно обратившись к жрецу, она попыталась наладить с ним связь.

— Учитель, я все поняла! Забери меня отсюда.

Однако, как она ни старалась, волхв так и не ответил ей. Подождав некоторое время, девушка грустно вздохнула и побрела

в сторону своего дома. Достаточно быстро приспособившись к городскому движению, она без приключений добралась до квартиры и упала на диван. Прежде она никогда не ощущала такой усталости, даже несмотря на то, что ей часто приходилось преодолевать большие расстояния. Натренированное тело отказывалось подчиняться хозяйке, а мысли разбегались в разные стороны. Для того чтобы как-то прийти в себя, она закрыла глаза и попыталась представить себе, что вновь оказалась в родном лесу. Одиночество никогда не тяготило Ладу, главным образом, потому, что она знала: стоит ей позвать, как тут же рядом появится учитель и ответит на все ее вопросы, успокоит, объяснит, даст совет. Здесь же она впервые в жизни была предоставлена самой себе. Откуда взялась эта печаль? Неужели каждый человек испытывает нечто подобное, даже несмотря на то, что вокруг так много людей?

Волхв не появился ни на следующий день, ни через неделю, ни через месяц. Устав звать его, Лада, в конце концов, была вынуждена начать общаться с соседями, однако это ни к чему хорошему не привело — люди сторонились ее, считая странной и даже немного сумасшедшей. Даже Петр, который сначала проявлял участие в ее жизни, после нескольких встреч стал избегать ее общества. Это одновременно удивляло и оскорбляло девушку. Лежа на лавке, которая заняла свое прежнее место в комнате, она часами глядела в потолок и гадала, что в ней не так. Изучив местные стандарты красоты, Лада пришла к выводу, что ее внешность вполне соответствовала им. Она была вежливой, приветливой, старалась производить хорошее впечатление на окружающих, даже если они были грубы с ней. Но все ее попытки стать частью этого мира оказались тщетными — он не принимал ее. В конце концов, девушка пришла к естественному выводу, что проблема не в ней. Возможно, ей просто не место здесь. Почувствовав в комнате присутствие постороннего, Лада резко села и радостно вскрикнула, увидев перед собой своего наставника, который сидел на стуле, задумчиво глядя на нее.

— Ты пришел! — девушка с трудом сдержалась, чтобы не кинуться гостю на шею. — Теперь мы отправимся домой?

— Да, конечно. Твое испытание закончено, — кивнул волхв.

— Я прошла его?

Мужчина пожал плечами и с нежностью взглянул на ученицу:

— Его нельзя было не пройти. Твоя задача была в том, чтобы прожить здесь какое-то время. Ты его выполнила.

— Но зачем все это было?

— А вот об этом мы поговорим не здесь. Возьми меня за руку, нам пора. Или, может быть, ты хочешь взять что-то с собой из

этого мира?

Оглядевшись вокруг себя, Лада не увидела ничего, что представляло для нее хоть какую-то ценность, и поэтому, только привычным движением закинув на плечо рюкзак, улыбнулась волхву:

— Нет, у меня есть все, что нужно.

Оставив на столе паспорт, остатки денег и еще какую-то мелочь, он подошла к учителю и прикоснулась к его ладони. В то же мгновение она снова ощутила давление на грудь, но на этот раз все прошло быстрее и легче. Когда туман перед глазами рассеялся, она обнаружила себя лежащей на полу в той самой голубой комнате, с которой началось ее путешествие. Поднявшись, девушка вдруг поняла, в каком смраде жила все это время — воздух, который окружал ее теперь, можно было пить, и Лада с удовольствием почувствовала головокружение, сделав несколько глубоких вдохов. Заметив, что его ученица покачнулась, жрец придержал ее за руку, однако она быстро пришла в себя и, поблагодарив его, опустила взгляд вниз. На ней была прежняя одежда, состоявшая из длинной рубахи ниже колен и свободных штанов. Ощупав голову, она удивилась, наткнувшись пальцами на венок из цветов, который сплела перед тем, как отправиться в путь.

— Учитель, неужели все это было наваждением?

— Нет, конечно, — отозвался тот с улыбкой. — Почему ты спрашиваешь?

— А как же… — и девушка показала на свою голову.

— Время и пространство — такая же материя, как и трава и деревья. Если научишься обращаться с ней, то она станет мягкой и податливой, как согретая в ладонях древесная смола. Но пока тебе еще рано думать об этом. Не беспокойся, придет время — и ты все узнаешь. А пока мне нужно, чтобы ты рассказала о том месте, где побывала.

— Я не совсем понимаю, что ты хочешь услышать от меня, — Лада нахмурилась, пытаясь сформулировать мысль. — Я не узнала ничего важного. Люди как люди, только уставшие. Запутались они. Не могут отличить хорошего от плохого. Одинокие, несчастные. У них много разных вещей…

— Вещи не имеют значения, — перебил ее волхв. — Скажи мне, дитя, вот что. То ли это будущее, которое ты бы хотела видеть? Это главное, что мне нужно знать. Я стар, как и остальные члены совета старейшин, мы не всегда можем доверять своим чувствам. Ты — другое дело. Так как?

— Нет, этот мир не для людей, — уверенно покачала головой Лада. — В нем нет места счастью. Он вытягивает из человека

желание жить. Я не хочу возвращаться туда больше.

— Это все, что мне нужно, — удовлетворенно кивнул мужчина. — Благодарю тебя!

— Значит, это все? — удивилась девушка. — Я справилась?

— Даже лучше, чем я ожидал.

— На этом все закончится? — допытывалась Лада, которой показалось, что учитель что-то недоговаривал.

— К сожалению, нет, — волхв подтвердил ее подозрения. — Для тебя это только начало. Но не терзай себя — все, что тебе предстоит сделать, станет благом для нашего народа. Однако мы поговорим об этом позже, когда ты восстановишь силы.

— Я в порядке, учитель.

— Не сомневаюсь. И все же не станем торопиться, мне нужно все обдумать.

Поняв, что дальше настаивать не стоит, Лада кивнула и, повинуясь молчаливому приказу, покинула комнату. Оказавшись в знакомой обстановке, она вышла за пределы капища и с наслаждением погладила влажную траву, словно та была ее старым другом. После пережитого все ей казалось особенно ярким и насыщенным — впрочем, возможно, так оно и было. Даже деревья, шелестя листьями на ветру, делали это как-то совершенно по-особенному. Прислонившись спиной к стволу старого дуба, девушка закрыла глаза и прислушалась к звукам природы. Раньше она воспринимала всю эту красоту как должное, но теперь вдруг осознала, что ее могло и не быть, и эта мысль причинила ей почти физическую боль. Нет, ни в коем случае нельзя терять это богатство. Ради него стоит сражаться и даже умереть при необходимости. Юная жрица неожиданно поняла, в чем заключался смысл путешествия, в которое ее отправил учитель. Если ему нужно было узнать, так ли все хорошо сложится для потомков славян, значит, он имел возможность и намерение изменить что-то в их общем будущем. Если это так, то она готова.

Прогуливаясь между деревьями босиком, Лада чувствовала, как ее наполняет энергия леса. Знания, которые она приобрела за то время, что провела вне дома, изменили ее восприятие, однако не настолько, чтобы разувериться в том, что она была лишь маленькой частью Вселенной, пылинкой, которой рано или поздно предстояло вернуться в лоно природы. И то, что она привнесет в нее, зависело только от того, как она проживет отпущенный ей срок. Странно, но всего час, проведенный наедине с лесом, полностью восстановил ее, и теперь девушка чувствовала, что способна на великие дела. Усмехнувшись своей самонадеянности, Лада поклонилась деревьям в пояс и, чувствуя,

как ее переполняет радость, пошла домой.

Волхв сдержал свое обещание: до следующего утра ее никто не беспокоил — однако стоило первым солнечным лучам осветить верхушки вековых дубов, как в дверь постучали.

— Пора, — кивнул ей учитель, как только она вышла ему навстречу.

— Мне собираться в дорогу?

— Нет. Дорога будет, но позже. Нам предстоит еще многое сделать.

Жрец поманил ее за собой, и они вместе спустились в подземелье капища. Лада никогда прежде не бывала здесь и теперь с изумлением обнаружила, что под землей находилось дополнительное помещение, которое по размерам вполне соответствовало надземной части и даже, возможно, превосходило ее. Волхв вел ее длинными темными коридорами, которые освещались с помощью прикрепленных к стенам факелов — проходя одну комнату за другой, девушка замечала в них целые склады вещей, о назначении которых можно было только догадываться. Однажды ей даже показалось, что она заметила что-то похожее на автомобиль, однако они шли слишком быстро, и Лада не имела возможность рассмотреть его. Наконец, подойдя к тяжелой двери, окованной железом, мужчина остановился и, прежде чем открыть ее, обратился к ученице:

— То, что ты увидишь, может удивить тебя или даже испугать, однако ты должна помнить о том, что все наши поступки направлены на всеобщее благо.

— Я знаю это, учитель.

— Тогда входи.

Оказавшись в небольшой комнате, Лада не сразу поняла, о чем говорил ее наставник, а когда присмотрелась, то невольно вскрикнула: на столе, который стоял у стены, на спине лежал молодой мужчина. Сначала ей показалось, что перед ней был мертвец, но, приглядевшись, девушка заметила, что он дышал. Приблизившись к нему вплотную, она увидела, что его лицо отличалось редкой красотой — у него были резкие, но не грубые черты лица, ровная, немного вьющаяся, борода и светлые волосы. Опустив взгляд ниже, жрица почувствовала, как по ее телу пробежала предательская дрожь — мужчина был обнажен по пояс, и его мускулистые руки заставили ее затрепетать от приступа доселе неведомых ощущений внизу живота. Отступив назад, чтобы справиться с внезапно нахлынувшими чувствами, Лада взглянула на волхва и спросила:

— Кто это?

— Владимир Святославович, бывший князь Новгородский и

великий князь Киевский.

— Надо же… — девушка с интересом взглянула на мужчину, пытаясь оценить его по-новому. — И зачем он здесь?

Прежде чем ответить, жрец неторопливо прошелся по комнате и остановился возле князя. Смерив его долгим внимательным взглядом, он обратился к ученице:

— Твое путешествие сквозь время и этот мужчина — все связано. То, что ты видела, стало во многом результатом его решений.

— Значит, он плохой правитель?

— Что? Нет, не плохой. Можно даже сказать, что хороший. Однако он не думал о будущем своего народа, или, возможно, ошибался в своих мыслях.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, учитель, — Лада с извиняющимся видом покачала головой.

— Это не удивительно. Даже я не сразу разобрался во всем этом. Видишь ли, Владимир хочет объединить всех славян под своими знаменами. Это имеет смысл, потому что враги наши становятся сильнее и опаснее с каждым годом, а распри внутри Руси мешают нам противостоять им. Возможно, князь, таким образом, надеется укрепить свою власть, и в каком-то смысле ему удастся это сделать. Однако его способ… Способ никуда не годится.

— И какой способ?

— Он желает принести на нашу землю христианство, единобожие.

— Разве это плохо? Ты ведь говорил мне о том, что все боги, которым мы поклоняемся, есть ипостаси Рода, а как его называть — это неважно. Или я что-то путаю?

— Нет, ты говоришь верно. И христианский бог — это также лишь другое видение того же Рода. И проблема, конечно, не в нем, а в людях и том, как они воспринимают эту веру.

— И как же?

— Любую хорошую мысль при желании можно испортить и вывернуть наизнанку. Для этого достаточно всего лишь в нужный момент слегка подтолкнуть идущего прямо — он сместится в сторону всего чуть-чуть, но дальше, с каждым шагом, будет отклоняться все дальше и дальше от своей первоначальной цели. То же самое случилось с христианами. Кто-то посчитал нужным, чтобы Бог, считавшийся отцом, стал хозяином, а его дети — рабами. Славяне никогда рабами не были, они свободные люди, для которых воля — сама жизнь. Поэтому крещение сломает их, выбьет землю из-под ног, лишит силы.

— Мне кажется, я понимаю, о чем ты, — задумчиво

проговорила Лада, вспомнив выражение непроходящей усталости от жизни, которое она замечала на лицах киевлян. — Но прости, я снова перебила тебя. Продолжай, пожалуйста.

— Владимир силен и способен на великие дела, однако, как мы теперь знаем, он также сбился с верного пути. Нам нужно вернуть его. Вернее, тебе.

— Мне? — удивилась девушка. — Чем же я могу помочь?

— Мы сделаем так, что князь полюбит тебя. Тебе придется пойти на эту жертву ради всех нас и в нужный момент, когда он будет колебаться, останется только подтолкнуть его к верному решению. Не перебивай, дослушай до конца, — увидев, что Лада уже открыла рот, чтобы задать очередной вопрос, жрец поднял руку. — Я знаю, насколько мощные силы задействованы во всем этом, и не пытаюсь переложить всю ответственность за наше будущее на твои плечи. Нет, мы позаботились заранее о том, чтобы посланник греческой церкви не доехал до своей цели. Его место займет другой — тот, кому нет места в этом мире. Для этого нам пришлось разорвать временную цепь и вытащить одно из малозначимых звеньев.

— Как? — ахнула Лада.

— Да, не так давно мы перенесли в наш мир мужчину из будущего. Он уже вполне приспособился в нашей жизни и даже, насколько я знаю, чувствует себя более счастливым, чем в своем времени.

— Зачем нам это понадобилось?

— Он должен завершить свою миссию и исчезнуть, словно его и не было никогда.

— А кто он?

— Этого я, к сожалению, не знаю, — покачал головой жрец. — Да это и не важно. У нас не было возможность подробно изучить его прошлое, мы обращали внимание лишь на внешнее сходство его и посланника православной церкви. Но, если верить словам наших друзей, человек он не глупый и не подлый, так что, думаю, особых проблем у тебя с ним не будет.

— Я не совсем понимаю, почему у меня вообще могут возникнуть проблемы с ним, — возразила девушка. — Разве мы знакомы?

— Прости, я не успел сказать тебе. Этот человек займет место церковника — у него просто не будет другого выхода.

— То есть это мы не дадим ему выбора?

— Можно и так сказать. Посланник умрет в пути, а тот, второй, займет его место из страха. Однако у него не будет ни навыков, ни знаний, с помощь которых он сможет склонить Владимира в христианскую веру. К тому же мы немного

поработаем с князем и посеем в его душе сомнение. Остальное — в твоих нежных руках, дитя мое.

Лада некоторое время молчала, прежде чем ответить. В этот момент в ней боролись два человека. Первый соблазнял ее: посмотри на этого красавца — он может стать твоим, если ты захочешь. Не об этом ли ты мечтала? Второй же ничего не говорил, но его присутствие доставляло девушке дискомфорт, от которого она никак не могла избавиться. Где-то глубоко внутри она понимала, что все происходящее не так однозначно, как могло показаться. Добро и зло, конечно, никто не отменял, но за годы обучения в капище она узнала, что и у того, и у другого есть множество ипостасей, и бывает очень сложно определить, что перед тобой — белое или черное. Однако девушка привыкла доверять учителю — вот и сейчас, взглянув в его глаза, она отмела сомнения и кивнула:

— Я согласна.

Так Лада стала возлюбленной князя Киевского. Приближенные удивлялись, глядя на то, как Владимир, никогда не отличавшийся сдержанностью в отношении женского пола, вдруг остепенился и превратился в однолюба. Некоторые даже за его спиной отпускали шутки по поводу бабьего царства, в которое могла в будущем превратиться Русь. Были и такие, кто пытался вразумить владыку, напоминая ему о планах заполучить в жены Анну, сестру императоров византийских.

— Помнишь, свет мой, как мы планировали поход на Корсунь? — заглядывал ему в глаза советник. — Захватим его, а там и до самого Константинополя рукой подать. На кой тебе эта девка? Я тебе сотню таких приведу.

Однако князь только отмахивался от подобных разговоров. Ему вдруг стали неинтересны военные походы, он все больше начал обращать внимание на внутренние дела. Дошло до того, что он пригрозил наиболее яростным противникам Лады, что если они не придержат коней, то он забудет о прежней дружбе. Это остудило многих, однако не добавило им любви к девушке. Впрочем, сама она и не ждала этого — умело манипулируя Владимиром в отношении внешней политики, она старалась не вмешиваться во внутренние дела государства и только нашептывала влюбленному в нее мужчине мысли о том, какой он прекрасный правитель и как его любят подданные. И в какой-то момент князь, на самом деле, поверил в это, а поверив, повернулся лицом к простым людям. И если сначала на это никто не обратил внимания, то уже в скором времени даже ближайшие соратники с удивлением отметили, что грозный воитель вдруг превратился в убежденного хозяйственника, которого больше

заботило орошение пригодных для земледелия земель, нежели расширение своих владений. Однако военачальники ошибались, полагая, будто их предводителя больше не беспокоит укрепление границ — Владимир часто возвращался мыслями к растущему аппетиту своих соседей, вот только средства для борьбы с ними теперь подбирал иные, непривычные. Запершись в своей зале, он вел долгие разговоры со своим новым главным советником — Ладой — и все больше склонялся к мысли о том, что не стоит тратить свои силы на западе, а пора бы обратить взор на восток.

— Взгляни, милый, какие просторы перед тобой, — девушка водила рукой по карте, на которой были изображены все известные на тот момент земли. — Что тебе эти варвары? Оставь их — они сожрут друг друга и без твоего участия. А тебе следует двигаться вглубь своих земель.

— Я не могу надолго оставлять Киев, — задумчиво покачал головой Владимир. — Пока меня не будет, соседи могут разорить его, и мое войско вернется к пепелищу. А потом ищи ветра в поле…

— Не разорят, если будут бояться, — возразила девушка.

— С чего бы им вдруг меня бояться, раз я не высовываю носа из дома?

— Все просто. Тебе нужно сделать так…

И Лада простым и доступным языком объясняла ему, как можно добиться мира с агрессивными правителями. Конечно, она никогда не решилась бы выступать советником в таких важных вопросах, если бы не учитель, который, выслушивая от нее последние новости, кивал головой и рассказывал ей о том, как вести себя в той или иной ситуации. Со временем даже самые яростные противники новых порядков были вынуждены признать, что, вопреки их ожиданиям, жить стало намного легче. Люди, уставшие от постоянных военных походов, наконец, вздохнули свободно, а строительство крепостей по периметру государства уже начало приносить свои плоды. Агрессивно настроенные племена кочевников, доставлявшие до этого немало хлопот славянам, сунулись было пару раз на чужую территорию, но получили такой жесткий отпор, что моментально откатились назад и больше уже не помышляли связываться с яростным князем, переключив свое внимание на земли, лежавшие к западу от его владений. Это стало первой победой Лады — пусть не большой, но все же победой. К тому же Владимир успел разглядеть открывшиеся перспективы и все с большим энтузиазмом поглядывал вокруг — время, которое раньше занимали походы и их планирование, он теперь мог потратить на обустройство собственного быта. Его посланники, посетившие

многие страны, привезли из своих путешествий ученых мужей, которым князь посулил золотые горы за то, что они поделятся своими знаниями. Как раз в тот момент, когда он беседовал с очередным зодчим, ему доложили о том, что в Киев пожаловали сразу несколько послов, приехавших рассказать ему о своей вере. Недовольно поморщившись, князь вспомнил, что сам пригласил их в свое время, но они долго тянули и приехали только теперь, когда в их присутствии не было никакой надобности. Но делать было нечего — закон гостеприимства никто не отменял.

— Зови, — махнул он рукой слуге. — Только не всех сразу.

— Что случилось, солнце мое? — Лада вышла из небольшой комнаты, в которой обычно пряталась, когда у князя были посетители. Оттуда все было прекрасно слышно, и она всегда была в курсе происходящего.

— Послы, — с недовольным видом кивнул Владимир. — Будут меня сейчас убеждать в том, что их вера — самая правильная. Нужно придумать, как повести беседу, чтобы не обидеть их. Если все разом навалятся на нас, не помогут никакие укрепления.

— Не навалятся, — улыбнулась девушка.

— Почему ты так в этом уверена?

— Они между собой никогда не смогут договориться. Одни верят в Христа, другие — в Магомета, третьи — еще в кого-то. Конечно, в конечном итоге, все они признают одного бога, но только называют его по-разному, и не могут из-за этого примириться друг с другом. Каждый тянет в свою сторону, доказывая, что всевышнего нужно называть именно так — и никак иначе. Кто-то крестится при входе в храм, а кто-то падает ниц. В этом вся разница.

— Тогда что мешает им объединиться? Тогда они стали бы непобедимы.

— Жадность людская и спесь, — уверенно ответила Лада. — Все они признают гордыню величайшим грехом, но сами страдают от нее безмерно.

— Глупцы, — князь осуждающе покачал головой.

— Об этом я тебе и говорила. Выслушай послов и пообещай подумать над их предложениями.

— А после?

— Время покажет. Эти люди — не последнее испытание. Я слышала, к тебе едет посланник греческой церкви. Он будет настойчивее остальных. Главным образом потому, что точно знает, что ему от тебя нужно.

— Откуда тебе все это известно? — князь вдруг вспомнил о своих намерениях относительно византийской принцессы, и ему

стало неприятно.

— Не знаю, — пожала плечами девушка. — Возможно, ты обмолвился в разговоре, или еще кто. Разве это важно?

— Наверное, нет, — улыбнулся князь, взглянув на безмятежное лицо любимой.

Как и предсказывала Лада, беседы с иудеем, болгарином и немцем прошли спокойно — Владимир внимательно выслушал каждого из них и, пообещав подумать, отпустил с миром. Как только последний из посетителей вышел из залы, почтительно кланяясь, князь устало вздохнул и взглянул на девушку, когда та вышла из своего укрытия:

— Ты была права, ничего особенного. Впрочем, как всегда.

Глядя на мужчину, Лада пыталась понять, какие чувства испытывает к нему. Она давно призналась себе в том, что Владимир ей интересен, отрицать это было бы глупо. Но любила ли она его? За то недолгое время, что жрица провела в Киеве, этот город успел стать родным для нее, особенно если учитывать то, что она видела, во что он превратится несколько веков спустя. Конечно, сейчас он ничем не напоминал себя будущего, однако это было не так уж и важно — главное, что это место будет жить, а какой будет эта жизнь — это во многом зависело от того, сможет ли она все сделать правильно. Лада старательно гнала от себя мысли о том, что со временем сможет стать женой князя и править вместе с ним. Учитель четко дал понять ей, что подобное развитие событий не входит в его планы, но — кто знает? — возможно, он изменит свое мнение. Ощущая близость сильного мужчины, она чувствовала, что ей с каждым днем становится все сложнее сдерживаться. Несмотря на то, что волхвы вложили в князя мысль о том, что до женитьбы он не имеет права претендовать на тело юной прелестницы, периодически девушка кожей ощущала желание, которое накатывалось на нее волнами. И при этом она не была уверена, что это желание исходила от Владимира, а не от нее самой. Ночи, которые она проводила в одиночестве, были для Лады настоящим мучением, и временами она жалела о том, что взялась за все это. Но наступало утро, и она, стиснув зубы, надевала на лицо улыбку и старалась сделать так, чтобы ни сам князь, ни его приближенные не догадались о том, что творится у нее в сердце. Однако с каждым днем ей становилось все труднее контролировать себя. Так что можно сказать, что Марсель выбрал очень неудачный момент для визита. Впрочем, от него это не зависело.

3

Узнав о том, что прибыл посланник греческой церкви, Лада по обыкновению скрылась в смежной комнате и стала прислушиваться к разговору. Однако беседа, которая должна была закончиться, едва начавшись, неожиданно затянулась — лже-церковник оказался вполне подготовленным, и девушка в какой-то момент усомнилась в том, что он на самом деле не является тем, за кого выдает себя. Слишком складно священник излагал свои мысли. Настолько складно, что Владимир, казалось, начал сомневаться. Этого Лада ни в коем случае не могла допустить — покинув свое укрытие, она присоединилась к князю. Впрочем, тот не имел ничего против ее присутствия. Увидев, что ее собеседник не так прост, как она думала, девушка решила изменить стратегию и резко высказалась против его религии. Она ожидала, что после такого ответа Кирилл, кем бы он ни был на самом деле, ретируется, однако тот проявил себя с неожиданной стороны, и Лада с удивлением захлопала ресницами — за время пребывания в роли невесты властителя Киева она впервые столкнулась с таким открытым противостоянием. Заметив, что князь уже готов выйти из себя, она незаметно прикоснулась к нему под столом — Владимир, который уже собирался приказать поднять посланника на копья, моментально остыл и, хоть и с трудом, но взял себя в руки. Отпустив церковника, он обещал встретиться с ним на следующий день.

Немного успокоив князя, который не находил себе места от нанесенного ему оскорбления, Лада поспешила в свою комнату, где ее уже ждал волхв. Лицо его было нахмурено, что не предвещало ничего хорошего.

— Учитель, я сделала что-то не так? — девушка почтительно склонилась перед старцем, ожидая выговора, но его не последовало.

— Нет, дитя мое, — медленно ответил жрец. — Это мы допустили ошибку, когда выбрали этого человека на место Кирилла. Он сильнее, чем я думал. И у него есть цель, к которой он идет. Вот что… Тебе нужно помешать ему, во что бы то ни стало.

— Но как я могу это сделать? — воскликнула Лада.

— В таком деле лучшая тактика — это честность. Поговори с ним. Расскажи обо всем, что знаешь. Судя по всему, он человек неглупый и должен понять, что к чему.

— Что мы будем делать, если он не поймет меня? Или не одобрит наши намерения. Что, если он против?

— Это не твоя забота. Главное сейчас — попытаться избавиться от него мирным путем.

— Но…

— На этом все, — неожиданно жестко оборвал ее жрец. — Не задавай лишних вопросов, дитя. Помни о своей цели, важнее которой нет ничего.

Сказав это, волхв вышел за дверь и спокойно прошел мимо дружинника, который не обратил на него никакого внимания, словно того вообще не было. Лада никогда не сомневалась в своем наставнике — его мудрость была велика и могла соперничать только с его же силой. Но на этот раз она не была уверена в том, что все делает верно. Наблюдая за тем, как православный священник отстаивает свою точку зрения, зная, чем это может для него обернуться, девушка неожиданно почувствовала уважение к этому смелому человеку. Скрытая угроза, прозвучавшая в голосе жреца, когда он говорил о мирном пути, беспокоила ее больше, чем она сама себе в этом признавалась. Поэтому, подумав несколько минут, она решила постараться свести конфликт к минимуму, пока он не вышел из-под контроля. Возможно, ей еще удастся переманить человека из будущего на свою сторону. А если он не согласится… Ей не хотелось думать о том, что тогда произойдет.

Отправив записку и убедившись в том, что она дошла до адресата, Лада вернулась в свою комнату и стала ждать. Когда дверь отворилась, и на пороге появился мужчина в маске, она приветливо улыбнулась ему и пригласила войти.

— Не стесняйся, священник. Я не хочу быть врагом тебе.

— Тогда кто ты? — отозвался тот, опускаясь на лавку. — Судя по этой записке, ты не та, за кого выдаешь себя.

— Как и ты, — улыбнулась Лада. — Хотя, я вижу, ты успел приспособиться к нашему миру — вот, уже и тотем у тебя свой появился.

Заметив, что девушка смотрит на фигурку медведя, подаренную Ильей, которая показалась из-под его одежды, ученый поспешно спрятал ее, но Лада только усмехнулась, глядя на него:

— Можешь снять маску, в ней больше нет необходимости. Да, так намного лучше.

Девушка ожидала увидеть что-то особенное и была удивлена, когда лицо ее гостя оказалось самым обычным, если не считать шрама на щеке. Тем не менее, она сразу обратила внимание на то, что глаза мужчины были необычайно живыми и внимательными — приглядевшись к нему, Лада решила, что перед ней человек незаурядного ума.

— Как мне обращаться к тебе, священник? — обратилась она к мужчине, который также с интересом рассматривал ее.

— Чем тебя не устраивает Кирилл? — удивился он.

— Давай не будем играть в игры, заметано? — Лада ввернула словечко, услышанное во время путешествия, и с удовольствием заметила, как у собеседника вытянулось лицо. — Мне прекрасно известно, что ты такой же церковник, как я — княгиня. Так к чему нам ходить вокруг да около?

— Кто ты такая, черт возьми? — прищурился историк.

— Со мной все просто, — отозвалась девушка. — Меня зовут Лада, я местная, в отличие от тебя. Да, и еще я родилась в это время. Видишь, я говорю с тобой откровенно. Может быть, и ты ответишь мне тем же?

— Пожалуй, — подумав, ответил ученый. — Мое настоящее имя — Марсель. И в том, что я не из этого времени, ты тоже права. Вот только я понятия не имею о том, откуда тебе все это известно.

— Это долгая история. И не слишком интересная. Могу только сказать, что мы, волхвы, знаем о тебе почти все. И это благодаря нам ты очутился здесь. Понимаю, что это может тебя возмутить, но у нас не было выбора. Все мы лишь пылинки — и движемся в ту сторону, куда нас несет ветер времени.

— Ты говоришь странные вещи, — нахмурился Марсель. — Волхвы?! Впрочем, неважно. Скажи лучше, зачем все это. И почему вам вдруг понадобился именно я?

— Этого я не знаю, — честно призналась девушка. — Наверное, дело в твоей внешности — ты похож на Кирилла. К тому же шрам…

— Я получил его уже здесь.

— Скорее всего, получил не случайно.

— Даже так?

Ученый, привыкший считать, что сам контролирует собственную судьбу, если не считать случая с перемещением во времени, который до этого момента казался ему лишь итогом странного стечения обстоятельств, внимательно посмотрел на свою собеседницу и понял, что та не лгала. Это неприятное открытие заставило его по-новому взглянуть на происходящее. То, что он оказался здесь и сейчас, было результатом чьей-то воли, и Марсель вдруг почувствовал себя жалким и ничтожным. Однако это ощущение было мимолетным, и уже в следующий момент историк взял себя в руки. Он сам не мог понять, что именно взыграло в нем: мужская ли гордость или простое упрямство — да это было не так уж и важно. Нахмурившись, Марсель с неприязнью взглянул на девушку и дернул головой

куда-то в сторону:

— То есть всю эту кашу вы заварили? Мой шрам — черт с ним, переживу. Я и без него красавцем не был. А Кирилл? Его смерть тоже на вашей совести? И то, что Владимир, этот полоумный князь, сейчас вытворяет — все это тоже часть дьявольского плана? Какое же место мне отведено? Я должен сдаться и отступить? А дальше что? Отправите меня домой, словно ничего не случилось? И куда я вернусь? В какую реальность? И, главное, как мне дальше жить?

— Как много вопросов…

Лада поморщилась не только от напора собеседника, но и оттого, что признавала обоснованность его претензий. Она и сама не знала всех ответов, к тому же ее так же, как и поддельного священника, не устраивали некоторые способы, к которым прибегал ее учитель. Тем не менее, она помнила о своей миссии и поэтому постаралась объяснить происходящее — не только Марселю, но и самой себе.

— Кашу заварили мы, отпираться не стану. Но на то есть свои причины. Кирилл… Я не знаю. Честное слово! Возможно, это было его судьбой — сгинуть. Никто не может сказать с уверенностью, кто, на самом деле, должен был доехать до Киева. Возможно, если бы не было тебя, то кто-то другой занял бы твое место. И — да, Владимир дал тебе тот ответ, который я вложила в его уста.

— Но зачем?! — воскликнул ученый, которому происходящее напоминало дурной сон. — Ты ведь лишаешь Русь ее истории, неужели вы все этого не понимаете?

— Не лишаю, — уточнила девушка. — Исправляю. Дарю ей то, что будет для нее лучше.

— С чего ты взяла, будто знаешь, что будет лучше для нее?

— Я была в вашем мире, — Лада взглянула прямо в глаза своему собеседнику, и тот увидел, что ее зрачки расширены, как у фанатика, свято верящего в верность каждого своего поступка. — Люди в нем несчастливы. Решение, которое должен был принять князь Киевский, ни к чему хорошему не приведет. Мы, волхвы, сохраним нашу землю для будущих поколений.

— Вот уж… — Марсель развел руками в стороны, не сразу найдясь, что ответить на подобное заявление. — Надо же, свалились на мою голову. Да что ты можешь знать о пространстве и времени, девчонка? Существует такое количество вариаций, что никто не может сказать, как обернется то или иное изменение. Любой поступок имеет последствия. Результат крещения Руси нам известен, но с чего вы, умники, взяли, будто без него будет лучше?

— Род… — начала было девушка, но ученый перебил ее:

— Я понял, кто вы такие. Язычество, верно? Пантеон славянских богов. Род, Сварог, Макошь, Велес — знаю, знаю. Хорошо, допустим, вы сможете не впустить христианство, и что дальше? Думаете, соседи позволят вам вот так просто сидеть у себя в лесах и водить хороводы? Ха-ха, как же, держи карман шире! Даже не мечтайте! Сожрут вас вместе с вашими истуканами — и не подавятся.

— Ты недооцениваешь нас, — Лада плотно сжала губы и теперь напоминала ученому упрямую студентку-первокурсницу, которая, несмотря ни на что, доказывала ему какую-то сумасшедшую теорию, вычитанную в интернете.

— Как раз наоборот, — ответил он, с сожалением глядя на девушку. — Я вижу, что вы ошибаетесь. Намеренно или по незнанию — не важно. Подобное вмешательство в историю может разрушить все. Вы собственными руками создаете монстра, хотя сами об этом даже не догадываетесь.

— А если ошибаемся не мы, а ты? — с вызовом вскинула голову жрица. — Как ты можешь быть уверен в своих словах?

— Я, в отличие от вас, не только видел будущее, но и жил в нем, был его частью — и оно не такое плохое, как вам могло показаться. Ты мыслишь категориями одного государства. Смотри шире. Религия — это всего лишь этап развития, который должен пройти каждый народ. Вытащишь эту составляющую, и вся конструкция может рухнуть.

— Если эта конструкция с изъяном, мне ее не жалко, — возразила девушка.

До Марселя вдруг дошло, что собеседница не слышит его. Возможно, он с самого начала неправильно повел разговор, однако уже поздно было исправляться — Лада утвердилась в своей позиции из детского упрямства, убедив себя в ее верности, и даже если у нее изначально были какие-то сомнения, то теперь от них не осталось и следа. Перед ним сидела убежденная в собственной правоте совсем молоденькая девушка, по иронии судьбы державшая в руках поводья взбесившейся лошади. Нужно было срочно что-то предпринимать. Но что? Он не имел в рукавах никаких козырей. Разве что… Вспомнив о том, какими глазами Лада смотрела на князя, ученый подумал, что, возможно, у него еще есть шанс.

— Что ж, — пожал плечами историк, — раз мы не можем прийти к консенсусу, будем действовать по старинке.

— О чем ты? — насторожилась девушка.

— Увидишь.

Не дав жрице времени опомниться, ученый быстро поднялся

и вышел из помещения прежде, чем Лада успела его остановить. Проходя мимо крепко спящего охранника, он надеялся, что сумеет добраться до своих друзей без приключений. Если бы у Лады были намерения перехватить его по пути, то у историка не было бы никаких шансов выжить, однако, похоже, убийство не входило в ее планы. Во всяком случае, пока. Торопясь и ежесекундно оглядываясь, Марсель вбежал в свою комнату и быстро закрыл за собой дверь. Муса и Курьян, которые, по своему обыкновению, спорили о чем-то, замолчали и с удивлением уставились на него.

— Ты чего такой запыхавшийся? — спросил мужик. — Случилось что?

— Что? Нет… То есть, да, случилось.

Ученому пришло в голову, что его друг имеет право знать о том, что происходит, однако он не мог рассказать ему всего и поэтому, попросив Курьяна подождать пару минут, присел на лавку, чтобы успокоиться и восстановить дыхание. Наконец, ему это удалось сделать, и он, вздохнув, посмотрел на мужчин, стоящих перед ним.

— В общем, у нас неприятности. Крупные.

— Ну, вот, не было печали, — Курьян хлопнул себя по ногам. — Что на этот раз?

— Сложно объяснить… Скажем так, князь здесь ничего не решает, как оказалось.

— А кто тогда?

— Лада, его невеста. Она из волхвов, жрица.

— Волхвы? — Курьян удивленно поднял брови. — Но они никогда не вмешиваются в дела людей. К тому же почему ты вдруг решил, что они настроены против нас? Волхвов любят и уважают, они никогда не вредили, только помогали. Нет, ты точно что-то путаешь.

— Я тоже хотел бы так думать, — Марсель сокрушенно покачал головой и встал, чтобы пройтись по комнате. — Однако мы имеем то, что имеем. Жрица не желает пускать христианство на свои земли, и я не смог ее переубедить.

— Не желает? Ну, и пес с ним. Нам-то что? С чего ты вдруг так переполошился? То есть, конечно, для тебя это важно, — торопливо поправился мужик, оглянувшись на Мусу, который прислушивался к разговору. — Ты-то священник.

Взглянув на Курьяна, который выглядел озадаченным, ученый понял, что они с ним говорят на совершенно разных языках. В споре православного и язычника славянин занял бы сторону второго, ни секунды не раздумывая, и это было бы логично. Как объяснить ему, что речь шла не о деревянных фигурках его богов,

а о самой жизни? Подумав, Марсель не смог придумать ничего стоящего и просто развел руками в стороны. Мусу, однако, такой ответ не устроил. Удивленно подняв брови, он подошел к ученому вплотную и требовательно взглянул ему в глаза:

— Что делать будешь?

— Не знаю. Может быть… Нет, не знаю.

— Нужно знать.

Кивнув, Марсель отошел в сторону и некоторое время стоял неподвижно, уставившись в одну точку. Выхода из ситуации он так и не придумал, однако принял единственно верное, как ему показалось, решение. Повернувшись к своим собеседникам, он обратился к ним самым спокойным голосом, на который только был способен:

— Друзья, дальше я сам. Вам нужно возвращаться.

— Ты чего это удумал? — возмутился Курьян, а Муса просто отрицательно помотал головой.

— Это не обсуждается, — упрямо повторил ученый. — Здесь одному гораздо легче справиться, чем целой армии. Пока вы со мной, у князя может создаться впечатление, будто я чего-то боюсь. Этого допускать ни в коем случае нельзя. Так что ваше присутствие даже мешает мне. К тому же меня просто так отсюда не выпустят, пока Владимир того не пожелает. Понятно теперь?

— Ну, раз так… — Курьян с сомнением взглянул на мавра, но тот, похоже, был намерен спорить до последнего.

— Кирилл — посланник церкви, большой человек, — с пафосом проговорил Муса. — Я — телохранитель Кирилла. Вала. Верность. Я дал слово.

— Тогда я освобождаю тебя от него! Пойми, ты только мешать будешь, друг, — Марсель изо всех сил старался быть убедительным. — Если вдруг со мной что-то случится, кто сообщит об этом императору? Сгинешь здесь — и кому тогда нужна будет твоя верность? Подумай. К тому же тебе теперь следует заботиться не только о себе, но и о Меланье. Забыл о ней?

— Не забыл, — хмуро отозвался мавр. — Женщина ждет. Долг.

— Твой долг — остаться в живых, чтобы при необходимости рассказать обо всем, что здесь произошло. Так что давай — не спорь со мной.

— И когда мы отправляемся? — спросил Курьян, поглядывая на Мусу, который замолчал, исчерпав свои доводы.

— Вот прямо сейчас и поезжайте, — махнул рукой ученый. — Чем раньше, тем лучше.

— Так сразу?

— А чего ждать? Хорошо еще, если вас отпустят просто так.

Наблюдая за тем, как мужик, растерянно оглядевшись, взял со стола свою походную торбу, Марсель перевел взгляд на мавра, который продолжал неподвижно стоять посреди комнаты.

— Ну, решился?

— Сделаю так, как говоришь, — Муса вдруг успокоился, и теперь его лицо не выражало вообще никаких эмоций.

— Вот и хорошо. С Богом!

Похлопав своего телохранителя по плечу, историк хотел было обнять Курьяна, но вовремя вспомнил о своем статусе и просто кивнул ему.

— Слушай, — неожиданно с надеждой взглянул на него мужик и, отведя ученого в сторону, зашептал. — А может, и ты с нами? Уж как-нибудь провезем тебя. Кирилла-то ведь дружина без маски не видела, верно? Выйдешь, сядешь на коня — и поминай, как звали. Никто и спрашивать не станет. Вернемся в Триполье, тебя там Маруся, поди, заждалась.

— Кто? Почему? — смутился Марсель.

— Ой, да брось! — Курьян всплеснул руками. — Всему селищу известно, что девка по тебе сохнет. Один только ты все носом воротишь. Ну, может быть, кузнец наш еще в облаках витает по глупости своей отцовской.

— Нет, ты ошибаешься.

— Да ну тебя! Баламошка и есть… — оглянувшись, чтобы убедиться в том, что Муса ничего не слышит, мужик продолжил. — Маруся без тебя завянет, будь уверен. Так что не вздумай помирать здесь, понял? Я вижу, что ты упрямый, как осел, но постарайся уж как-нибудь вернуться к нам целым и невредимым. Ее хотя бы пожалей. Все, я сказал. А дальше сам решай.

Многозначительно взглянув на Марселя, Курьян закинул сумку на плечо и, не оглядываясь, вышел из комнаты. Муса, что-то сказав своим молчаливым помощникам, вместе с ними последовал за мужиком. Все произошло так быстро, что ученому даже стало немного обидно. Однако он тут же отогнал от себя эти мысли и прислушался: судя по звукам, его спутники легко миновали стражника, дежурившего в коридоре недалеко от его двери, и вышли наружу. Закрыв глаза, историк, несмотря на то, что всю жизнь проповедовал научный атеизм, попросил Бога, чтобы его друзьям удалось покинуть Киев невредимыми. Опасаясь, что вот-вот услышит звуки борьбы и предсмертные крики, ученый вздрагивал практически от каждого шороха, однако время шло, а ничего не происходило. В конечном итоге, он сделал вывод, что Мусе с Курьяном позволили уехать. Что ж,

возможно, он был слишком плохого мнения о местных нравах и зря заподозрил Ладу и Владимира в излишней кровожадности.

Оглядев комнату, ученый вздохнул с облегчением и прилег на лавку, впервые за последнее время по-настоящему расслабившись. Действительно, что могло произойти? Если бы князь хотел убить его, то он, в любом случае, не смог бы помешать ему. Так зачем переживать по поводу того, чего он изменить не в силах? Марсель скрестил руки за головой и закрыл глаза. В этот момент, как ни странно, его больше беспокоил не предстоящий разговор с Владимиром, а то, что сообщил ему Курьян. Его любят. Потрясающе. Он никогда не считал себя уродом, но и красавцем не был. Особенно на фоне молодых парней, которым успела отказать Маруся, он выглядел не слишком впечатляюще. Значит, она разглядела в нем что-то, о чем он и сам не догадывался. Представив себе девушку, которая стояла посреди цветущего луга с венком на голове и смотрела на него, он улыбнулся. Возможно, он рано поставил крест на своей жизни, и счастье, которого он так долго ждал, просто задержалось в пути?

Осторожно приоткрыв дверь в его комнату, волхв, которому Лада рассказала о том, как прошла ее встреча с лже-священником, удивленно поднял брови: судя по всему, он недооценил этого человека — Марсель спал с самым блаженным выражением на лице, какое только можно себе представить. Этот факт еще больше убедил жреца в незаурядности этого упрямца, и он задумался о том, что делать дальше. Любое убийство претило ему, и он искренне переживал по поводу того, что пришлось лишить жизни Кирилла. Однако если тогда у него не было выбора, то теперь еще можно было обойтись без кровопролития. Оставалось только надеяться на благоразумие этого упрямца — ведь он, по большому счету, ничего не терял, даже наоборот.

Остановившись рядом с дружинником, который при его приближении снова впал в бессознательное состояние, волхв погладил свою бороду. Как же быть? Лада была слишком молодой и неопытной, так что, несмотря на силу ее духа, она не могла предвидеть всего. Впрочем, как и он сам. Да, в чем-то его соперник был прав: никто действительно не мог сказать, как те или иные изменения истории повлияют на ее дальнейший ход. Однако Марсель не понимал главного — пространство многомерно. Изменяя прошлое, волхв был намерен изменить только свое будущее, которое не имело ничего общего с будущим ученого. Но люди не обладали подобными знаниями, чему было множество причин. Если бы человек знал о том, что может менять реальность, то давно уничтожил бы саму жизнь, в этом не было

никаких сомнений. Не осталось бы ничего — не прошлого, ни настоящего, ни будущего. Жрецы были хранителями этой информации и делали все возможное для того, чтобы она не вышла за пределы их закрытого общества. Так что волхву предстояло сделать сложный выбор — и он понимал это.

Вздохнув, старец с грустью взглянул на посапывающего стражника и вдруг испытал что-то похожее на зависть: вот кто ничем не терзался. Разве не идеальная жизнь? Наверное, именно для сохранения подобного незнания они с Ладой и работали. Возможно, в этом и состоял смысл их существования, а жертвы, которые они приносили своим богам, были лишь малой платой за право видеть свет, в то время как остальные блуждают в потемках? Приняв решение, жрец резко развернулся и направился в комнату своей ученицы, чтобы дать ей последние распоряжения перед завтрашней беседой.

Марсель проснулся от чувства, что вот-вот должно произойти нечто важное. Открыв глаза, он не сразу поднялся, а некоторое время еще лежал, пытаясь собраться с мыслями. На самом деле, все представлялось ему простым и даже в чем-то обыденным. Ему предстояло просветить Владимира на тему того, что происходит у него под самым носом. Дальнейшее его мало волновало. Ему всегда претили доносы, однако волхвы не оставили ему выбора. В конце концов, на войне все средства хороши — банальность этого утверждения подействовала на него неожиданно успокаивающе. Все, что от него зависит, он сделает, а там будь что будет. Князь прислушается к нему? Прекрасно. Решит принять сторону своей зазнобы? Что ж, пусть. Возможно, именно это и должно было случиться — и истории в том виде, в какой он ее знал, предстояло исчезнуть именно сегодня. Не будет ни татаро-монгольского ига, ни шведов, ни французов, ни немцев. Будет что-то другое — может быть, хуже. Или лучше. Кто знает? Рвать рубаху на собственной груди он не собирался. Осознание того, что его кто-то ждет, странным образом изменило само восприятие жизни. Если еще вчера он относился к собственной судьбе с известной долей фатализма, то теперь был намерен постараться выжить. Хотя бы для того чтобы вернуться в Триполье и спросить Марусю, правду ли сказал Курьян.

Когда вошедший слуга сообщил ему, что князь ждет его для беседы, ученый был уже готов. Проговаривая про себя основные постулаты, на которые он был намерен опираться в разговоре, Марсель нацепил на лицо маску и шагнул за дверь. В то же мгновение на него навалились сразу с нескольких сторон, сорвали с лица маску, сунули в рот какую-то тряпку и накинули на голову мешок. Все произошло так внезапно, что мужчина не

успел даже крикнуть. Впрочем, даже если бы ему это удалось, то вряд ли помогло бы — рядом не было никого, кто мог бы прийти на помощь. Дернувшись пару раз, историк получил ощутимый тычок под ребра и больше не предпринимал попыток сопротивляться. Ощущение беспомощности овладело им полностью, и он с тоской подумал о том, что был слишком самонадеян, когда отпустил Мусу.

Когда его поставили на ноги и повели куда-то, он уже почти смирился с тем, что ему предстоит сгинуть в какой-нибудь топи, и единственное, о чем мужчина жалел, так это о том, что так и не успел увидеть Марусю. Чувство, которое он к ней испытывал, еще сложно было назвать любовью, но ему предстояло стать ей, и ученый ощутил горечь от потери замаячившего вдали, но так и оставшегося недостижимым сокровища. Наверное, именно поэтому, почувствовав, что его на мгновение отпустили, ученый вдруг рванулся в сторону и сделал попытку убежать. Конечно, эта затея была изначально обречена не неудачу, учитывая то, что он ничего не видел — его стремительный забег завершился стеной, в которую Марсель со всей дури врезался под дружный гогот своих конвоиров. Лежа на полу и пытаясь прийти в себя, он скорее почувствовал, чем услышал, как к нему подошел кто-то.

— Живой?

Неизвестный пнул ученого по ребрам, и тот скорчился от боли. Он никогда прежде не попадал в такие ситуации и не знал, как следовало вести себя. Так что, лишенный возможности говорить, Марсель решил, что самым безопасным для него впредь будет по возможности не двигаться и надеяться на то, что его просто вывезут куда-то и оставят. Оставалась еще слабая надежда на то, что Лада не захочет проливать кровь невинного и просто отошлет назад, в его будущее. Он не был уверен в том, что она может это сделать, но все же тешил себя мыслью о возможности подобного исхода. Поэтому он был даже не удивлен, а, скорее, раздосадован, когда пнувший его человек заговорил вновь, и историк узнал голос Владимира.

— Такие дела, церковник. Я решил, что мне больше не о чем с тобой разговаривать.

— Мм… — промычал в ответ Марсель.

— Что? Конечно, тебе не нравится. Но ты сам виноват в этом. Моя Лада здесь не причем, будь уверен. Она уговаривала меня решить все мирным путем, и я даже сделал вид, будто согласился. Хотя обман противен мне. Я говорю тебе это только для того, чтобы ты перед смертью не насылал на нее проклятий. Хоть она и не верит в твоего бога, но все же было бы неправильно, если бы ты винил ее в своих злоключениях.

Ученый всегда смеялся над продолжительными монологами голливудских злодеев, которые словно не могли совершить убийства, не объяснив жертве своих мотивов. И вот сейчас он сам стал свидетелем подобной глупости. Правда, ситуация не подразумевала для него хорошего исхода — помощи было ждать совершенно неоткуда. Возможно, поэтому речь князя не показалась ему такой уж забавной. Тем временем, Владимир продолжал.

— Род — мирный бог. Он никогда не станет проливать крови невинного. Но ты — другое дело. Я мог бы стерпеть оскорбление, с которым ты пришел в мой дом. Однако тебе и твоим императорам нужно сразу все, как я посмотрю. Твое упрямство вышло тебе боком, философ. Помолись перед смертью, у тебя будет на это время. Я не стану осквернять свой дом убийством, так что у тебя будет возможность еще услышать пение птиц. Прощай.

Поняв по наступившей тишине, что аудиенция закончена, Марсель попытался сесть, однако не успел сделать это — конвоиры молча подхватили его под руки и грубо вернули в вертикальное положение. Подталкиваемый сзади, он вышел из помещения и, спотыкаясь, пошел по длинному коридору. Когда все процессия подошла к лестнице, он едва не скатился по ней кубарем — возможно, такой исход стал бы для него оптимальным, однако кто-то из охранников успел схватить его в последний момент за капюшон.

— Смотри, чтобы раньше времени не дал дуба, — Марсель услышал, как один из сопровождающих обращается к другому. — Князь тебя не похвалит за это.

— Какая ему разница? — отозвался его спутник, который, судя по голосу, был гораздо моложе.

— Не углядишь — сам узнаешь, — проворчал первый, ухватив ученого покрепче за мешок, который все еще был у того на голове. — Не просто так ведь он повелел нам вывезти его подальше.

Чувствуя себя животным, которого ведут на бойню, ученый отчаянно пытался придумать выход из создавшейся ситуации. Но что он мог сделать? Лишенный возможности говорить, он оказался совершенно беспомощным перед лицом смертельной опасности. Несмотря на то, что охранников, если он не ошибался, было всего двое, это нисколько не облегчало его положения. Свежий воздух, пробившийся сквозь плотную ткань, позволил ему предположить, что они вышли наружу. Он уже приготовился предпринять очередную попытку привлечь внимание людей, если они были поблизости, но в этот момент один из его конвоиров,

который уже успел вскочить на лошадь, ухватил его за пояс и рванул вверх с такой силой, что у историка перехватило дыхание. Марселя перекинули через седло, как тюк с тряпками, и он почувствовал, что его вот-вот стошнит — не только от неудобного положения, но и от невыносимой вони, которая исходила то ли от ног охранника, то ли еще от чего-то. Живя среди достаточно чистоплотных людей, ученый успел отвыкнуть от подобных ароматов, так что в первый момент опешил и попытался как-то отстраниться от источника неприятного запаха. Конечно, ему не удалось сделать это — наездник сильнее прижал его к седлу, и он мысленно попрощался со своими ребрами. Но это было только началом испытаний — судя по всему, охранник не сильно переживал по поводу того, как чувствует себя его подопечный, потому что пустил лошадь сразу галопом. Возможно, именно это в какой-то степени помогло историку сохранить ясность мысли — следующие полчаса у него не было возможности бояться приближающейся смерти: все его мысли были заняты тем, чтобы выжить во время это безумной скачки. Все его внутренности словно перемешались, а ребра больше напоминали некий подвижный музыкальный инструмент, который гремел и скрипел, как старая разбитая гармонь. Когда они приехали на место предполагаемой казни, Марсель был настолько измучен, что даже почувствовал облегчение, что все это скоро закончится.

Охранник скинул его с лошади, и историк со стоном упал на мягкую траву. Пытаясь отдышаться и унять боль во всем теле, он гадал, какой будет его смерть. Впрочем, какая разница? — Марсель перевернулся на спину и повел затекшими плечами. Смерть неприятна в любом проявлении, даже самая гуманная. Жаль, что ему предстоит принять ее вот так, не имея возможности полюбоваться небом в последний раз.

— Давай, — Марсель услышал, как старший охранник обращается к своему спутнику.

— Почему я? — возмутился тот.

— Потому что в прошлый раз был я. И перед этим, и еще раз. Твоя очередь. Или испугался?

— Ничего я не испугался, — проворчал парень. — Просто не хочу.

— Хочешь, не хочешь, а приказ князя выполнить надо. Да пес с тобой… Слюнтяй. Смотри, как на…

Не договорив, мужчина вдруг захрипел. Ученый услышал звук падающего тела и одновременно с ним испуганный возглас второго охранника. Потом до него донесся странный свист, как если бы кто-то звал собаку, и хруст, который получается, когда запускаешь зубы в сочной яблоко. Снова падающее тело — и

испуганное бормотание парня.

— Как… Убили, убили меня! Дядя, скажи им…

Эта странная речь оборвалась и превратилась в хрип, который быстро стих. Марсель лежал, не двигаясь. У него не было уверенности в том, что происходящее вокруг как-то поможет ему. Неизвестный отсрочил ему смерть, но зачем? Не для того ли, чтобы лично завершить начатое? Или, может быт, это Муса? Конечно, как он сразу не догадался!

— Тьфу, дурак, смотри, что наделал! Сапоги мне испачкал.

Голос был незнакомым. Стараясь не привлекать к себе внимания, историк почти не дышал, старательно изображая мертвеца. Впрочем, очень скоро он понял, что его игра не имела смысла, потому что говоривший обратился к кому-то:

— Чего ждешь?

— А что?

— Сюда добрых людей не привозят. Если князь решил казнить этого, значит, было, за что. Кончай с ним.

Услышав эти слова, Марсель дернулся было, но быстро успокоился, когда один из мужчин с силой наступил ему на грудь.

— Ну-ка, спокойно!

— Отец, да оставь его. Небось, никуда не денется. Помоги мне лучше лошадей успокоить. Здесь, кажется, в сумках что-то есть.

Снова обретя возможность дышать, Марсель сделал несколько глубоких вдохов и попытался языков вытолкнуть кляп, чтобы иметь хоть какой-то шанс на спасение. Однако как он ни старался, у него ничего не вышло. Руки тоже были слишком надежно стянуты за спиной. Наконец, он понял, что все это бесполезно, и со стоном откинулся на спину, ударившись затылком о землю. Как это глупо, подумал ученый, избежать одной смерти только для того чтобы тут же принять другую.

— Да здесь нет ничего ценного, — проворчал тот, кого второй мужчина называл отцом. — Тряпье одно. Скорее всего, это ему принадлежит — вместе с ним бы и закопали. Ну, да, ткань добрая, но мы с тобой не бабы, чтобы…

— Погоди, — вдруг перебил его парень. — Смотри-ка. Кажется, я знаю, кто это.

— Да? Откуда?

— Да все оттуда же. Ну-ка, посмотрим.

Услышав, как говоривший приблизился к нему, Марсель задержал дыхание, не зная, чего ждать. Но уже в следующий момент он был вынужден зажмуриться, когда с его головы сдернули мешок, и в глаза ударил яркий свет.

— Ну, здравствуй, — в голосе прозвучали знакомые нотки. — Так вот ты, значит, какой. Не такой важный, как раньше, немного потрепанный. Помнишь, отец, я рассказывал тебе о человеке в маске? А вот он, родимый.

Прищурившись, ученый узнал в говорившем того самого молодого человека, которого он пощадил во время памятного нападения, закончившегося ранением Мусы. Судя по всему, юный разбойник продолжил свою преступную деятельность, правда, теперь уже в обществе своего отца. Впрочем, Марсель был даже рад подобному упорству.

— Так, говоришь, это и есть тот самый жрец?

К сидящему на корточках парню приблизился седовласый мужик, и Марсель поразился его гигантскому росту и мощному телосложению — создавалось впечатление, что Васнецов рисовал центрального персонажа своей знаменитой картины именно с него. Великан с интересом несколько секунд рассматривал связанного пленника, а потом кивнул сыну:

— Ну-ка, вытащи у него эту штуку изо рта. Пусть сам скажет.

— Добре, — парень кивнул и, ухватившись за край тряпки, потянул.

— Сфыф, — обратился Марсель к молодому человеку, как только почувствовал способность управлять языком, однако у него ничего не получилось — во рту все пересохло, и затекшая челюсть шевелилась с трудом. — Пф… Простите. Благодарю!

— Рано пока, — внушительно ответил парень. — Ты кто такой?

— Кирилл, посланник греческой церкви, — пробормотал ученый, посчитав, что этот статус больше подходит для создавшейся ситуации. — Приехал для духовных бесед с Владимиром, князем Киевским.

— Выходит, не удалась беседа-то? — усмехнулся старший разбойник.

— Не удалась.

— И что ж ты такого ему сказал, раз он так осерчал?

— Много чего. Невесту его обидел.

— А, это ты зря сделал, — понимающе покачал головой молодой человек. — Наслышаны мы об этой плехе. Говорят, все к рукам прибрала, да мы не верили. Что, выходит, так и есть?

— Да. К сожалению, — кивнул Марсель.

— Ну, вставай, раз так. Помоги ему, Федька.

Мужик кивнул сыну, и тот поднял ученого на ноги. Покачнувшись, Марсель едва не упал, но все же удержался и, восстановив равновесие, обратился к своим спасителям:

— Что вы намерены со мной делать?

— Да уж убивать не станем, будь спокоен, — усмехнулся в усы пожилой разбойник. — Ты ведь сына моего спас. Да, рассказал он мне о твоем поступке. Остальных моих мальчиков, конечно, жаль, но они знали, на что идут. К тому же сами полезли на рожон, не стали меня дожидаться. Ты ведь тогда не участвовал в драке?

— Нет, мы с Курьяном в овраге сидели, — историк махнул головой.

— Это с каким Курьяном? — прищурился Федор, и Марсель тут же пожалел о своей болтливости. — С Триполья который?

— Да, оттуда.

— Знаю его, хороший мужик, — заулыбался парень. — Что же он тогда голоса не подал? Мы бы отпустили вас с миром.

— Глупцы! — мужик наградил сына подзатыльником, и тот замолчал, насупившись. — Радуйся, что в живых остался. Хотя удавить бы тебя за непослушание, бестолочь!

— Ну, папа…

— Вот тебе и папа! Пошли уже. А то торчим здесь, как грибы на поляне.

— Куда вы хотите меня отвести? — осторожно спросил Марсель.

— Да ты-то можешь идти на все четыре стороны, — махнул рукой мужик. — Только далеко не уедешь, даже если на лошадь сядешь. Когда эти двое не вернутся в намеченное время, князь за тобой погоню отправит. Попадешься, как миленький, а там уже можешь быть уверен, что дружинники закончат начатое. Так что выбирай: или сам идешь и погибаешь, или с нами. А там уж как повезет.

— С вами, — не раздумывая, согласился ученый.

— Правильный выбор, — одобрил мужик. — Меня зовут Тарасом.

Посчитав, что все нужное уже сказано, разбойник кивнул сыну, а сам, взяв под уздцы одну из лошадей, пошел в направлении видневшегося неподалеку леса. Глядя на то, как Федор торопливо покидал разбросанные вещи в мешок и поспешил за отцом, прихватив с собой оружие убитых дружинников, Марсель с грустью посмотрел на покойников и отвернулся. Он понятия не имел о том, что его ждет и что следует делать дальше. Возвращаться в Триполье? Об этом и речи не могло идти. Прежде всего, поступив так, он мог подставить не только себя, но и все селище. Никто ведь не знал, как далеко мог зайти Владимир в своем гневе. А в том, что его рано или поздно отыщут, ученый даже не сомневался — он прекрасно помнил о почти фантастических способностях Лады. А если принять во

внимание тот факт, что она была всего лишь ученицей, по ее же словам… Да, о Триполье нужно было забыть. Во всяком случае, на время. Оставалось только надеяться на то, что Муса решит не задерживаться здесь и отправится восвояси тут же, прихватив с собой Меланью в Козино. Сложно было предположить, что мавру с его внешностью удастся долго оставаться незамеченным в древней Руси. Как скоро князь хватится своих людей? Максимум, что у него было, это час-полтора. Два от силы. Возможно, этого достаточно.

4

Идя по едва заметной тропинке за Тарасом и Федором, историк пытался вспомнить последние слова Владимира. Что он говорил? Вроде бы Лада была не в курсе его намерений. Значит, жрица не хотела его смерти. Это дарило ему небольшую надежду на благополучный исход — слабую, но все же надежду. Может быть, ей удастся убедить вспыльчивого жениха в том, что его стоит оставить в покое? Оставалось только объяснить самому себе, зачем ей это могло понадобиться. Не из гуманистических ведь соображений, на самом деле. Хотя, если подумать, что мешало волхвам убить его еще тогда, раз он был им неугоден? Может быть, они действительно не так плохи, как он о них думал. Но Кирилла-то они укокошили… Окончательно запутавшись в собственных рассуждениях, Марсель поднял глаза и обнаружил, что успел забраться в такую дремучую чащу, что даже неба не было видно — небольшая изба, построенная из грубых необработанных бревен, выглядела здесь почти как часть общего зеленого организма. Затянутая со всех сторон сочным плющом, она практически сливалась с лесом, и можно было пройти всего в паре метров от нее, не заметив.

— Вот, мы и пришли, — внезапно дружелюбным голосом проговорил Тарас. — Добро пожаловать. Только сразу предупреждаю: не балуй, у меня баба не любит гостей, так что постарайся произвести на нее хорошее впечатление. И не болтай лишнего.

— Кто там? — послышался женский голос, и ученый, судорожно сглотнув слюну, с удивлением уставился на ладную женщину в чистых белых одеждах. Ее внешний вид настолько не соответствовал окружающей действительности, что он даже на секунду зажмурился, чтобы убедиться, что это не галлюцинация.

— Это мы, любовь моя, — с нежностью в голосе отозвался мужик.

— А с вами кто? — Марсель обратил внимание на то, что женщина при этом смотрела не на него, хотя он стоял всего в нескольких шагах, а куда-то мимо, и сообразил, что она была слепа.

— Не беспокойся, мама, — Федор подошел к ней и обнял. — Это хороший человек. Странник. Заблудился в наших местах, мы ему помогли выбраться. Он переночует у нас.

— Конечно, — хозяйка кивнула головой и улыбнулась. — Добро пожаловать!

— Благодарю, — пробормотал ученый, не зная, как вести

себя.

— Что же это мы на пороге стоим? — женщина отступила внутрь избы и жестом пригласила Марселя войти. — Дорогой, помоги мне.

— Иду, солнце мое, — Тарас прошел мимо историка, грозно сверкнув на него глазами.

Оказавшись внутри избы, Марсель с удивлением обнаружил, что ее интерьер сильно отличался от наружной части — достаточно просторное помещение было обставлено по местным меркам почти шикарно. Здесь было все необходимое для жизни, и можно было заметить, что в доме постоянно поддерживался порядок. Наблюдая за тем, как женщина с помощью мужа накрывает на стол, ученый удивился тому, каким разным может быть один и тот же человек. Великан, только что убивший двух людей, теперь казался самым любящим и заботливым мужем из всех, с кем ему приходилось сталкиваться прежде в этом мире. Стоило женщине приблизиться к какому-нибудь острому углу, как Тарас каждый раз осторожно направлял ее в нужную сторону, оберегая от столкновения. Это было странно, тем более что слепая, скорее всего, прекрасно ориентировалась в пространстве. В конце концов, хозяин усадил жену на лавку возле стола, а сам принялся хлопотать вокруг нее. Это выглядело почти сюрреалистично, и Марсель только молча наблюдал за происходящим. Наконец, накрыв на стол, хозяин жестом пригласил гостя сесть и сам тут же без лишних слов принялся за еду.

— А что же ты, милый, не представил гостя? — обратилась женщина к супругу.

— Да я как-то запамятовал, — признался Тарас. — Кирилл, это моя жена Ольга. Ольга, это Кирилл.

— Очень приятно, — проговорила хозяйка.

— И мне. Очень.

— Что привело тебя в наши края, добрый человек? Дело какое — или просто странствовать любишь?

— Дело, — ответил ученый, искоса поглядывая на мужчин. — Важное дело. Но, видно, не судьба мне его завершить.

— Что так?

— Не вышло ничего у меня. И цели своей не достиг, и жизни едва не лишился. Если бы не твои супруг и сын, думаю, не сидеть бы мне здесь.

— Да, мальчики — моя гордость. Их ведь у меня целых пять молодцев, все, как на подбор. Федюша — самый младший, поэтому дома остался. Остальные-то на заработки в Киев поехали, уже несколько дней от них ни одной весточки нет.

Слушая Ольгу, историк то и дело поглядывал на Тараса, но тот сидел с хмурым видом и никак не реагировал на слова жены. О том, что происходило у него внутри, можно было догадаться только по тому, с какой яростью он пережевывал пищу. Казалось, что если бы ему на зуб попался камень, то он вряд ли заметил бы его. Поняв, что мать ничего не знает о гибели сыновей, Марсель не стал продолжать этот разговор.

— Как вам живется здесь? — спросил он, чтобы как-то сменить тему. — Наверное, тяжело — вот так, в лесу?

— Почему же? — удивилась Ольга. — Напротив, это раньше было трудно, когда мы на равнине жили. Многие завидовали нашему счастью, наговаривали на моих мальчиков, мол, они что-то у кого-то украли. Да они в жизни чужого без спроса не брали, а чтобы украсть — об этом и речи быть не может. Дошло до того, что Федю нашего княжеские дружинники до полусмерти избили, правда, потом выяснилось, что куру, которую он вроде как стащил, собака загрызла… Но разве кому-то есть дело до чужого горя? Даже прощения не попросили. Вот тогда мы и решили подальше от посторонних глаз поселиться. Только после этого я поняла, что такое настоящая вольная жизнь. У меня здесь есть все, чего только можно пожелать. Жаль только, что сыночки уехали — грустно мне без них. Но ничего, я подожду. Вернутся они, снова заживем большой дружной семьей.

— А где жили-то? — ученому показалось, что он начинает понимать причины, по которым Тимохино селище подвергалось постоянным нападениям со стороны тарасовской банды.

— Да в Козино, будь оно неладно, — вздохнула Ольга. — Знаю, что плохо такое говорить о людях, но ни одного слова доброго на ум не приходит. Разве только Меланья, светлая душа, но и она не могла нам ничем помочь. Так и маялись в этом проклятом месте, пока мой муженек не собрал нас всех да не перевез сюда.

— Да, повезло твоей семье, сказать нечего.

Ученый обращался к женщине, но смотрел при этом в глаза хозяину дома. Тот некоторое время сидел молча, а потом поднялся из-за стола и отошел в сторону, глядя в окно.

— Ты уже наелся, дорогой? — удивилась Ольга.

— Да, милая, спасибо тебе, — ответил Тарас, не оборачиваясь. — Все было так вкусно, что я, кажется, объелся.

— Вот всегда он так, — улыбнулась женщина. — Сначала говорит, что голоден, как волк, а потом немножко ложкой поковыряет и говорит, что объелся.

Не зная, что ответить, Марсель лишь улыбнулся, забыв о том, что собеседница его не видит. Заметив, что она все еще ждет его

реакции, он запоздало спохватился и вежливо поблагодарил хозяйку за чудесный обед и предложил помочь убрать со стола.

— Что ты, — отмахнулась женщина. — Отдыхай. Ты, наверное, устал с дороги. Мне Федя поможет.

Еще раз похвалив угощенье, историк поднялся и подошел к Тарасу, который продолжал неподвижно стоять у окна. Наконец, мужик вздохнул и кивнул ему:

— Выйдем.

Проследовав с ним за дверь, ученый увидел, как тот раздвинул заросли ежевики — и за ними оказалась небольшая беседка с двумя лавками. Она была так искусно спрятана, что Марсель, стоя буквально в шаге от нее, ничего не заметил. Присев, Тарас закрыл глаза и о чем-то задумался. Затем он обратился к гостю:

— Ты, наверное, думаешь, будто я чудовище какое-то, да? Мол, людей грабит, убивает. Поделом мне, верно?

— Нет, я так не думаю, — ученый отрицательно покачал головой. — Я ничего о тебе не знаю, Бог тебе судья.

— Слышал, наверное, от Курьяна о нас?

— Да, его кум кое-что мне о тебе рассказывал.

— Это который Тимофей? Представляю, что он там насочинял. Наверное, обвинил меня во всех своих бедах, верно?

— Не без этого.

— Козинцы получили по заслугам! — неожиданно обозлился Тарас, но тут же успокоился и закрыл лицо руками. — Не хотел я этого, ох, не хотел. Не уследил за сыновьями… Один Федя вот остался. Откуда в них это — ума не приложу. Не так я их воспитывал. Но, видно, сильно они обиделись на жизнь, раз разбойничать пошли.

— Разве это не ты их надоумил? — удивился Марсель такому заявлению.

— Нет, я только потом узнал, когда уже поздно было что-то менять и исправлять. А там — что делать? Слухи поползли разные, князь за поимку моих мальчиков награду объявил. Сам понимаешь, земледелием после такого не займешься. Пытались мы охотой прокормиться, да год голодный вышел — чуть не передохли все. Пришлось опять грабежом промышлять. Вот, к чему все привело. Не знаю теперь, как сына сохранить.

Услышав эту историю из первых уст, историк сочувствующе покачал головой. Что он мог сказать по этому поводу? Тарас и так все понимал — возможно, даже лучше него. Он попал в ловушку, из которой было практически невозможно выбраться.

— Слушай, — великан вдруг с надеждой взглянул на собеседника. — Может быть, с собой возьмешь его, а? Ты, я вижу,

человек непростой, ученый. С тобой-то у него гораздо больше шансов, чем здесь. А уж мы бы со старухой как-нибудь протянули бы. Что скажешь?

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — возразил Марсель, которому эта идея пришлась не по вкусу. — Или забыл, в каком положении меня нашел? За мной сейчас будут охотиться не только княжеские дружинники, но и…

Поняв, что едва не наговорил лишнего, историк закусил губу и безнадежно махнул рукой.

— В общем, я и сам не спасусь, и сына твоего погублю.

— Жаль, — погрустнел мужик. — Мне казалось, что ты сможешь дать ему новую жизнь.

— Почему ты не отошлешь его куда-нибудь? — спросил ученый. — Вряд ли его многие знают в лицо. Может быть, ему и удалось бы добраться до какого-нибудь города, Новгорода, например. А там, глядишь, и делом бы занялся.

— Я думал об этом, — отозвался Тарас. — Но страшно мне отпускать его одного. Червоточина в нем есть какая-то. Боюсь, займется опять грабежами и закончит так же, как братья. А вместе с ним оборвется и мой род. Нет, одного я его не отправлю. Вот с тобой — другое дело. Тебе я верю.

— Чем же это я заслужил твое доверие? — воскликнул Марсель слишком громко и тут же зажал себе рот ладонью. — Ты ведь совсем не знаешь меня.

— Я знаю о тебе гораздо больше, чем ты можешь себе представить.

— Не понимаю тебя.

— Ну, слушай. Если я что-то скажу не так, исправь меня. Ты иноземец, верно? Об этом говорит и твой говор, и то, что я ни разу тебя не видел в этих местах. С тобой были мавры — мне Федя рассказывал. Значит, приехал ты издалека. Они подчинялись тебе, выходит, ты большой человек. Ну, и что с того, что князь на тебя осерчал? Он у нас человек резкий, живет сердцем, а не умом — сегодня любит, завтра убить хочет, и наоборот. Тебе выпала честь беседовать с самим Владимиром. О чем это может говорить?

— О чем?

— Только о том, что ты еще и ученый человек, наделенный знаниями. Возможно, даже приближенный к каким-то таинствам. Но не из наших волхвов, это точно. Для них ты слишком прост в общении.

— А что, они важничают? — заинтересовался Марсель.

— Не то чтобы важничали, но и желанием посвящать кого-то в свои дела не горят. Мы для них, как для нас — тараканы. И

живые вроде, а поговорить не о чем.

— Вот, значит, как…

Ученый задумался. С одной стороны, то, что он услышал, лишь утвердило его в мысли о том, что с этими людьми шутить не стоит, несмотря на их видимое миролюбие. С другой, ему вдруг пришло в голову, что, возможно, это даже к лучшему. Во всяком случае, он был бы не против, если бы Лада вдруг начала относиться к нему как к таракану: нет личности — нет проблемы. Однако надеяться на это было бы слишком наивно, и Марсель, вздохнув, обратился к собеседнику.

— Скажи, друг, а есть ли способ добраться до Житомира незаметно?

Историк решил, что нет смысла отсиживаться в этой глуши, где его в любой момент могли обнаружить, а следовало затеряться в толпе. Город был молодой, там, скорее всего, много всякого люда ошивалось. А затем можно было бы и вообще покинуть Киевское княжество. Вряд ли его станут искать так далеко. Как говорится, с глаз долой — из сердца вон. Пройдет какое-то время, и он сможет вернуться, и — кто знает? — возможно, у них с Марусей еще что-то получится. К его радости, Тарас кивнул в ответ.

— Как не быть? Есть, конечно. Вот только сложно тебе будет по этим тропам тайным одному пробираться. Был бы проводник — да, а так… Сгинешь в какой-нибудь трясине. Или не с теми людьми познакомишься, все одно.

Поняв, куда клонит хитрый мужик, историк был вынужден еще раз обдумать его предложение. Да, Марсель не был идеальным вариантом для блудного сынка, однако у него, похоже, не было выбора. Или с ним, или одному. Второй вариант казался ему не самым надежным, тем более что на местности он ориентировался, мягко говоря, не лучшим образом и легко мог заблудиться в трех соснах. Оставалось только выяснить, чего конкретно ждет Тарас от него. Не мог ведь он действительно наставить на путь истинный его оболтуса. Хотя…

— Добре, я все понял. Возьму с собой Федю. Но почему ты веришь в то, что он не сбежит от меня при первом удобном случае и не возьмется за старое? Привязать его к себе я не могу, сам понимаешь.

— Не можешь, — согласился мужик. — Однако ты не беспокойся по этому поводу. Уж я найду для него нужные слова. Так что, по рукам?

— По рукам, — кивнул ученый, не оставляя себе возможности для отступления.

Тарас с чувством стиснул протянутую ладонь, и Марсель

поморщился от боли. Но здоровяк не заметил этого и, вскочив на ноги, не говоря больше ни слова, заспешил к дому. Оставшись один, историк решил, что ему некуда торопиться. Тем более что отцу с сыном, судя по всему, было о чем поговорить в его отсутствие. Происходящее совершенно не нравилось ему, особенно учитывая слепоту Ольги. Была бы она зрячей, все выглядело бы иначе, а так выходит, что он не только был причастен к смерти ее четверых сыновей, но и пятого собирался забрать неизвестно куда. В любой другой ситуации Марсель бы, скорее всего, постарался улизнуть под шумок и оставить семейство разбойников вариться в собственном соку, однако у него не было такой возможности, и он прекрасно это понимал.

С момента его пробуждения миновало несколько часов, и пережитые потрясения не прошли бесследно — сидя на лавке, историк почувствовал, что его начинает клонить в сон. Не видя ничего плохого в том, чтобы прикорнуть ненадолго, он лег на спину и закрыл глаза. Будущее казалось ему туманным, и он вдруг подумал о том, что, наверное, как раз в это время Муса с Меланьей направляются к своему новому дому, где бы он ни находился. Представив себе славянскую знахарку в восточных одеждах, а Мусу уплетающим какие-нибудь блины или окрошку, Марсель улыбнулся. Интересно, как дела у Курьяна? Получилось ли у него держать язык за зубами — или нет? Лучше бы ему, конечно, помалкивать обо всем, что он видел. Впрочем, Михайло, конечно, скоро обо всем узнает, если еще не узнал. Сидят, наверное, сейчас и под медовуху гадают о том, как их Баламошка поживает. Забавно. Он думает о них, а они — о нем.

Незаметно для себя историк задремал. В какой-то момент его тело будто перестало ему принадлежать — он смотрел на себя со стороны и в то же время понимал, что все происходящее было всего лишь игрой утомленного мозга. Тем не менее, ему стало интересно, и он приблизился к своему телу, чтобы рассмотреть его лучше. Что ж, очень даже ничего, отметил про себя Марсель с удовлетворением. Ничего особенного, но и не урод. В этот момент он почувствовал, что находится в беседке не один. Быстро обернувшись, мужчина увидел высокого пожилого человека, который стоял за его спиной и также наблюдал за ним спящим. Лицо старца выражало крайнюю степень задумчивости — казалось, что в этот момент он пытается принять какое-то трудное решение.

— Кто ты? — спросил историк, понимая, что в своем астральном обличье мало чем сможет помешать этому человеку, если тот вдруг задумает что-то недоброе.

— Не силься проснуться, не получится, — отозвался

старец. — Твой сон глубок, но это даже к лучшему.

— Почему? — Марсель скорее автоматически, чем осознанно, встал между незнакомцем и своим телом.

— Все просто. Пока ты здесь спишь, там, в доме, княжеская дружина рубит твоих новых знакомых. Если бы ты бодрствовал, то, скорее всего, попытался бы спасти их — и сам бы погиб. А так все закончится для тебя вполне благополучно. Дружинники не заметят этого места. Ты ведь тоже его не разглядел, когда пришел сюда, помнишь?

— Тараса убили? — ужаснулся ученый, прислушиваясь, однако вокруг стояла тишина.

— Убивают как раз в этот момент. Не силься — все равно ничего не услышишь. Ты в другой реальности сейчас находишься, — объяснил гость, заметив недоумение на лице собеседника. — В твоей собственной. Я, честно говоря, впервые вижу, чтобы внутри у человека было так спокойно. Похоже, ты в мире с самим собой. Удивительно.

— Что же в этом удивительного? — Марсель начал понимать, с кем разговаривает, и это не обрадовало его.

— Учитывая то, что тебе пришлось пережить, ты мог бы обозлиться, усомниться, разочароваться — да много чего мог бы. Но ты остаешься собой, и это внушает уважение. Ты все еще хочешь знать, кто я?

— Наверное, нет, — покачал головой историк. — Наставник Лады, верно? И чем же я обязан такому вниманию с твоей стороны, волхв? Я покинул Киев — правда, не самым радостным для меня образом. Твоя ученица добилась своего — Владимир полностью в ее распоряжении. Христианства на Руси не будет, во всяком случае, пока. Возможно, все теперь пойдет совершенно иначе. Что вам еще от меня нужно?

— Ты обижен, я это понимаю, — голос жреца звучал спокойно и даже нежно, и Марсель напрягся, ожидая подвоха. — Но мы не желали твоей гибели, можешь мне верить. Надеюсь, ты понимаешь, что мне незачем добиваться твоего расположения? Как я для тебя — всего лишь персонаж из далекого прошлого, кости которого давно превратились в пыль, так и ты для меня — одна из вероятностей, не более.

— Тогда зачем ты здесь?

— Чтобы поделиться с тобой тем, что мне стало известно. Думаю, тебе будет интересно узнать о том, что твой неудача в Киеве никак не повлияет на тот мир, который ты знаешь.

— О чем ты? Не понимаю.

— Пространство и время многослойны. Мне стоило самому догадаться об этом много раньше, но, к сожалению, знания — это

сила, которая наращивается с годами. Всегда есть кто-то, у кого ее больше. Вот и я стою перед безбрежным океаном информации всю свою жизнь, а пока только ноги замочил.

— Все равно не улавливаю. Ты говоришь слишком много слов.

— Для каждого своя история, понимаешь? А любое изменение, внесенное отдельно взятым человеком, меняет только его собственную реальность. Возможно, где-то в другом месте сейчас тот я, который решил оставить все, как есть, сидит в своем капище и размышляет о том, как дальше жить. Этот второй я существует благодаря тебе — в твоем мире волхвы почти исчезли с лица Земли. И, возможно, так изначально я должен был поступить. Но человеку дано право второй попытки, правда, далеко не все им пользуются. Я видел то, во что превратится эта земля, и меня это не устраивает, поэтому мы с Ладой делаем все, что в наших силах, чтобы исправить ситуацию. Теперь понимаешь?

— Возможно, — задумчиво ответил Марсель. — Ты хочешь сказать, что если я вернусь в свой мир, то в нем все будет, как прежде?

— Именно так.

— И ты сможешь меня отослать туда?

— Смогу.

— Так почему ты не сделал этого раньше? — ученому показалось это странным. — К чему все эти уговоры? Взял бы да и зашвырнул меня обратно. В чем проблема?

— Здесь не все так просто, как может показаться с первого взгляда.

Старец нахмурился, размышляя о том, как много можно рассказать этому своенравному человеку. Наконец, он пришел к выводу, что уже зашел слишком далеко, чтобы останавливаться на полпути.

— Признаю, мы повели себя не лучшим образом, когда без твоего согласия затеяли все это. Однако у нас не было времени на нежности, нужно было принимать решение быстро. Но именно это и стало причиной ошибки — мы не сумели просчитать все возможные варианты развития событий.

— В чем же заключалась ошибка? — Марсель так увлекся этой беседой, что на мгновение даже забыл о том, что рядом с ним происходила настоящая трагедия.

— Попав в наше время, ты стал его частью, а приняв участие в исторических событиях, занял в них соответствующее место. Понимаешь, о чем я?

— Не совсем.

— Ты теперь являешься представителем двух реальностей, — терпеливо объяснил жрец. — Раньше все было намного проще — мы просто переместили бы тебя во времени вдоль твоей собственной линии. Но сейчас, если мы попытаемся сделать это без твоего ведома, ты можешь оказаться только в том будущем, участие в формировании которого только что принял. Так понятнее?

Марсель несколько секунд молча рассматривал своего собеседника, пытаясь обнаружить в нем попытку обвести его вокруг пальца, но тот казался совершенно искренним. Да и в чем был смысл так обманывать его? Если волхвы до сих пор не выслали его к чертям собачьим первым же рейсом без права повторного въезда, значит, они просто не могли этого сделать. Такое объяснение расставляло все по своим местам. Избавиться от лже-Кирилла без его согласия они не в силах, а убивать не хотят. Хоть за это спасибо. Однако чего хочет от него жрец? Согласия на депортацию? А как же…

— А как же те люди, которые останутся здесь? — задал он беспокоящий его вопрос. — Мои спутники, друзья, знакомые? Маруся, наконец. Что с ними будет?

— Ничего особенного, — пожал плечами старец. — Они проживут отпущенный им срок и умрут каждый в свое время.

— И всё?

— И всё.

— Так не пойдет, — неожиданно даже для самого себя заявил Марсель. — Я не согласен.

— Почему? — волхв озадаченно взглянул на собеседника. — Что тебе до них? Всего пару лет назад ты и понятия не имел о том, что все они когда-то существовали.

— А теперь имею, — ученому нужно было выговориться, главным образом, для того, чтобы объяснить самому себе, что происходило в его голове. — Так уж получилось, что я оказался здесь. Ты сам только что говорил, жрец, что у каждого из нас свой путь, свое прошлое и будущее. Так почему ты считаешь, будто твои действия не были предопределены заранее? Кем? Да тем же Родом. Ты ведь в него веришь? Впрочем, не важно. Люди, о которых ты говоришь, стали частью моей жизни. Я не стремился к этому, но так случилось. И теперь ты хочешь снова отобрать у меня то, что я имею. По-твоему, это честно? Я так не считаю. И твоя история — она не твоя, а общая. Заставив меня стать ее частью, ты сам дал мне право выбора. И я его сделал.

— То есть ты решил остаться? — жрец произнес эти слова, задумчиво глядя на собеседника.

— Вот именно.

— Но тебе здесь не место. Почему ты не желаешь этого понять?

— Ты лукавишь. Мне не место в том мире, который ты собираешься построить. Это разные вещи. Ты сейчас рассуждаешь как тиран, нарисовавший в своем воображении модель идеального общества и не пускающего в него никого постороннего. Человечество проходило это много раз. А если ты ошибаешься? Не думал об этом? За твои недочеты отвечать придется не только тебе, но и всем, кого я успел узнать и полюбить. Ты ведь ничем не отвечаешь перед ними, кроме собственной жизни. Этого явно не достаточно, и ты это прекрасно понимаешь, однако все же предпочитаешь не думать об этом. Ну, а я другой. Никогда не прощу себя, если оставлю своих близких на произвол судьбы.

— Это твое окончательное решение? — тихо спросил волхв.

— Думаю, что да.

— Как знаешь.

Сказав это, жрец начертил в воздухе странный символ, и Марсель открыл глаза. Медленно поднявшись, он сел на лавке и удивленно оглянулся: рядом с ним никого не было. Неужели ему все это приснилось? Не похоже… Вспомнив о том, что гость говорил о Тарасе и его семье, ученый быстро поднялся и, стараясь ступать как можно тише, раздвинул густую зеленую стену и осторожно выглянул наружу. Первое, что он заметил, было грузное тело мужчины, лежавшего лицом вниз прямо перед входом. Достаточно было одного взгляда, чтобы определить, что он был мертв — вся его спина была изрублена, и он практически плавал в луже собственной крови. Судя по тому, что она еще не успела впитаться в землю, нападение произошло совсем недавно, всего несколько минут назад. Первым порывом историка было кинуться внутрь, чтобы проверить, остался ли кто-то в живых, однако он сдержался в последний момент. Сложно было предположить, что дружинники, выследившие разбойников, решили бы пощадить кого-то. Тишина, царившая вокруг, только подтверждала его опасения. Удивительно, что он мог проспать такое. Ведь Тарас вряд ли сдался без боя — судя по тому, что он до сих пор сжимал в руке топор, мужик сопротивлялся до последнего. Значит, волхв специально сделал так, чтобы он ничего не услышал. Чем бы он ни руководствовался при этом, Марсель был обязан ему своей жизнью.

Еще раз оглянувшись, ученый окончательно выбрался из своего укрытия и, стараясь не смотреть на Тараса, обошел его и заглянул в дом. Возможно, он все же надеялся на то, что Федору удалось скрыться, но то, что он увидел, заставило его

содрогнуться. Внутри все было перевернуто, словно здесь свирепствовал ураган — разбитая посуда валялась на полу вперемешку с остатками еды, стены были забрызганы кровью. Ольга лежала на спине, раскинув руки в сторону и глядя в потолок широко раскрытыми глазами, в которых застыло выражение недоверчивого удивления, а рядом с ней, согнувшись, сидел сын. В первый момент историку даже показалось, что он жив — настолько естественной была его поза. Однако, приглядевшись, он понял, что парень был мертв. С трудом переборов подкатывающую тошноту, Марсель уложил его рядом с матерью и закрыл женщине глаза. Больше всего в этот момент ему хотелось бежать из этого страшного места, не оглядываясь, но он помнил о том, что его ищут — и, возможно, именно это стало причиной гибели Тараса и его семьи. Конечно, их и так нашли бы рано или поздно, однако сознание собственной причастности к произошедшему заставило его сердце сжаться от жалости. Заставив себя не думать о мертвецах, лежащих рядом, ученый прошел в часть избы, где могли храниться личные вещи покойных. После непродолжительных поисков ему, наконец, удалось отыскать нужный сундук, и, открыв его, Марсель быстро нашел для себя подходящую одежду. Обличье Кирилла было слишком опасным для того чтобы расхаживать в нем по Киевской Руси.

Переодевшись, мужчина остался доволен результатом — теперь он мог легко сойти за местного. Единственное, что его волновало, был шрам, который выделял его из толпы. Неожиданно историку в голову пришла удачная мысль, и он, искоса взглянув на хозяйку, попытался представить, где на ее месте держал бы средства гигиены. Несмотря на то, что на женщине не было заметно ни белил, ни румян, сложно было представить, чтобы у нее ничего такого не было. Потратив на поиски несколько минут, Марсель радостно вскрикнул — в одном из сундуков оказалась шкатулка, в которой он обнаружил несколько небольших коробочек. Задумчиво глядя на белый порошок, он почесал затылок — если замазать этим шрам, будет еще хуже. Если только… Заглянув в остальные коробочки, он добавил в порошок румяна и какую-то коричневатую кашицу, назначение которой было ему неизвестно. В результате получился состав неопределенно цвета, который вполне мог сойти за естественный оттенок. Взяв в руки металлическое блюдо и глядясь в него, как в зеркало, мужчина неуверенными движениями принялся замазывать шрам. Результат неожиданно оказался таким хорошим, что он мысленно похвалил себя за находчивость и довольно улыбнулся, однако тут же, вспомнив о

том, где находится, устыдился — сложив в дорожную сумку все, что могло ему пригодиться, ученый вышел за дверь.

Когда Игнат, гончар из Житомира, возвращающийся на телеге с рынка, догнал одинокого путника, который бодрым шагом топал в том же направлении, что и он, тот, обернувшись, помахал ему рукой:

— Здравствуй, добрый человек! Подвезешь?

— А что, садись. Вместе, небось, веселее. Ты куда?

— Да в Житомир.

— Так и я туда же. Только вот я тебя там не видел. По делам едешь, или родня там?

— Не то и не другое. Хочу себя показать, на людей посмотреть.

— Странник, что ли?

— Ну, да.

— Так бы сразу и сказал. Этого добра у нас достаточно, места-то вон, какие красивые.

— А ты — из Киева возвращаешься? Что там нового?

— Да что… А ничего. Князь дурит, народ терпит. Сейчас вот нового врага себе придумал — говорят, всех дружинников на уши поставил, ищет повсюду какого-то грека. В остальном все как обычно, даже лучше. Я-то — вон, весь свой товар сегодня продал, в последнее время такая удача редко выпадает. Я гончар местный. Горшки, кувшины, крынки. Эх, налетай, народ, разбирай! Видать, готовятся к какому-то празднику люди. Может быть, свадьба намечается. Заказали еще, через три дня снова поеду.

— А что за грек? — Марсель сделал вид, что впервые слышит об этом.

— Да пес его знает, — неопределенно пожал плечами Игнат. — Какой-нибудь бедняга, который нашему князю не угодил. Но когда я уезжал, его еще искали, так что, возможно, он успел унести ноги.

— И часто такое здесь происходит?

— Да уж не редко. Но раньше было чаще, в последнее время Владимир как-то остепенился. Уж не знаю, что тот грек ему сделал, раз он так рассвирепел и за старое принялся.

— Отходчивый?

— Чего?

— Отходчивый, говорю, князь?

— Э, нет, брат, — усмехнулся мужик. — Этот долго обиды в памяти хранит. Помню, один воевода его чем-то задел, так тот целый год ждал удобного случая, чтобы отомстить. И когда тот уже и думать забыл об этом случае, приказал удавить его. Конечно, народу сказали, что он во сне умер, но мы-то не дети

малые, все понимаем. Так-то.

Что ж, подумал Марсель, возможно, это и к лучшему — не придется ломать голову над тем, чтобы попытаться улучшить отношения с Владимиром. Еще одной проблемой меньше. Наладить связь с Курьяном — дело времени, да и Маруся может подождать, не до нее сейчас. Убитые Тарасом дружинники не успели обшарить его карманы, вероятно, намереваясь сделать это после казни, так что у него было достаточно денег для того чтобы продержаться какое-то время. Нужно было только не попасться, а там, глядишь, и до Польши можно будет добраться, если повезет. Что там сейчас? Историк нахмурился, пытаясь вспомнить события того периода, в котором находился. Болеслав Храбрый? Неспокойное время, но славное. Почему бы и нет?

— Есть, где остановиться?

— Что?

Марсель, увлекшись своими мыслями, не сразу понял, о чем его спрашивает попутчик, и тот повторил:

— Остановиться, говорю, есть где?

— Аа… Нет, пока нет.

— Мы приедем к ночи только, так что можешь заночевать у меня, — кивнул мужик. — Меня Игнатом зовут.

— Марсель, — историку пришло в голову, что он имеет полное право называться своим собственным именем. Действительно, не Баламошкой ведь представляться.

— Марсель? — удивился гончар. — Это что за имя немецкое? Или ты фрязин?

— Нет, я здешний, — отозвался ученый, тут же пожалев, что не придумал какое-нибудь более подходящее имя. — Просто отец мой тоже странствовал много, вот и подобрал имя из тех, что больше приглянулись.

— А у самого-то детки есть? У меня вон целая дружина, мал мала меньше. Уже и устал от них, а баба моя все рожает, остановиться не может. Я уж ее и к знахарям водил, они какую-то водицу дали, говорят, мол, станет пить ее — не понесет больше. Ага, как же. Опять пузатая ходит. Дитя, конечно, это всегда хорошо, но сколько можно?!

Улыбнувшись, Марсель посочувствовал многодетному отцу и, в свою очередь, покачал головой:

— Нет, семьей я так и не обзавелся.

— Породицей.

— Чего?

— Породицей в наших краях семью называют. А чего ж ты так? Бабы подходящей рядом не оказалось в нужный момент?

— Можно и так сказать, — отозвался историк, автоматически

запоминая новое слово. — То бабы не было, то времени.

— Вот так наша жизнь и проходит, — глубокомысленно вздохнул мужик. — Думаешь, что успеешь все, а там глядишь — и седина в бороде появилась, и работать уже не можешь, как раньше. И старость незаметно подкрадывается. А потом… Эх, не будем о грустном.

— Не будем, — согласился историк. — А что, в Житомире, говоришь, есть на что посмотреть? Живет город?

— Да куда он денется? — махнул рукой Игнат. — Живет, конечно. Вот только в последнее время как-то неспокойно у нас. Народ волнуется.

— Что такое? — насторожился Марсель, для которого эта новость стала неожиданной.

— Да волхвы наши чего-то мутят воду, — сердито махнул рукой куда-то в сторону мужик. — То сидели веками в своих лесах, носа не показывали, а то вдруг стали слухи распускать о том, что, мол, движется на нас опасность великая. Веру, говорят, хотят у нас отнять. Я же говорю: глупости сплошные. Кто ее у нас отнимет? Наши отцы и деды Роду поклонялись. Сварог да Макошь — наше всё. Князь Владимир — и тот покряхтел-покряхтел со своими новыми порядками, да успокоился. Понял, что нас так просто не проймешь. А тут — такое.

— Погоди, погоди, — ученый перебил слишком болтливого Игната, который уже готов был пуститься в пространные рассуждения. — Это что же, волхвы у вас просто так от дома к дому ходят, что ли?

— Зачем? — удивился тот. — У них своя изба на отшибе. Не поверишь, построили ее всего за ночь и теперь живут в ней. Вечером народ спать ложился — ничего не было, а утром проснулся и — на тебе! Стоит, добротная такая, фигурками ихними украшенная…

— Так, говоришь, прямо там и живут? Разве они не стараются от людей подальше держаться?

— Так было раньше, — кивнул гончар. — Я же и говорю: неспокойно. Еще волхвы рассказывали о какой-то посланнике… Ох, так это его ищут, наверное!

Мужик хлопнул себя по колену с такой силой, что лошадь, испугавшись, шарахнулась в сторону.

— Ну-ну, тпру, — успокоил ее Игнат и повернулся к Марселю. — Вот голова дырявая, да? Как-то я сразу не связал одно с другим. Значит, успели волхвы донести до князя весточку, настроили его против грека этого. Ну, и хорошо. И пусть поймают его, чтобы другим неповадно было.

— Думаешь? — заинтересовался историк. — Что же он тебе

сделал?

— Может быть, и ничего, — пожал плечами мужик. — Однако добрый человек никогда не полезет к соседям со своей метлой. Возможно, у нас здесь и своего сора в избытке, но мести мы его будем по старинке, как нам любо. Понимаешь, о чем я?

— Ну, с такими мыслями мы далеко не уедем, — рассмеялся Марсель.

— О чем это ты?

— Да все о новом, которое не всегда хуже старого, а иногда даже лучше.

— Ну-ка, ну-ка, — Игнат прищурился и смерил собеседника насмешливым взглядом. — Ты говори, а я послушаю.

— Почему бы и нет? Ты вот сейчас на телеге едешь, верно?

— Вроде.

— А когда-то люди не знали колеса, все на себе таскали. Наверное, когда первую телегу изобрели, на нее тоже смотрели с опаской. Отказались бы от колеса, что делал бы сейчас?

— Эк ты хватил, — рассмеялся мужик. — Так то ж давно было. А я тебе толкую о том, что прямо сейчас происходит. Здесь разницу понимать нужно. Какое мне дело до того, как раньше жили. Мне нужно беспокоиться о том, чтобы у моих детей было что поесть, а ты мне о каком-то колесе толкуешь. Хотя вещь в хозяйстве, конечно, полезная. На себе я бы запарился таскать все свое добро, здесь ты прав.

Поняв, что нет никакого смысла вести с гончаром подобные разговоры, Марсель предпочел согласиться с ним и признать собственную неправоту. Увидев, как Игнат самодовольно ухмыльнулся, ученый мысленно пожелал ему удачи и подумал, что Житомир — не то место, где ему стоило бы появляться в ближайшее время. Поэтому, поболтав еще какое-то время, он вдруг вспомнил о родственнике, к которому хотел заехать, и спрыгнул с телеги.

— Это где ж твой родственник живет? — удивился мужик, почесывая затылок. — В берлоге, что ли?

— Нет, конечно, — рассмеялся Марсель и махнул наугад в сторону рукой. — Здесь недалеко, всего пара верст.

— А, так ты в Мимины. Пахома, что ли, кум?

— Да, его самого, — подтвердил ученый, довольный тем, что его собеседник сам подобрал подходящее объяснение.

— Ну, смотри сам, раз так, — Игнат с сомнением покачал головой. — Только будь осторожнее, там топи, сгинуть можно.

— Благодарю! Доброго пути!

5

Марсель еще некоторое время смотрел вслед удаляющейся телеге, а когда она почти скрылась из виду, пошел в том направлении, где, как он понял, находился какой-то поселок. Все, что ему нужно было, это найти ночлег, чтобы утром продолжить свой путь — теперь уже в обход Житомира, который облюбовали для себя волхвы. То, что рассказал Игнат, натолкнуло ученого на определенные мысли. Выходит, жрецы отнюдь не были так уверены в успехе своего предприятия, раз решили копать сразу с нескольких сторон. Он не удивился бы, если бы выяснилось, что подобные случаи наблюдались и в остальных славянских городах. Триполье осталось в стороне от этих событий, скорее всего, только потому, что он там поселился. Или его поселили, чего уж там. Понимая, что вся его предыдущая жизнь в течение последнего года, так или иначе, шла под диктовку Лады и ее соратников, историк почувствовал себя обманутым. Если подумать, то так оно и было — волхвы подставили его, использовав в собственных интересах. Но ничего, он им испортит всю малину, не на того напали. Жрецы славянских богов на протяжении многих веков оставались в роли сторонних наблюдателей, лишь иногда вмешиваясь в жизнь простых людей. Так почему бы ему не использовать их же опыт для достижения своей цели? У него уже было достаточно знаний, чтобы в нужный момент понять, к чему может привести то или иное изменение. Ведь для того чтобы все пошло по совершенно иному пути, достаточно минимального воздействия, на которое даже у него хватит сил.

Представив себя в роли прорицателя, потрясающего посохом в деревнях, Марсель рассмеялся — настолько забавным показался ему этот образ. Эдакий славянский Ной, наставляющий людей на путь истинный. Или, может быть, Нострадамус? Нужно было набросать приблизительный план событий, которые должны были произойти в ближайшее время. Жаль только, что у него не было в запасе пары-тройки сотен лет, чтобы можно было предотвратить татаро-монгольское нашествие. Впрочем, возможно, его и не будет вовсе, если волхвы постараются. Задумавшись, ученый уже начал рисовать в голове табличку наиболее значительных исторических мероприятий, в которых он мог бы принять участие, как вдруг по пояс провалился в воду. Выругавшись от неожиданности, он дернулся и тут же погрузился уже по грудь. Состояние эйфории, в котором он прибывал только что, моментально исчезло, и ему на смену пришла паника. Игнат

предупреждал его о топи, как он мог быть таким невнимательным? Какой, к чертям, Нострадамус? Сейчас засосет его трясина, и не останется от него ничего, кроме историй о странном и смешном Баламошке, которые будет по вечерам рассказывать мужикам Курьян под медовуху.

Стараясь не делать резких движений, ученый медленно повернулся лицом к тому месту, где была твердая земля, и попытался дотянуться до нее. Наконец, ему удалось ухватиться за траву, спускающуюся к воде, и он начал медленно подтягиваться. Однако давление на растение было слишком сильным, и спасительная соломинка оборвалась. Чувствуя, что медленно, но верно погружается все глубже, Марсель решил, что единственное, что ему оставалось, было попытаться позвать на помощь. Понимая, что вероятность того, что рядом окажется случайный прохожий, была катастрофически мала, он, тем не менее, начал кричать так громко, как только мог. Наконец, окончательно охрипнув, историк закрыл глаза и прислушался. Нет, никого. Проклятье, как обидно-то! Сгинуть вот так, после всего того, что ему пришлось пережить. Чувствуя, как вязкая трясина сковывает его ноги, а вода начинает подбираться к шее, он вдруг почувствовал себя совсем молодым и не готовым умирать. Может быть, позже, но не сейчас! В чем он ошибся? Зря отпустил Мусу и Курьяна? Нет, если бы они остались с ним, то точно погиби бы. Нужно было двигаться дальше в сторону Житомира? Опять нет, там его точно бы сцапали волхвы, в этом можно было даже не сомневаться. Может быть, нужно было с самого начала плюнуть на этого Кирилла и жить себе спокойно? Наверное, так. Но кто мог знать, чем все обернется? Эх, эх…

— Это судьба, — неожиданно раздался голос рядом с ним.

Марсель открыл глаза и увидел, что у самой топи на земле сидит Лада и жует травинку. Не зная, чего ждать от этой встречи, ученый только растерянно моргнул.

— Не переживай, я вытащу тебя, но чуть позже, — девушка ободряюще кивнула ему.

— Условия будешь ставить? — догадался мужчина. — Торговаться?

— Ты слишком плохого мнения обо мне, — усмехнулась жрица. — Нет, дело в другом. Просто сейчас ты, как мне кажется, больше готов слушать, чем во время нашей прошлой встречи. Да и мне как-то спокойнее. Учитель не знает о том, где я и с кем, так что я действую на свой страх и риск.

— Как ты нашла меня?

— Ну, сделать это было не так сложно, как ты думаешь.

— То есть ты все это время знала, где я нахожусь? —

нахмурился Марсель. — Это ты наслала дружинников на Тараса?

— Я здесь не причем, это Владимир сам, — Лада покачала головой. — Я не всегда могу его контролировать, как ты, наверное, уже успел заметить. Впрочем, это не важно. Нет, я не могу тебя чувствовать постоянно, только в определенные моменты. Как сейчас, например. Ты звал на помощь, оказавшись в смертельной опасности. Это сильные эмоции.

— Мне приходилось испытывать их и прежде, — напомнил ей историк. — Например, совсем недавно, когда твой жених решил избавиться от меня.

— Мне жаль, что он так повел себя. Я хотела вмешаться, но учитель сказал мне, что разберется сам.

— То есть ты хочешь сказать, что это он спас меня? — эта новость ошеломила Марселя.

— Да, конечно. Или ты думал, что все произошло само собой? Нет, состоялся совет, на котором было принято решение о том, что ты не должен умирать таким образом.

— А как я должен умереть?

— Как — не знаю. Но не сейчас — это точно. Тебе не место здесь, среди нас — ни живому, ни мертвому. Но ты своеволен, так что предугадать, куда тебя заведет твое собственное упрямство, не под силу ни одному мудрецу. Вот сейчас, например, ты здесь. Доволен?

Девушка говорила уверенно, и Марсель подумал, что, возможно, они мыслят настолько по-разному, что между ними просто не может быть диалога. Зря он пытался объяснить ей свою позицию. Впрочем, может быть, она изначально была ошибочной? Ведь это не Лада сейчас находится по уши в грязи, в конце концов.

— Вытащи меня, — попросил он.

— Потерпи еще немного. Я хочу, чтобы ты выслушал меня и понял, что у меня нет выбора — я должна сделать то, что собираюсь.

— О чем ты?

— Я знаю, что человек не идеален. Волхвы — тоже люди, и они также могут ошибаться. Поэтому я не дам тебе утонуть здесь, хотя это стало бы решением всех наших проблем. Ты угодил сюда не в результате наших действий, а по собственной глупости. Можешь назвать это платой за твою самоуверенность. То есть если бы я не оказалась рядом, ты бы закончил свои дни здесь. Надеюсь, это ты понимаешь?

— Конечно, я же не дурак.

— Вот и хорошо. Представь, что тебя больше нет. Значит, ты в любом случае не смог бы повлиять на тот ход истории, который

тебя не устраивает. Верно?

— Да, — проворчал ученый, которому не понравилось то, какой оборот принимал разговор.

— Выходит, будет честно, если я распоряжусь твоей дальнейшей судьбой так, как посчитаю нужным. Не согласен?

Мужчина ничего не сказал и только исподлобья взглянул на Ладу. Не дождавшись ответа, девушка кивнула и продолжила:

— Будем считать, что это «да». Вот мы и подошли к тому, что я хотела тебе сообщить. Я перемещу тебя в твое время. Это, конечно, будет противоречить приказу моего наставника, но мне кажется, что я имею право принять такое решение самостоятельно. В конце концов, не он услышал тебя, а я. Для тебя ничего не изменится, ты продолжишь ту жизнь, которая у тебя была прежде.

— А если я не хочу той жизни? — тихо спросил Марсель. — Если она мне противна?

— Тогда ты останешься здесь и утонешь. Все просто.

— Мне кажется, ты только что говорила, что не собираешься ставить условий? — напомнил историк.

— Да, а еще я говорила, что человек не идеален, — усмехнулась жрица.

— Понятно.

— Итак, теперь ты слышал все, что хотела тебе сказать. И еще. Можешь не беспокоиться о своих друзьях — я позабочусь о том, чтобы с ними все было в порядке. Они проживут долгую и счастливую жизнь, но без тебя.

Ученому хотелось многое сказать Ладе, но при этом он понимал, что любой его довод не имел для нее никакого веса. Поэтому он лишь вздохнул и закрыл глаза.

— Тогда действуй. Надеюсь, волхв хорошо учил тебя, иначе ты можешь…

Марсель хотел напомнить жрице о том, что он теперь имел отношение к двум реальностям, однако не успел договорить — тяжесть, внезапно навалившаяся на его грудь, заставила ученого скорчиться от боли. В следующий момент он почувствовал, что лежит на ровной твердой поверхности. Вспомнив, где он был перед тем, как совершить скачок во времени, историк медленно открыл глаза, ожидая увидеть над собой потолок продуктового магазина и обеспокоенное лицо продавщицы. Однако картина, представшая перед ним, сильно отличалась от той, что нарисовало его воображение. Помещение, в котором находился ученый, напоминало подвал — во всяком случае, темный низкий потолок и тусклая лампа, болтавшаяся на одном проводе, придавали комнате именно такой вид. Ничего не понимая, он

пошевелил руками и ногами, чтобы убедиться, что ничто не сковывает их движений, и, наконец, медленно сел.

— Очухался, болезный?

Раздавшийся голос заставил его вздрогнуть и оглядеться. Рядом с ним стояла кровать, а за ней — еще одна, и еще. Все помещение было заставлено металлическими койками старого больничного типа, и почти на каждой кто-то лежал. Человек, обратившийся к нему, выглядел совершенно обычно, если не считать бинтов, которыми была обмотана его голова. Это был мужчина. На вид ему можно было дать от двадцати до тридцати. Мелкие черты лица, недельная щетина, довольно неряшливая и бессистемно подобранная одежда, средний, судя по всему, рост. Привыкнув за последнее время сначала оценивать своих собеседников и угрозу, которые они могли представлять, Марсель смерил своего соседа внимательным взглядом, а потом, не отвечая на вопрос, кивнул в сторону комнаты:

— Где это я?

— В больнице, где же еще? — удивился тот. — Ты что, не помнишь ничего?

— А что я должен помнить?

— Меня, кстати, Баженом зовут. Тебя вчера привезли. Врачи сказали, что нашли тебя на дороге — валялся там без сознания, без документов, без разрешения, вообще без ничего. Скажи им спасибо, что не сдали. Шутка сказать: бродить по городу. Наверное, ты чем-то приглянулся Роду, раз он тебя сберег.

— Что за город? — машинально задал вопрос историк, которому все происходящее напоминало кошмарный сон.

— Киев, конечно. Да кто ты такой, брат? Откуда взялся?

— Я бы и сам хотел это знать…

Сказав это, Марсель с трудом поднялся на ноги и, покачнувшись, едва не упал, однако сумел восстановить равновесие и попытался определить, где находится выход. Увидев тяжелую металлическую дверь в другом конце комнаты, он уверенно двинулся в ее сторону.

— Эй, подожди! Ты куда? — заволновался его новый знакомый. — Чего это удумал? Дождись врачей, они что-нибудь с документами для тебя придумают. А так пропадешь ведь, как тебя там… Эх, деревня!

Увидев, что его слова не возымели на пациента никакого эффекта, Бажен торопливо слез с кровати и, припадая на одну ногу, побежал за ним.

— Куда? Стой, дурак!

Наконец, догнав Марселя, мужчина схватил его за рукав и повис на нем всем весом.

— Послушай… Минутку постой на месте, ничего с тобой не сделается, если подождешь немного. Я же вижу, что ты не в себе. Не помнишь ничего, да? Это пройдет. Со мной тоже так было пару раз, когда сивухи перебрал. Хорошо, что рядом добрые люди оказались, вразумили. Вот и я хочу тебе помочь, мне это потом в Нави зачтется.

— В какой Нави? — ученый схватился за голову. — Что это за место? Кто ты? Кто все эти люди?

— Я же говорю: Бажен я, — ласковым голосом тут же отозвался мужчина, стараясь успокоить собеседника. — Ты в больнице, здесь тебя никто не тронет. Все свои.

— Год какой сейчас? — пытаясь взять себя в руки, спросил Марсель.

— Известно, какой. Двадцать четвертый, — Бажен произнес это таким уверенным тоном, что историк на мгновение опешил.

— Какой? — прошептал он, чувствуя, что пространство вокруг него снова поплыло.

— Семь тысяч пятьсот двадцать четвертый от сотворения мира, — эти слова были последними, что Марсель услышал перед тем, как провалиться в темноту.

Сознание возвращалось медленно, однако ученый и не стремился скорее прийти в себя. Балансируя между сном и реальностью, он пытался понять, что произошло. Как ни странно, но именно в этот момент его мозг работал особенно четко. Лада отправила его в будущее, это понятно. Но в какое? Историк помнил о том, что она была всего лишь ученицей и могла не знать того, что успел ему сообщить волхв. Получается, жрица закинула его бренное тело в тот мир, который получился в результате их манипуляций… Плохо, очень плохо. Просто отвратительно.

Открыв глаза, Марсель увидел склонившегося над ним Бажена, который выглядел встревоженным. Заметив, что он пришел в сознание, мужчина вздохнул с облегчением и выпрямился.

— Ты меня напугал!

Бажен еще что-то говорил, но ученый не слушал его. Снова поднявшись на ноги, он вернулся к своей кровати и сел на нее. Прежде чем выходить наружу, ему нужно было понять, чего ожидать от этой версии действительности.

— Наверное, я ударился головой, — Марсель прервал причитания доброжелательного собеседника. — Ничего не помню. Вообще ничего. Что там, за дверями?

— Я так и понял, — сочувствующе покачал головой Бажен. — Бедняга. Но ничего, наши знахари тебя быстро на ноги поставят.

Ты только не нервничай, а там…

— Что за дверью, говорю? — настойчиво повторил ученый. — Почему ты не хотел, чтобы я выходил? О чем предупредить хотел?

— Ну, как же. Нельзя без разрешения по улицам ходить. А у тебя его нет, судя по всему. Может, и было, но сейчас — нету.

— Какое еще разрешение?

— На нахождение среди господ.

— Так, давай обо всем по порядку, — предложил Марсель, которого начинала раздражать недосказанность. — Представь, что я прибыл издалека и вообще не в курсе местных порядков. Что бы ты мне рассказал в таком случае?

— Хм… — Бажен задумался на мгновение. — Мудрено как-то… Хорошо, попробую. Что, совсем ничего не помнишь?

— Совсем.

— Может, так даже лучше, я бы тоже хотел забыть все это, — неожиданно пробормотал мужчина, криво усмехнувшись. — Ладно. Если ты приехал откуда-то, то ты господин, это раз. И тебя никогда бы не привезли сюда — это два. А раз ты все же здесь оказался, то ты из наших, это три.

— Из ваших?

— Из славян. Что тебе рассказать… Все началось давным-давно — так давно, что уже никто и не помнит. Когда-то, говорят, были летописи, но их уже много лет никто не видел. Вероятно, все записи были уничтожены, чтобы никто не докопался до истины. Впрочем, это уже не так важно, все равно мы грамоте не обучены, тем более, старо-русской. Так или иначе, но у нас сегодня такие порядки. Если работаешь на господина, то обязан носить особый знак на одежде. Тогда тебя не тронут. Нет знака или разрешительного документа — могут пристрелить без суда и следствия. Так-то. Если ни на кого не работаешь, но при этом приносишь пользу обществу, то должен быть другой документ. Таких тоже стараются не трогать, хотя иногда всякое случается. Все остальные могут в любой момент попасть под горячую руку полицейскому. Поэтому если ты не имеешь защиты, то должен при виде господина падать ниц и молиться, чтобы тебя пощадили. Вот, наверное, и все правила.

— Чушь какая-то…

Марселю в определенный момент показалось, что он до сих пор бредит. Этого просто не могло быть! Что же вы натворили, товарищи волхвы… Кстати, о птичках. Историк предположил, что, возможно, еще не все потеряно.

— И что, нет никого, кто бы вас защищал? — обратился он к заметно погрустневшему собеседнику.

— Откуда? — отозвался тот с угрюмым видом.

— Ну, не знаю, — ученый развел руками. — Славян ведь много должно быть, неужели среди вас не нашлось никого, кто был бы способен оказать сопротивление?

— Много, скажешь тоже, — Бажен отмахнулся. — Может, пара тысяч во всем Киеве наберется, не больше. В остальных городах и того меньше.

— Как же так? — воскликнул Марсель, но тут же, взяв себя в руки, продолжил расспрос. — Ну, хорошо, я понял. А вера? Веру вы сохранили? Я слышал, как ты упоминал Рода.

— Сохранили. Да что в ней толку, в этой вере-то? Оглядись вокруг, брат.

— А волхвы? Их разве не осталось?

— Кто? — судя по недоумению, отразившемуся на лице Бажена, он не понимал, о ком шла речь.

— Жрецы славянские, — объяснил Марсель. — Неужели нет никого?

— Ах, эти… Нет, никого не осталось. Вспомнил тоже! О них уже несколько веков как не слыхал никто. Истребили всех нелюди.

— Быть такого не может… — ученый старался найти хоть какую-нибудь зацепку, чтобы не сойти с ума от происходящего.

— Живет здесь одна, — вдруг вспомнил мужчина, почесывая лоб. — Люди говорят, что она вроде как местная сумасшедшая, но я слышал, будто и не так это вовсе. Не знаю, честно говоря. Сам я с ней не встречался, но был у меня знакомый, которому она зуб вылечила. Может, и брехня все это. А может, и нет.

— Где живет? — быстро спросил Марсель, ухватившись за эту информацию, как совсем недавно хватался за соломинку.

— На кой она тебе? — удивился Бажен. — Говорю же, не в себе старуха. К томе же ее дом на отшибе самом находится, там, где лес раньше был.

— Пожалуйста, расскажи поподробнее, — взмолился ученый. — Мне очень нужно! Вопрос жизни и смерти.

— Как скажешь, — нехотя согласился мужчина. — Ройалвуд знаешь, где находится?

— Нет.

— Ну, Княжичи…

— Княжичи знаю.

— Я ж говорю: наш человек. Вот там она и живет. Если доберешься туда, то сразу ее дом и увидишь, там больше никого нет поблизости. Только зря я тебе все это рассказываю, все равно без документов ты больше пары сотен метров не пройдешь. Рожа у тебя слишком разбойничья, не прокатит за добропорядочного

гражданина.

Проведя рукой по щеке, Марсель нащупал шрам и задумчиво посмотрел на ряды больничных коек. Мысль, которая пришла ему в голову, в первый момент показалась дерзкой, и он отогнал ее, однако другого выхода у него не было, и ученый, в конце концов, обратился к своему собеседнику:

— Ты здесь всех знаешь?

— Почти. А что?

— Поможешь мне раздобыть нужную бумажку?

— Ты что! — испугался Бажен. — Даже не думай об этом, никто из них не согласится на такое. К тому же что ты сможешь им предложить взамен? Ты не производишь впечатления богача, уж извини.

— Это обманчивое впечатление, — улыбнулся Марсель и достал из потайного кармана златник. Сначала он хотел пожертвовать перстнем, который все еще был на нем, но в последний момент передумал — возможно, этот артефакт еще мог ему пригодиться.

— Чего это? — мужчина взял монету в руки и некоторое время вертел ее, недоверчиво поглядывая на нового знакомого. — Смотри-ка, новенькая совсем, блестит. Настоящая?

— Не просто настоящая, а золотая, — кивнул Марсель.

— Да ну? — Бажен округлил глаза и взвесил кусочек драгоценного металла на ладони. — Батюшки, я уж и не помню, когда настоящее золото держал в руках. Да чего я говорю — вообще такого не было никогда! И что, ты готов расстаться с этой вещицей за бумагу?

— Легко. Только найди мне нужный документ.

— Попробую, — мужчина сунул монету за щеку и огляделся. — Так… Этот не отдаст, у этого нет ничего, этот тоже. Ага!

Сорвавшись с места, словно ныряльщик, который заметил в воде блестящий предмет, Бажен прошмыгнул между кроватями и склонился над одним из пациентов. Спустя несколько мгновений он вернулся и с довольным видом протянул Марселю сложенный вчетверо замусоленный кусочек бумаги.

— Держи. Это, конечно, не почетная грамота, но на время сойдет. К тому же вы примерно одного возраста. Приятно познакомиться, ээ… — мужчина заглянул в документ и улыбнулся. — Приятно познакомиться, Сидор Парамонов.

— А он как же? — рассматривая свой новый паспорт, ученый кивнул в сторону пациента, который продолжал неподвижно лежать на своем месте.

— Ему это уже без надобности, — отмахнулся Бажен. —

Мертвый он, мертвее не бывает.

— Что же он здесь лежит до сих пор? — поразился Марсель.

— Вечером обход будет, его заберут, — ответил мужчина, как ни в чем не бывало. — Просто раньше его бы похоронили как человека, а раз нет документа, свалят в общую кучу и сожгут, вот и вся разница. Но ему-то уже все равно, верно? А тебе бумажка эта может жизнь спасти. Только постарайся не высовываться зря, ты хоть и земледелец по документам, а все же в правах ограничен.

— Что с ним случилось? — историк подошел к покойнику и некоторое время всматривался в изможденное лицо того, чье имя ему теперь предстояло носить.

— Понятия не имею. Скорее всего, оказался не в то время и не в том месте. Такое здесь часто случается. Или просто время пришло. У нас, сам понимаешь, долго не живут.

Марсель больше не хотел оставаться в этом страшном месте и, пожелав Бажену удачи и поблагодарив его, направился к выходу. Перед тем, как открыть дверь, он обернулся и увидел, что мужчина успел вытащить из-за щеки златник и теперь с интересом рассматривал его. Грустно покачав головой, ученый вышел из комнаты и, двигаясь наощупь в темном коридоре, через несколько секунд оказался снаружи.

Находясь в подвале, Марсель успел нарисовать в своем воображении самые жуткие картины постапокалиптической действительности, и, наверное, поэтому то, что он увидел, поразило его до глубины души. Киев представлял собой чудесное место с ровными чистыми улочками и зелеными клумбами, засаженными цветами. Никогда родной город не выглядел таким приветливым и опрятным. Щурясь от непривычно яркого освещения, ученый почувствовал, как по его щекам катятся слезы. Красота, представшая перед ним, так сильно контрастировала с вонючим подвалом, из которого он только что выбрался, что историк не смог сдержать эмоций. Марсель не знал, как долго он простоял так, пытаясь свыкнуться с реальностью — возможно, несколько минут. Из ступора его вывел резкий оклик:

— Ты! Дерьмо собачье! Что забыл здесь?

Моментально очнувшись, ученый увидел перед собой рослого детину в униформе, который с брезгливым видом рассматривал его, держа руку на расстегнутой кобуре и словно раздумывая о том, вынимать ли из нее оружие или нет. Покорно склонив голову, Марсель вытащил из кармана документ и, не поднимая глаз, протянул его полицейскому. Тот, поморщившись, принял его двумя пальцами и некоторое время разглядывал. Наконец, пробормотав какое-то ругательство, он бросил бумагу на асфальт

под ноги историку и спросил:

— Здесь написано, что ты возделываешь землю в районе Гнатовки. Какого черта в городе забыл?

— В Роялбук иду, — стараясь говорить почтительным тоном, ответил Марсель. — Там перегною много, хочу накопать.

— А домой как повезешь?

— На себе понесу.

— Тьфу, идиот, — усмехнулся полицейский. — Иди за своим перегноем уже! И чтобы я тебя здесь больше не видел. Ступай!

Подобрав документ, Марсель несколько раз почтительно поклонился и, глядя себя под ноги, побежал прочь. Несмотря на то, что город был ему совершенно не знаком, историку показалось, что он понял, где находится. Если все так, как он думал, то, двигаясь на восток, он вскоре должен был оказаться на берегу Днепра. Стараясь держаться переулков, ученый то и дело нырял в тень, когда видел перед собой прохожих. Пару раз он встречал людей, которые так же, как он, передвигались на полусогнутых ногах и с опаской озирались по сторонам.

— Боже мой, когда же это закончится? — в отчаянии пробормотал он, в очередной раз падая ниц перед какой-то парочкой праздно шатающихся. — Это кошмар какой-то…

Наконец, увидев перед собой берег полноводной реки, он радостно вскрикнул и поспешил к посту. Несмотря на то, что он производил прекрасное впечатление и был украшен изящными вазонами с цветами, историк постарался поскорее пройти по нему. Ему не терпелось покинуть Киев, чтобы, оказавшись в сельской местности, наконец, почувствовать себя человеком. К несчастью, ему удалось сделать это только спустя пару часов, когда позади остались нарядные коттеджи и дачные поселки, огороженные высокими заборами от таких, как он. Оказавшись вдали от цивилизации, историк без сил упал прямо на пыльную дорогу, которая сменила безупречный асфальт, и некоторое время лежал так, пытаясь справиться с охватившей его паникой. Слушая Бажена, он и представить себе не мог, что все настолько плохо. Конечно, мужчина предупреждал его, но одно дело — слышать что-то, и совсем другое — видеть собственными глазами.

Наконец, отдышавшись, Марсель поднялся на ноги и огляделся. Историк помнил эти места. Еще будучи студентом, он часто приезжал сюда с однокурсниками, чтобы отдохнуть на свежем воздухе вдали от городской суеты. Теперь все изменилось. Нет, хуже не стало, но все выглядело совершенно иначе. Новые хозяева сделали так, что природа теперь, хоть и доставляла эстетическое наслаждение, не располагала к веселому времяпровождению. В какой-то момент ученому даже показалось,

что он находится в каком-то парке культуры и отдыха — рядом не хватало разве что табличек, запрещающих ходить по газону. Прикинув в уме, сколько ему еще идти, он двинулся вперед, не зная, куда направляется и зачем. Одинокая женщина, живущая вдали от всех, могла быть кем угодно — и единственной уцелевшей жрицей, и обычной сумасшедшей.

— Даже если она окажется волхвом, что ты ей скажешь? — спросил у себя Марсель. — Здрасти, я тот самый человек, который много веков назад выдавал себя за Кирилла, посланника греческой православной церкви. Помните меня? Нет, чушь, чушь…

Разговаривая с самим собой, историк не боялся, что его кто-то услышит — вокруг не было ни души, так что можно было ни от кого не скрываться. Шагая по дороге, он рассуждал вслух обо всем, что видел. Наверное, если бы тот полицейский услышал сейчас его речи, то без раздумий бы воспользовался своим табельным оружием. Впрочем, Марсель уже и сам не был уверен в том, что хочет жить в этом мире. Увиденное произвело на него настолько тягостное впечатление, что он всерьез задумывался о том, чтобы покончить с собой, если встреча с женщиной закончится ничем.

— Спокойно, Баламошка, держи себя в руках.

Остановившись, историк на несколько секунд закрыл глаза, чтобы привести в порядок мысли и чувства. Он никогда не задумывался о том, чтобы убить себя, и теперь испугался той легкости, с которой едва не пересек невидимую границу между жизнью и смертью. Это место странным образом воздействовало на него, лишая силы воли.

— Не дождетесь, — проворчал он и, сжав губы, быстрым шагом направился к Княжичам.

Он несколько раз бывал в этих местах и теперь пытался отыскать хоть что-то знакомое, однако по мере приближения был вынужден признать, что эти Княжичи не имели ничего общего с теми, которые он помнил. Дойдя до того места, где должен был находиться Спасо-Преображенский монастырь, историк некоторое время грустно смотрел на аккуратные кустарники, которые, несмотря на отдаление от города, все же были подстрижены. Наконец, он заставил себя продолжить путь и спустя несколько минут заметил небольшой овраг, у входа в который из земли торчала кривая палка, сильно диссонирующая с ухоженным пейзажем. Подойдя ближе, он увидел перед собой старую хижину с покосившимися от времени стенами и прохудившейся крышей. Создавалось впечатление, что здесь уже давно никто не живет. Стараясь ступать как можно тише, ученый приблизился к крыльцу

и, помявшись несколько секунд, шагнул на ступеньку. В то же мгновение раздался громкий щелчок, и Марсель почувствовал, как что-то схватило его за ногу и с силой рвануло вверх. Болтаясь вниз головой, он отчаянно пытался освободиться, однако у него ничего не получалось — веревка, которая обвилась вокруг его щиколотки, была затянута на хитрый узел, с каким ему прежде не приходилось сталкиваться. В конечном итоге, историк понял, что без ножа здесь не обойтись, и, расслабившись, завертел головой, пытаясь найти что-нибудь подходящее.

— Кто там?

Услышав старческий дребезжащий голос, Марсель замер, пытаясь определить, откуда он исходил.

— Кто, говорю? Убью!

Ученый, подняв голову, насколько позволяло его положение, наконец, сумел рассмотреть старуху, которая, подслеповато щурясь и опираясь на посох, направлялась к нему. Несмотря на то, что она не производила впечатления кровожадной людоедки, Марсель все же постарался не упускать ее из виду.

— Я пришел с миром, — произнес он самым дружелюбным тоном, на какой только был способен. — Оружия нет, грабить вас не собираюсь.

— Грабить? — старуха захихикала. — Меня?! Да ты, милок, шутник, как я погляжу. Постой-ка…

Женщина вдруг остановилась, а потом с неожиданной скоростью кинулась к историку и, наклонившись, дрожащими руками прикоснулась к деревянной фигурке медведя, которая свалилась с его шеи и теперь болталась на шнурке.

— Ты же… Ты?!

— Простите, — пробормотал Марсель. — Мне кажется, вы меня с кем-то путаете. Я вообще здесь случайно оказался.

— Я понимаю, ты не узнаешь меня, — старуха грустно хмыкнула. — Я Лада. Добро пожаловать. И прости меня, пожалуйста.

Пока ученый пытался прийти в себя от такого заявления, женщина отодвинула одну из досок на стене и потянула за спрятанный там рычаг — в тот же момент Марсель шлепнулся на крыльцо, которое заскрипело под его тяжестью. Потирая ушибленную спину, он медленно поднялся, недоверчиво глядя на старуху. Определенное портретное сходство между ней и Ладой, конечно, было, однако историку было сложно поверить в то, что это была она.

— Шутите? — наконец, спросил он, стараясь держаться от сумасшедшей на расстоянии.

— Какие уж тут шутки, — вздохнула та. — Хотя я понимаю,

что тебе сложно в это поверить. Хочешь, перескажу наш последний разговор слово в слово? Там, возле болота…

— Нет, это кошмар какой-то, — Марсель помотал головой, стараясь прогнать наваждение. — Ты давно должна была умереть!

— Как видишь, я еще жива, — Лада усмехнулась, продемонстрировав полное отсутствие зубов, и, спохватившись, стыдливо поджала губы. — У меня осталось одно незаконченное дело. И я намерена довести его до конца. Только после этого Род позволит мне покинуть этот мир.

Понимая, о чем идет речь, ученый молчал, угрюмо разглядывая дряхлое существо, стоящее перед ним. Он слишком многое хотел сказать ей, но сомневался, что слова, которые вертелись у него на языке, имели смысл в данной ситуации. Судя по всему, Лада уже получила свое, и теперь сожалела о том, что сделала. Вспомнив ее молодой и полной жизни, Марсель сочувствующе покачал головой.

— А что же твой учитель? Почему он допустил все это? — он обвел руками вокруг себя.

— Он старался исправить свою ошибку. Все мы старались. Но ничего не вышло, как видишь. Жрецы погибли один за другим. Императоры византийские оказались гораздо опаснее, чем мы предполагали. Они отравили Владимира и обвинили во всем волхвов. На нас стали охотиться, как на диких зверей… Те, кто уцелел в этой бойне, умерли от старости. Я осталась одна.

— И как тебе удалось прожить столько?

— Перед смертью учитель передал мне сосуд жизни, в котором хранятся души наших предков — они поддерживали меня все это время как могли.

— Допустим, — Марсель решительно тряхнул головой, давая понять своей собеседнице, что его мало интересуют тонкости волхвования. — Так зачем ты ждала меня? Разве еще что-то можно изменить?

— Всегда можно что-то изменить, — кивнула Лада. — Вопрос в том, удастся и тебе сделать это в одиночку.

— Почему в одиночку? — не понял ученый.

— Ты вернешься в то время, из которого я отправила тебя сюда, и постараешься исправить все, что мы натворили. Однако никто из наших, и я в том числе, не станет тебе помогать. Не смотри на меня такими глазами — ты же умный, должен и сам все понимать. Я не буду ничего знать об этом нашем разговоре и, конечно, не поверю ни единому твоему слову, если ты постараешься объяснить мне что-либо. Так что даже не пытайся. Просто действуй.

— Легко сказать, — пробормотал Марсель. — То есть ты

хочешь, чтобы я согнул в бараний рог на только Владимира, который меня, мягко говоря, недолюбливает, но и всю вашу компанию магов и колдунов? Ты не забыла о том, что твой наставник может в любой момент забросить меня обратно? Или, того хуже, вообще шею мне свернуть. Нет, спасибо, я лучше в сторонке постою.

— И оставишь все, как есть?

— Легко. Это не моя реальность, а твоя. В моей все в порядке, как и должно быть, просто без меня. Расхлебывайте сами ту кашу, которую заварили.

Марсель не гордился своим поведением, однако он привык трезво оценивать собственные возможности, а в данном случае у него не было никаких шансов на успех. Но у Лады, похоже, было свое мнение на этот счет. Вытащив дрожащими руками из складок одежды холщовый мешочек, она протянула его собеседнику:

— Возьми.

— Что это? — Марсель попятился.

— Не бойся. Это сила. Моя, моего учителя и многих наших. Носи мешочек на груди, и никто из нас не сможет справиться с тобой.

— Я же сказал, что не хочу принимать во всем этом участия, — ответил историк, но мешочек все же взял.

— У тебя нет выбора, — отозвалась Лада.

Подняв глаза, Марсель хотел возразить, что это не так, но так и остался стоять с открытым ртом: фигура старухи таяла на глазах. Ее плоть ссыхалась, словно что-то высасывало из нее остатки жизни. Спустя несколько мгновений подул слабый ветерок, и все, что от нее осталось, рассыпалось в пыль. С ужасом глядя на пустую одежду, лежащую перед ним, ученый почувствовал уже привычную тяжесть в груди и успел с ненавистью взглянуть на мешочек, который все еще сжимал в руке.

— О, боже, опять… — простонал он, оглядываясь.

Он снова находился по грудь в болотной жиже, а перед ним сидела Лада, молодая и уверенная в себе.

— Не переживай, я вытащу тебя, но чуть позже, — девушка ободряюще кивнула ему.

— Ну, что ж, посмотрим, — устало усмехнулся мужчина.

Он помнил то чувство бессилия, которое испытывал во время недавнего разговора со жрицей, и теперь удивился новым ощущениям — болотная жижа словно обрела плотность, во всяком случае, он мог опираться на нее, как если бы стоял на твердой лестнице, ведущей наверх. Легко выбравшись из

трясины, он отряхнулся и взглянул на обалдевшую от такого поворота девушку. Та, вскочив на ноги, с ужасом смотрела на него и, судя по всему, не знала, что делать.

— Отличная штука, — пробормотал Марсель, надевая мешочек на шею. — А теперь… Поговорим?

Часть третья

1

Ведагор никогда не был ребенком. Во всяком случае, волхв не помнил себя маленьким. Ему было предначертано судьбой посвятить свою жизнь тайным знаниям, которые были недоступны большей части человечества, и он никогда не сомневался в своем предназначении. Первое воспоминание, которое он хранил в своем сердце, касалось его появления на свет — земля, ставшая ему матерью, укутала его своим теплом, даровала невероятную силу и веру в истинность выбранного пути. Вокруг него возникали и исчезали города, рождались и умирали правители, при этом некоторые из них оставляли заметный след в истории — Ведагор наблюдал за происходящим издалека, при необходимости вмешиваясь в жизнь простых людей, подталкивая их в правильном, с его точки зрения, направлении. И до недавнего времени все шло, как нужно, пока не появился этот Марсель, будь он неладен.

Конечно, мудрый волхв понимал, что рано или поздно должен был совершить ошибку — непогрешимым мог считаться только Род, куда уж ему до таких высот! Но ему и в голову не приходило, что небольшой просчет может настолько выбить его из привычной колеи. Податливое пространство, с которым он привык обращаться как с древесной смолой, вдруг показало ему свое истинное лицо, словно напоминая о том, что и у него тоже есть душа. Марсель оказался не таким слабым, как он считал вначале. И, похоже, своеволие ученого было заразным — его влияние распространялось, как чума, на все, что Ведагор искренне считал своим, и ничьим больше. Прежде послушная во всем Лада вдруг начала проявлять непривычное свободомыслие, чем неприятно удивила своего учителя. Это можно было бы списать на ее взросление — он ведь заранее знал, что это должно было когда-нибудь произойти, и даже был готов к этому. Но девушка, хоть и не говорила этого вслух, теперь подвергала каждое его слово сомнению. Он чувствовал изменения, происходящие в ученице, однако ничего не мог с этим поделать. Решив, что время расставит все по своим местам, он допустил очередную ошибку и обнаружил ее, только когда уже поздно было что-то менять.

Сидя в подземной части капищу, волхв, как обычно, предавался медитации, когда вдруг почувствовал, что природа недовольна им. Это было настолько новое для него ощущение, что он не сразу понял, что происходит. Удивленно открыв глаза, оно огляделся и обратился к пространству:

— В чем дело, матушка? Чем я прогневил тебя?

Ответа не последовало, и Ведагор, прождав некоторое время, медленно поднялся. В какой-то момент ему показалось, что он почувствовал, как воздух вокруг него заколебался, но это было мимолетное ощущение, и уже спустя какую-то долю секунды все закончилось. Однако он привык доверять своему мозгу, и теперь пребывал в состоянии изумления. Мать земля почему-то не желала помогать ему, и это было странно, потому что раньше она всегда отвечала на его вопросы. Подумав, что, возможно, она, таким образом, пытается что-то сказать ему, волхв понимающе кивнул и попытался проанализировать изменения, произошедшие в пространстве. Сложность заключалась в том, что колебания больше не повторялись, и он мог только догадываться о том, что могло их вызвать. К счастью, вариантов было не так много: все последние события в его жизни так или иначе были связаны с Ладой и Марселем. Владимир, хоть и был важной исторической фигурой, все же оставался пешкой в игре, которая велась за его спиной. Все остальное мало интересовало жреца, как не волновали проблемы Византийской империи, из-за которых она могла сгинуть раньше времени, или, тем более, судьба чернокожего спутника Кирилла, нашедшего свое счастье на бескрайних полях Руси. Ведагор знал о том, что историк беспокоился по поводу своего помощника, однако он и предположить не мог, насколько жалкими казались старцу все их людские страхи и тревоги. Нет, волхв ни разу даже не задумывался о физическом устранении мавра. Зачем? Пусть живет.

Но что, все-таки, это было? Ведагор поморщился, как от зубной боли — он редко сомневался в себе и поэтому чувствовал странную легкость в животе. Мудрец уже свыкся с мыслью о том, что Марсель, этот заигравшийся баламошка, больше не представляет для него никакой опасности, и теперь вдруг подумал, что поторопился с выводами. Возможно, стоило проследить за ним? Кто знает, что может прийти на ум неудавшемуся церковнику?

Закрыв глаза, волхв погрузился в информационный поток, пропуская его через себя, но уже спустя несколько секунд с удивлением обнаружил, что не может уловить мыслей своего подопечного. Более того, и Лада оказалась для него невидимой. Это никак не укладывалось в привычную картину действительности, и Ведагор впервые за всю свою жизнь почувствовал настоящее беспокойство, которые с каждым мгновением все усиливалось. С Марселем могло произойти все, что угодно, в конце концов, он сам выбрал свой путь, отказавшись

возвращаться домой. Старец намеренно отключился от него, уважая право мужчины идти своей собственной дорогой, и сейчас тот мог быть где угодно, в том числе и в желудке у медведя. Но Лада! Они были связаны невидимой нитью, и требовалось что-то более существенное, чем смерть, чтобы разорвать ее. Это могло означать только то, что в игру вступила новая, неведомая ему сила. Возможно, православный эгрегор решил поддержать начинание своих ревнителей? Конечно, ничего хорошего в этом не было, но волхву было прекрасно известно о том, что влияние христианских святынь на его родной земле было минимальным, так что с ними пока можно было даже не считаться. К тому же у него появилось странное ощущение, будто он столкнулся с чем-то хорошо знакомым, и это на какое-то время сбило старца с толку. Неужели кто-то из своих решился пойти против? Нет, если бы среди волхвов возник раскол, он бы первым узнал об этом.

Запутавшись в собственных рассуждениях, Ведагор еще раз попытался обратиться за помощью к матери, но она осталась глуха к его мольбам, и тогда он решил самостоятельно отправиться на поиски ученицы. Однако сколько он ни старался, ему так и не удалось напасть на ее след. Покопавшись в мыслях киевских стражников, он не нашел в них ничего интересного, но как только обратился к Владимиру, недовольно нахмурился. Князь после того, как отдал приказ о казни оскорбившего его лже-Кирилла, не встречался с возлюбленной, и старец ощутил волну беспокойства, исходившего от него. Что ж, вздохнул волхв, придется действовать по старинке и разматывать клубок событий постепенно, рассматривая все события в отдельности. Мысленно перемещаясь в пространстве, он видел каждый шаг, который совершил Марсель после их последней встречи. Вот он замазывает шрам, затем выходит из леса и, периодически оглядываясь, шагает по дороге. Повозка, разговор — все это не представляло никакого интереса, и Ведагор нетерпеливо отправился дальше. Топь… Волхв словно со всего бегу налетел на прозрачную стену. Не понимая, что происходит, он попытался миновать неожиданную преграду, но у него ничего не вышло. Привыкший путешествовать беспрепятственно старец был настолько потрясен, что на мгновение потерял контроль над собой и принялся барабанить по внезапно появившемуся препятствию кулаками. Наконец, убедившись в том, что это совершенно бесполезно, он отступил и постарался взять себя в руки.

— Это испытание, — пробормотал Ведагор, возводя глаза к небесам. — Ты проверяешь меня, верно?

Не дождавшись ответа, волхв опустился на сочную траву и

погрузился в размышления. Топь, привлекшая его внимание, все еще находилась в пределах видимости, однако добраться до нее не было никакой возможности. Подобрав с земли небольшой камень, старец бросил его и с удовлетворением заметил, что тот беспрепятственно миновал заветную границу и с веселым бульканьем упал в мутную воду. Подобное могло свидетельствовать лишь о том, что в этом месте не было ничего особенного — все дело было в самом Ведагоре. Кто-то или что-то упорно не желало подпускать его ближе. Возможно, Марсель нашел свою смерть здесь… Но откуда такая мощная защита? Нет, этот вариант никуда не годится. Значит, Лада? Тоже вряд ли — девушка с детства находилась под его влиянием, и он бы сразу понял, если бы с ней что-то случилось.

Исключая наименее вероятные причины происходящего, волхв постепенно приводил свои мысли в порядок, пока, наконец, не пришел к единственно возможному, по его мнению, выводу: все-таки защиту выставила сама Лада, правда, он пока не мог представить себе причины, которые заставили бы ее действовать таким образом. Не любовь — это точно, решил Ведагор. Князь не был в курсе происходящего, иначе он бы сразу обнаружил это. Возможно, кто-то настроил ее против учителя? Марсель? И опять в памяти волхва всплыл образ историка, который оказался не так прост, как ему хотелось бы. Неужели он совершил ошибку, оставив Баламошку в живых? Но если бы он запятнал свои руки кровью невинного, то это навсегда лишило бы его покоя, отвратило бы от него и остальных членов Совета, и саму Ладу. Он не мог себе этого позволить. Эх, если бы он увидел в ученом хоть намек на червоточину, все было бы намного проще.

— Но разве ты не привык мыслить иными категориями, друг мой? — обратился к себе старец, с сомнением покачав головой, словно, на самом деле, беседовал с кем-то. — Кто сказал тебе, что Марсель так уж невинен? Переносчик чумы также не имеет дурных намерений, однако если его вовремя не остановить, он может стать причиной гибели целых народов. Так не является ли твое нежелание пролить зараженную кровь проявлением слабости? Не из-за этого ли сердится на тебя земля?

В то время, когда старец разговаривал сам с собой, Лада находилась всего в нескольких метрах от него. Она, как и ее учитель минутой ранее, также пыталась пробиться к нему. И у нее, как и следовало ожидать, ничего не получилось. Докричавшись до хрипоты, она повернулась к Марселю, который с любопытством наблюдал за происходящим, сидя на пне неподалеку, и накинулась на него с обвинениями:

— Да знаешь ли ты, жалкий червяк, кто перед тобой?! Это

величайший из людей, его мудрость не знает границ! Как тебе не стыдно потешаться над ним?

— И в мыслях такого не было, — пожал плечами историк, который, действительно, был удивлен не меньше девушки. — Это не я, можешь мне верить.

— Ты хочешь сказать, что сама природа на твоей стороне? — смерив собеседника презрительным взглядом, процедила сквозь зубы Лада. — Не смеши меня! Ты чужак, тебе не место среди нас. И я с удовольствием закину тебя туда, откуда ты уже никогда не сможешь выбраться.

— Ты уже, — мужчина поморщился, почувствовав, как по его спине побежала струйка холодной воды. — Нет, так не пойдет. Ты прости меня, но я больше не могу сидеть в мокрой одежде.

Поднявшись, Марсель стащил с себя рубаху и старательно выжал ее. Разглядывая худощавого ученого, Лада мысленно сравнила его с прекрасно сложенным Владимиром и усмехнулась, но тут же отогнала от себя недостойные мысли и спросила:

— Что ты хотел этим сказать?

— Чем — этим?

— Что я уже.

— Это сложно объяснить, — пробормотал мужчина, снова надевая рубаху. — Я даже не уверен, что мне стоит говорить с тобой об этом.

— Если ты сейчас пытаешься заинтересовать меня пустой болтовней, то не на ту напал, — заявила жрица, посчитав, что собеседник старается таким незамысловатым способом сбить ее с толку.

Марсель ответил не сразу. Задумчиво поглядывая то на девушку, то на ее учителя, который все еще бормотал что-то, отчего сильно смахивал на безумца, историк представлял, какими будут последствия, если он прямо сейчас просто поднимется и уйдет, ничего и никому не объясняя. Ведь та Лада, которая недавно на его глазах обратилась в прах, была уверена, что ее более молодой и горячий аналог ни за что на свете не станет помогать ему. Так, может быть, и силы на нее тратить не стоит? С другой стороны, спешить ему было некуда, тем более что он и сам до конца не разобрался в том, что произошло. Поэтому, помолчав несколько секунд, он кивнул в сторону Ведагора:

— Я знаю, что твой учитель мог раз десять с легкостью свернуть мне шею — или дать другим сделать это.

— Он и сейчас может это сделать, — убежденно заявила Лада.

— Да, вот только он меня не видит.

— Это всего лишь вопрос времени. Как только он поймет, что

за магию ты используешь, тебе останется только молиться своему богу.

— Я атеист, — устало вздохнул ученый. — Точнее, раньше был. Ну, а сейчас — и сам не знаю. Но я не о том хотел поговорить. Ты ведь веришь в то, что человек способен перемещаться во времени?

— Человек — нет.

— Фу ты… Ну, да, вы ведь выше нас, обычных смертных. Но что ты ответишь, если я скажу, что только что вернулся из того светлого будущего, которое вы для всех нас готовите? Там все плохо. Очень плохо. И вас там тоже нет.

— Отвечу, что ты лжешь, — спокойно отозвалась Лада.

— И я бы даже с радостью с тобой согласился, — грустно произнес Марсель. — Как же я устал от вас… Есть такое выражение: ад полон добрыми намерениями и желаниями — оно полностью соответствует тому, что вы сейчас делаете.

— Твой ад — не мой.

— Возможно. Но я говорю правду. Ты успела забросить меня в будущее, однако я, как видишь, вернулся. И твоя ухмылка не изменит того, что было.

Жрица, которая на самом деле с сомнением скривилась, поджала губы и нахмурилась: было похоже на то, что мужчина говорил искренне. Но она привыкла контролировать пространство и время и поэтому не была готова поверить в то, что столкнулась с чем-то неподвластным ни ей самой, ни Ведагору, которого она считала сверхчеловеком. Заметив борьбу, которая происходила внутри девушки, Марсель вдруг смягчился — ему стало жаль ее: возможно, ей сейчас было даже тяжелее, чем ему. Поэтому историк заговорил более теплым тоном, стараясь, чтобы его голос звучал как можно более дружелюбно:

— Я не призываю тебя поверить во все, что сейчас скажу тебе. Прошу лишь об одном: постарайся услышать меня. Больше мне ничего не нужно. И тогда, может быть, у нас будет шанс понять друг друга.

С удовлетворением увидев, что жрица кивнула и присела перед ним на траву, Марсель рассказал ей о последних событиях, свидетелем которых ему пришлось стать, стараясь не пропустить ни одной детали. Когда он закончил, Лада уже не выглядела столь уверенной в своей безусловной правоте, и он, чтобы подкрепить свои слова, достал из-за пазухи мешочек, который ему передала старуха:

— Вот, здесь, по твои же словам, находятся души ваших предков. Не знаю, что это все значит — по мне, так это какой-то дурно пахнущий порошок. Но я мало сведущ в ваших таинствах и

не стану делать вид, будто разбираюсь в них. Так или иначе, но эта штука помогла мне выбраться из топи. И она же, если я все правильно понял, соорудила эту защиту, сквозь которую, как ни старался, так и не смог пробиться твой учитель.

Заметив, как загорелись глаза девушки при виде мешочка, ученый без колебаний протянул ей его:

— Возьми. Думаю, ты лучше меня знаешь, что с этим делать.

Сначала у него и в мыслях не было отдавать артефакт, наделявший его суперсилой, но, подумав хорошенько, он понял, что даже обладание магическим атрибутом мало чем могло помочь ему, если он решит действовать в одиночку. Однако жрица не сразу приняла мешочек — с подозрением посмотрев на собеседника, она напомнила:

— Разве не ты только что рассказывал, будто я говорила, что не поверю тебе? Зачем тогда отдаешь мне это? Не понимаю.

— Ну, во-первых, ты уже ошибалась однажды и могла ошибиться снова. Я считаю, что каждому нужно давать еще один шанс. Во-вторых, я верю в твою искренность. Даже если ты где-то свернула не туда, то сделала это из добрых побуждений. И, наконец, в-третьих — я понятия не имею, что делать со всей этой силой.

— То есть тебе нужны сторонники?

— Вот именно.

Удовлетворившись таким ответом, Лада поднялась и протянула руку к мешочку, однако уже в следующий момент резко отдернула ее и закричала от боли.

— Что это?!

— О чем ты? — Марсель с недоумением посмотрел на жрицу, на глазах которой выступили слезы. — Что случилось?

— Жжет! — девушка некоторое время размахивала рукой в воздухе, а когда это не помогло, бросилась к топи, из которой несколькими минутами ранее выбрался ученый, и сунула в нее покалеченную конечность. — Ты специально это сделал?

— Я вообще не понимаю, о чем ты говоришь, — извиняющимся тоном отозвался историк. — Может быть, у тебя аллергия? Или…

— Нет у меня никакой аллергии, — сердитым тоном ответила Лада, тут же вспомнив ряды со всевозможными лекарствами, от которых ломились аптечные полки в Киеве из далекого будущего. — Уф… Кажется, проходит. Не бери в голову. Я, кажется, знаю, что произошло. Это заклятие — так, во всяком случае, его называют люди. Учитель показывал мне, как сделать так, чтобы никто, кроме хозяина, не мог прикоснуться к предмету. Эффект как раз получается таким. Что ж, считай, что

тебе удалось привлечь мое внимание — похоже, ты говоришь правду. К сожалению.

— Значит, ты мне веришь? — обрадовался Марсель.

— В то, что ты, возможно, встречался со мной в будущем — да. Но все остальное ты мог и выдумать, чтобы помешать нас совершить задуманное.

— Ну, вот, опять двадцать пять! — в сердцах воскликнул ученый, хлопнув себя по лбу ладонью. — Зачем мне это?

— Откуда мне знать? — упрямо возразила Лада. — Хотя бы для того чтобы помешать нам.

Марсель уже хотел пуститься в спор, но передумал. Вся эта беседа не имела никакого смысла, если одна из сторон не была готова воспринимать правду или хотела видеть только ту ее часть, которая была ей выгодна. Нужно было нечто большее, чтобы убедить Ладу. Вспомнив о своем разговоре с ее дряхлой версией, историк задумался: может быть, стоило на время отпустить ситуацию в свободное плавание и предоставить девушке возможность самой убедиться во всем, а когда Владимир все же будет отравлен, предложить свою помощь? Эта мысль показалась ему имеющей смысл. Ведь если у него не получается переубедить упрямую жрицу, чем дольше он будет стараться сделать это, тем сильнее она будет сопротивляться.

— Ты права, — заявил он, поднимаясь. — Я не буду больше настаивать.

— Как это? — Лада, почувствовав подвох, но, не понимая, в чем он заключается, поднялась было на ноги, но тут же, охнув, снова склонилась над прохладной водой.

— С этой штукой, — Марсель кивнул на мешочек с магическим порошком, — я теперь вроде как один из вас. Так что, думаю, тебе не составит большого труда отыскать меня при необходимости. Или, возможно, я сам почувствую тебя — мне пока не удалось разобраться в том, как это работает.

— Ты уходишь? — удивилась девушка. — А как же все то, что ты только что говорил мне?

— В некоторых делах главное — это умение ждать, — глубокомысленно заметил мужчина. — Вот я и подожду, пока ты сама не обратишься ко мне за помощью. И когда это произойдет, можешь не извиняться. Главное — не упрямься и не дотяни до того момента, когда ничего уже нельзя будет изменить.

С этими словами Марсель развернулся и, несмотря на гневные оклики жрицы, пошел своей дорогой. Близость артефакта, несмотря на полное непонимание принципов его действия, наполняло его уверенностью в собственных силах. В какой-то момент он усомнился в его могуществе и оглянулся,

опасаясь, что как только он отойдет на значительное расстояние, защитное поле исчезнет — и ему придется отбиваться одновременно и от Лады, и от ее учителя. Но он зря волновался: девушка стояла всего в паре метров от старца и, судя по всему, пыталась докричаться до него, однако тот не слышал ее.

— Удачи вам, ребятки, — с улыбкой пробормотал историк и пошел своей дорогой.

Чем дальше он отходил от волхвов, тем разумнее ему казалось принятое решение. Допустим, рассуждал ученый про себя, прежний мир, к которому он привык, потерян для него навсегда. Что с того? Если принять на веру вариативность времени, то он, по сути, никому не навредит, если решит создать свою собственную версию будущего. Историк слабо разбирался в научном подходе к исследованию времени как непрерывной величины, и это в какой-то мере помогло ему отбросить всякие сомнения, которые сбили бы с толку любого человека с математическим складом ума. Проще говоря, он махнул рукой и решил оставить все, как есть.

— В конце концов, живем один раз, — подытожил он собственные рассуждения, но тут же понял, как глупо прозвучало это выражение в создавшейся ситуации, и рассмеялся.

Марсель чувствовал себя великолепно, словно и не было того кошмара, через который ему пришлось пройти. Несмотря на то, что он не планировал возвращаться в Триполье, чтобы не подвергать опасности своих друзей, ученый верил в то, что наступит тот день, когда Баламошка снова увидится с Курьяном, Михайло и Марусей. Кто знает — может быть, и с Мусой удастся пересечься где-нибудь. Опасности со стороны старого волхва и его резвой ученицы он больше не ощущал — единственное, что его теперь беспокоило, так это то, где он будет жить. Идти в людные города не хотелось, да и удаляться на достаточно большое расстояние тоже было нежелательно — ведь его помощь могла понадобиться в любой момент. Подумав о князе, Марсель сначала почувствовал к нему жалость, но тут же, вспомнив, с какой легкостью тот обрек его на смерть, махнул рукой: с его стороны было бы слишком самонадеянно пытаться спасти всех, особенно против их воли.

Обострившиеся чувства, которыми его наделила старая жрица, подсказали ему, что дальше идти не следует. Остановившись, Марсель настороженно огляделся по сторонам и прислушался. Сначала ему показалось, что все дело было в его разыгравшемся воображении, но уже в следующий момент он почти физически ощутил, как ослабевает натянутая тетива — и стрела рассекает воздух. Машинально пригнувшись, Марсель

почувствовал, как что-то прошло сквозь его рубаху, лишь слегка оцарапав спину. Если бы он замешкался на долю секунды, то его путешествие закончилось бы, едва успев начаться. Отпрыгнув в сторону, он спрятался за дерево, удачно оказавшееся рядом, и попытался восстановить дыхание и унять бешено колотящееся сердце. Слишком рано он уверился в собственной неуязвимости, и теперь горько сожалел о том, что не расспросил старуху более подробно о том, в чем, собственно, заключалась пакетированная сила ее предков. Если все, на что они были способны, относилось исключительно к волхвам, то грош им цена — помимо жрецов, существовали еще грабители с большой дороги, с которыми ему уже приходилось сталкиваться, да и княжеские дружинники многое бы отдали за возможность свернуть ему шею в отместку за смерть товарищей. Разом растеряв всю свои самоуверенность, историк замер на месте, стараясь не высовываться из своего укрытия, и удивился, когда услышал голоса, которые, судя по высокому тембру, принадлежали совсем молодым людям, почти детям:

— Ха! А говорил, что без промаха бьешь! Брехун!

— Шибко юркий попался, гад…

Не веря собственным ушам, Марсель попытался выглянуть из-за дерева, но тут же едва не схлопотал стрелу между глаз и только в последний момент успел спрятаться.

— Опять мимо! Мишка мазила!

Первый голос сорвался на восхищенный визг, и историк решил, что настала пора вмешаться в происходящее и хотя бы попытаться выяснить, чем он так заслужил подобное внимание со стороны неизвестных шутников.

— Кто это у нас тут балует?! — грозно прокричал он. — Сейчас выйду, уши всем оборву!

— Ты смотри, какой смелый, — удивленно отозвался второй — судя по всему, именно он стрелял. — Ну, выходи, посмотрим, кто кого.

Конечно, у Марселя не было ни малейшего желания подставляться, однако и уступать малолеткам ему также не хотелось. Поэтому он прикрикнул на стрелка, стараясь, чтобы его голос при этом звучал уверенно:

— Ты говори, да не заговаривайся, сорванец! Стрелы у тебя рано или поздно закончатся, а мой нож всегда при мне. Сдеру с тебя шкуру и подвешу на кишках под этим самым деревом, чтобы другим неповадно было!

Конечно, никакого оружия у него с собой не было, но нападавшим необязательно было об этом знать. К счастью, то ли его слова возымели эффект, то ли один из ребят услышал то, что

смутило его, потому что уже спустя пару секунд до ученого донесся голос, полный сомнения:

— Обожди, Миша… Кажется, этот не такой. Нормальный он.

— С чего ты это взяла? Все они мастаки языками трепать. Не вздумай к нему приближаться. Я слышал, они могут любого своей воле подчинить. Если пойдешь на меня, пристрелю, не раздумывая.

— Уж ты скажешь… — обиделась девочка — ученый уже понял, что имеет дело с парочкой разнополых детей, и это открытие сильно удивило его.

— Что вы там такое говорите? — прокричал он, перебивая спорщиков. — Какой это — не такой? Конечно, я нормальный!

— Ага, так я тебе и поверил, — усмехнулся тот, кого называли Мишей. — Я видел, как ты с той жрицей болтал, как со старой подругой. Скажешь, не было такого?

До Марселя начал постепенно доходить смысл происходящего, но он все равно не мог понять, что заставило ребят стрелять в него. Скорее всего, они приняли его за волхва. Но славянские жрецы пользовались в народе уважением, откуда такая агрессия?

— Ну, болтал — и что с того? — историк для пущей убедительности добавил несколько ругательств, чтобы доказать, что не имеет к касте посвященных никакого отношения. — Я в болото провалился, чуть не утоп, а она меня вытащила. Если говоришь, что все видел, то и это должен был заметить.

— Я позже подошел, дядя…

Марселю показалось, что мальчик начал оправдываться, и он вздохнул с облегчением — похоже, неприятная беседа, наконец, начала склоняться в его пользу. Чтобы упрочить свою позицию, он заорал так, что даже себя немного напугал:

— Еще раз выстрелишь — и я с тебя, засранец, портки сниму и в таком виде к родителям приведу!

Озвучив эту страшную угрозу, мужчина сделал глубокий вдох и, мысленно попрощавшись со всеми своими друзьями и недругами, вышел из-за дерева. Чувствуя, как ноги наливаются свинцом, он все же сделал над собой усилие и достаточно бодрым шагом направился в сторону двух силуэтов, которые едва виднелись в тени деревьев. Спустя минуту он уже стоял перед парнем, которому от силы можно было дать лет двенадцать, и еще более мелкой девчушкой. Судя по тому, что между ними наблюдалось определенное сходство, Марсель сделал вывод, что они были родственниками.

— И не стыдно сестру младшую с собой на такое опасное дело брать?! — накинулся он на молодого человека. — А если бы

на настоящего волхва наткнулись? Представляешь, что бы он с вами сделал?

— Я думал, что с первого раза попаду, — набычился мальчуган, глядя на взрослого собеседника исподлобья.

— Я тебе попаду! — ученый влепил стрелку подзатыльник и прикрикнул на девчонку, которая начала завывать от страха. — А ты молчи, дуреха!

Глядя на эту парочку, Марсель гадал, что делать дальше. С одной стороны, у него и в мыслях не было причинять детям вред, но, с другой, они ведь едва не убили его. Нужно было хотя бы выяснить, зачем они вообще затеяли это — возможно, в дальнейшем его ждут еще более неприятные сюрпризы.

— А теперь рассказывай, кто вас надоумил, — успокоившись, обратился ученый к брату. — Да не бойся, не трону.

— А бате не расскажешь? — мальчуган покосился на незнакомца, недоверчиво шмыгнув носом.

— Не расскажу. Только и ты тогда без обмана.

— Добре, — услышав это, несостоявшийся истребитель волхвов сразу расслабился и плюнул перед собой. — Семья у нас большая, живем бедно. Только охотой и спасаемся. А тут недавно объявился в наших краях человек ученый…

— Что за человек?

— А пес его знает. Из знатных, на лошади богатой. И маска на лице, словно сам жрец какой. Не один приехал, с ним дружинники были, но только лицом черные, будто сажей обмазаны.

— Ну-ну… — Марсель удивленно приподнял брови, подумав, что дело не обошлось без участия братии Кирилла. — И что же дальше?

— Денег дал, — мрачно сообщил мальчуган. — Много. Я отродясь столько не видел. И сказал, что за каждого убитого волхва столько же давать будет. Ну, я и решил…

— Что можно вот так запросто в людей стрелы пускать? — закончил вместо него историк. — Это кто ж тебе такое сказал?

— Никто, у меня своя голова на плечах имеется, — Миша насупился и покосился на сестру, которая перестала всхлипывать и теперь с интересом прислушивалась к разговору. — Все окрестные мужики на охоту вышли. А я, что, хуже остальных? Заработаю достаточно и уеду в Киев. Мне и нужно-то всего одного подстрелить…

— Ну, дела… — протянул Марсель, представив, с какой опасностью предстояло столкнуться Ладе. — И что же, скольких уже удалось подстрелить вашим мужикам?

— Пятерых! — выпалила девочка с гордостью прежде, чем

брат смог остановить ее. — А что? Корову купим, молоко свежее будет каждое утро.

— Молоко — это хорошо, — кивнул ученый, думая о своем. — Что ж, показывайте, где ваша деревня находится.

— Зачем? — насторожился мальчик. — Ты же обещал не говорить отцу!

— Я и не скажу, — отозвался Марсель, ободряюще похлопав того по плечу. — Хочу с тем человеком встретиться, потолковать. Может быть, и мне удастся подзаработать. Рубаху-то ты мне попортил, а на новую деньги нужны.

— Вот это другой разговор, — сразу заулыбался Миша. — Лук не отнимешь?

— На кой он мне? — почти искренне рассмеялся историк, взглянув на орудие, которое было для него слишком мало. — Пользуйся на здоровье.

— Как звать-то тебя, дядя? — поинтересовался мальчик, окончательно проникнувшись доверием к новому знакомому.

— Курьяном, — Марсель назвался именем друга, решив, что с него достаточно кириллов и баламошек.

Дорога до воинствующей деревни заняла не больше десяти минут, и вскоре ученый с жалостью рассматривал несколько покосившихся от времени домов, весь вид которых свидетельствовал о крайней нужде их обитателей. Это было удивительно, особенно учитывая то, что вокруг расстилались бескрайние поля плодородной земли, а в лесах должно было водиться достаточно дичи. Стоило только захотеть — и это место могло прокормить кого угодно. Подумав, Марсель решил, что, возможно, дело было в самих людях. Говорят ведь, что подобное тянется к подобному — значит, местное население просто не желало работать, и именно в этом состояла главная причина их бедственного положения. Запустение наблюдалось повсюду, даже колодец, располагавшийся в самом центре поселения, выглядел так, что был больше похож на отхожее место. Представив себе, в какой ужас пришел бы хозяйственный Михайло, увидев все это, историк подумал, что здесь пригодились бы его управленческие способности. Тем временем мальчик подвел его к своей избе, которая ничем не отличалась от остальных, и по привычке пнул ногой ветхую калитку, которая жалобно скрипнула и только каким-то чудом не слетела с петель.

— Баню построим, — словно оправдываясь, заявил он. — Скотину заведем. Были бы только деньги, а там сразу заживем, как люди.

Марсель не стал говорить о том, что нищету, прежде всего, нужно вытравить из собственной головы — юный селянин вряд ли

понял бы его. Вместо этого он кивнул и поинтересовался, где можно найти хозяина.

— Так на охоте все, я же говорил, — Миша кивнул куда-то в сторону. — Волхвов выслеживают.

— И что же, никто из них не дал вам отпора?

Историка удивил тот факт, что обычным мужикам удалось с такой легкостью убить пятерых жрецов. Столкнувшись с Ладой и ее учителем, он имел некоторое представление об их возможностях и поэтому не мог представить себе ситуацию, в которой они позволили бы лишить себя жизни без боя.

— Как же, дадут они, — усмехнулся мальчишка. — Им пальца в рот не клади — мигом оттяпают. Сам, небось, знаешь, какая у них силища. Но и у нас не кочан капусты вместо головы. Мой батя придумал, как их выманивать из лесов.

— И как же?

— Так ведь они привыкли людям помогать, — самым невинным тоном объяснил селянин, в то время как его сестра залилась счастливым смехом. — Хворь какая или роды тяжелые — они тут как тут. Вот мы и решили их на живца ловить. В первый раз моя мама притворилась, что у нее…

— Можешь не продолжать, я все понял.

Марсель скривился, представив себе, как местные жители, вооружившись топорами, поджидают какого-нибудь ведаря, торопящегося им на помощь. Прежде ему ни разу не приходилось сталкиваться с подобной подлостью, и теперь он чувствовал, как внутри него закипает ярость. До этого случая мир древних славян делился для него на белое и черное. Курьян с остальными сельчанами олицетворяли добро, а неведомые византийцы, соответственно, зло. Даже волхвы, которым он противостоял, едва ли могли считаться отрицательными героями — ведь у них были благие намерения и действовали они, скорее, по незнанию. Теперь же действительность ткнула его носом в то, что не все было так просто, выкинув далеко за пределы привычной зоны комфорта. Стараясь держать себя в руках, историк отказался от предложения зайти в дом, с ужасом представив себе его интерьер, и, уже ни на что не надеясь, поинтересовался, когда вернутся мужики.

— Да скоро уже, — отозвался Миша, с раздражением кинув лук на грязное крыльцо. — Ближе к ночи наш благодетель обещал вернуться. А я так и не подстрелил никого. Эх…

Марсель, уже приготовившись выйти со двора, остановился. В первый момент ему показалось, что он ослышался — слишком много совпадений было для одного дня. Поэтому, осторожно подбирая слова, историк почти нежным голосом обратился к

ребятам:

— Значит, и мне можно будет с ним побеседовать? И когда же ждать дорогого гостя?

— А как стемнеет, так и появится он, — кивнул мальчуган, взглянув на небо. — Да скоро уже. Солнце, вон, верхушки деревьев цепляет, садиться собирается.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Марсель, чувствуя в животе противную легкость, как обычно бывало, когда ему предстояло принять какое-нибудь трудное решение. — Ну, бегите домой, ребятушки. И не балуйте больше! А я пока прогуляюсь.

— Ты обещал… — начал было Миша, но мужчина только отмахнулся:

— Помню. Ни слова твоему отцу.

Успокоив детей, Марсель вышел за калитку и аккуратно прикрыл ее за собой. У него голова шла кругом от обилия новой информации, которая совершенно не вязалась с тем, что он успел нарисовать в своем воображении. Наивный человек! Ему-то казалось, что он спокойно подождет, пока волхвы не поймут, как сильно они ошибались, а потом появится, как герой-спаситель, размахивая волшебным пакетиком и поражая всех своими новыми способностями. Однако Вселенная в очередной раз показала ему, насколько ее собственное видение не совпадало с его планами на будущее. Устав от самобичевания, историк отошел от деревни на пару сотен метров и, найдя небольшую поляну, скрытую от стороннего наблюдателя, растянулся прямо на траве, чтобы решить, как быть дальше.

Ситуация осложнялась тем, что он мог только догадываться о том, кем был этот таинственный «благодетель» и какие цели он преследовал. На первый взгляд, все казалось очень просто: императоры Византии подстраховались и, помимо Кирилла, послали еще кого-то, чтобы облегчить ему задачу. Не будет волхвов — исчезнут корни, которые связывают местное население с их верованиями, и тогда их переход в лоно христианства будет быстрым и безболезненным. Но об этом ничего не было сказано в летописях. Конечно, Марсель понимал, что эта не самая красивая история вполне могла и не найти отражения в документах, однако сложно было предположить, чтобы о ней никто и нигде не упомянул. Даже в тех случаях, когда воспоминания намеренно вытравливали из народного фольклора, они все равно сохранялись в том или ином виде. А подобного варианта охоты на ведьм точно не было в истории Руси — Марсель мог с уверенностью утверждать это.

— Это плохо, друг мой, — неожиданно резюмировал собственные рассуждения ученый. — Очень плохо.

Такой вывод пришел ему в голову после того, как он прикинул, сколько времени могло уйти на планирование подобной операции и само путешествие от Константинополя до здешних мест, которое по самым скромным его подсчетам должно было занять около месяца, учитывая бездорожье и остановки на ночлег. События, скорее всего, начали стремительно развиваться всего несколько дней назад, так что у начальников Кирилла просто не было времени перестроиться. Выходит, это были не они. С другой стороны, неизвестно откуда взявшийся богач в сопровождении чернокожих охранников слишком сильно напоминал того, чью маску он так долго носил. Также нужно было выяснить, почему ни Лада, ни ее мудрый наставник ничего не знали о происходящем. Ведь, если верить ее словам, они были едва ли не самыми информированными существами в этих местах, и их источником была сама природа. Что за сила могла перекрыть такой налаженный канал? Марсель терялся в догадках и, в конце концов, решил пока не торопиться с выводами и дождаться ночи.

Сначала он хотел взглянуть на убитых волхвов, чтобы убедиться в том, что местные ничего не напутали так, как едва не случилось с ним недавно. Если жертвами алчности стали такие же путники, как и он сам, то многие вопросы отпадали сами собой. Однако, подумав, историк отказался от этой мысли — незачем было привлекать к себе излишнее внимание, ведь никто не мог сказать наверняка, были ли в селении соглядатаи.

Помяв в руках мешочек, ученый подумал о том, что ему не помешала бы сейчас помощь той же Лады — что бы там между ними ни произошло, он в данной ситуации был на их стороне, и девушка должна была понимать это. Но Марсель и представить себе не мог, какой будет реакция волхвов на новость о том, что на них объявлена охота. Такое они вряд ли смогли бы простить — во всяком случае, он на их месте бы не нашел в себе силы забыть о вероломстве и предательстве. Вспомнив, с какой радостью Миша рассказывал ему, как они купят корову на деньги, полученные за убийство, историк подумал, что его, несмотря на юный возраст, едва ли пощадят. Он не был готов брать на себя ответственность за еще одну жизнь.

2

Так он и провел остаток дня — в сомнениях и страхе за то, что примет неверное решение. Поэтому когда начало смеркаться, он даже почувствовал что-то похожее на облегчение. Отступать было некуда, да и незачем, и Марсель вышел из своего укрытия. Стараясь передвигаться от дерева к дереву, мужчина приблизился к селению и спрятался за одним из домов. Небольшой пустырь вокруг колодца, судя по всему, выполнял функцию торговой площади, и на нем собралось едва ли не все население деревни: здесь были и мужчины, и женщины, и даже дети — все пребывали в состоянии радостного возбуждения и не проявляли ни малейшего признака раскаяния или страха. Пытаясь найти взглядом хоть одно несогласное с происходящим лицо, наблюдатель разочарованно вздохнул: таких здесь не было. Люди создавали впечатление единого живого организма, каждая часть которого полностью соответствует остальным и по форме, и по содержанию.

Прислушиваясь к разговорам, Марсель вдруг вспомнил картину, которую он наблюдал в детском саду, куда его заманила одна симпатичная сотрудница. Правда, у них в итоге так ничего и не сложилось, но это не важно. Ему тогда пришлось нацепить на себя фальшивую бороду, красный тулуп и, взвалив на спину мешок с подарками, изображать Деда Мороза. Но перед тем как выйти, вспотевший и проклинающий все на свете доцент исторических наук и по совместительству декан факультета был вынужден в течение получаса наблюдать за тем, как Снегурочка, в роли которой выступала та самая сотрудница, скакала среди детей, как припадочная, и периодически спрашивала, стоит ли уже звать доброго дедушку. Дети каждый раз хором кричали: «Да!» — и снова начинались безумные пляски и бессмысленные игры. Еще через пять минут внучка опять обращалась к ребятам: «Так позвать Деда Мороза?» — и только когда Марсель уже готов был присоединиться к перевозбужденным детям, его, наконец, позвали. Все произошедшее после несколько сгладило отвратительное начало — крохи тянули к нему руки, читали стихи, путаясь в строках и забывая отдельные слова, в их глазах было выражение искреннего и всепоглощающего счастья. Вот и сейчас он увидел в глазах селян что-то похожее. Они ждали чуда и даже не задумывались о том, какую цену придется за него заплатить. Представив себе человека, который был готов сыграть на подобных чувствах, Марсель подумал, что с удовольствием забыл бы на время о своих пацифистских убеждениях и

собственными руками свернул бы ему шею.

И он появился, этот человек. В первый момент Марселю показалось, что он находится в кино и смотрит ремейк старого фильма, настолько все было знакомым. Если бы он не присутствовал при кончине Кирилла, то подумал бы, что это был он: темное облачением, маска под капюшоном, трое сопровождающих — реквизиты были скопированы до мельчайших подробностей. Сначала историку даже показалось, что он узнал Мусу, однако, приглядевшись, понял, что ошибся. Тем временем прибывшие остановились возле почтительно притихшей толпы и неторопливо спешились. Человек в маске обратился к рослому мужику, который, скорее всего, был местным старостой:

— Чем ты порадуешь меня, селянин? Или я зря приехал?

Как только гость заговорил, Марсель вздрогнул — глубокий, хорошо поставленный голос показался ему знакомым, но он никак не мог вспомнить, где уже слышал его прежде.

— Как же, как же, — засуетился мужик. — Не зря, господин мой. Мы старались, сделали все, что смогли. Только что вернулись, умаялись, с самого утра на ногах.

Понимая, что староста старается таким образом выторговать себе больше бонусов, Марсель презрительно поморщился, но тут же непроизвольно сжал кулаки: толпа расступилась, и он увидел тела, лежавшие прямо на земле. Историк находился слишком далеко для того чтобы рассмотреть лица мертвецов, однако прибывший сделал это за него — подойдя к убитым, он некоторое время изучал их, а потом рассмеялся.

— Ты, верно, потешаешься надо мной, подлец?

— Отчего же? — испугался мужик. — Все, как ты сказал, сделали.

— Так, да не так, — передразнил его человек в маске. — Ты должен был мне волхвов показать, а это кто?

— Кто, благодетель наш? — угодливо переспросил староста, который, похоже, уже понял, что проштрафился, и теперь старался умаслить дающего.

— Среди них единственный, кто хоть немного на волхва похож, это вон тот, да и то вряд ли, — говоривший ткнул пальцем в сторону одного из тел. — А остальных вы зря сюда притащили. Неужели так сложно отличить жреца от обычного знахаря? Эх, вы, дурачье…

По толпе прокатился недовольный гул — люди поняли, что сделка может сорваться, но открыто выражать протест никто не решился. Впрочем, до этого дело так и не дошло. Таинственный незнакомец некоторое время молчал, думая о чем-то своем, а потом поднял руку — и все моментально смолкли.

— Так уж и быть, — заявил он, когда над площадью повисла абсолютная тишина. — На первый раз прощаю вас. Вы получите сполна все, что было обещано. И даже больше. Но впредь не разочаровывайте меня, иначе гнев мой будет страшен.

Марсель увидел, как приезжий сунул руку под складки своей накидки и, достав оттуда достаточно тяжелый кожаный мешок, бросил его к ногам старосты. Мужик тут же, как заправский ныряльщик, кинулся к нему и, схватив, прижал к груди.

— Спаситель наш…

— Замолчи! — прикрикнул на него человек в маске. — Просто возьми деньги и сделай так, чтобы в следующий раз я радовался искренне, а не так, как сегодня. И никому ни слова.

— Все сделаем, господин! — срывающимся голосом прокричал староста, но тут же, вспомнив о чем-то, замялся. — Тут такое дело…

— Что еще? — страшный гость, развернувшийся уже, чтобы уйти, остановился.

— Мне мой сынок, Миша, сказал, будто к нам недавно забрел чужак…

Сказав это, мужик смущенно замолчал, но человек в маске приблизился к нему вплотную, приказав продолжать, и тот, помявшись пару секунд, подчинился.

— Мой дуралей решил тоже пострелять. Говорит, видел давеча парочку неподалеку… Ну, и подумал, что сможет сработать как должно. Я же говорю: малой еще совсем, неразумный.

— И что дальше?

— Не смог он в него попасть, только рассердил. Но тот мужик вроде не сильно осерчал, только попросил показать да рассказать, зачем тот на добрых людей нападает.

— И? — вкрадчивым голосом, в котором Марсель уловил скрытую угрозу, протянул гость.

— Миша говорит, что он где-то здесь, тебя дожидается. Тоже вроде как хотел подзаработать. Рубаха у него порвалась.

— Как же выглядел этот ваш таинственный работничек?

— Да как все, — староста пожал плечами, продолжая прижимать деньги к груди. — Роста обычного, худосочный, моих лет. Шрам на щеке…

— Шрам?! — вдруг вскричал его собеседник, и Марсель заметил, что тот от неожиданности даже отступил на пару шагов, но тут же подскочил к мужику и, схватив его за грудки, встряхнул с такой силой, что у того лязгнули зубы. — Где он теперь? Как найти?

— Нету его! — испуганно завопил староста, у которого

подкосились ноги от страха. — Ушел! Сынок говорит, что он отправился погулять и больше не возвращался.

— Брешешь!

Отшвырнув грузного мужика на пару метров в сторону, словно тот был мешком с сеном, «благодетель» огляделся по сторонам, вглядываясь в лица собравшихся, при этом люди вдруг стали похожи на изваяния — будто разом утратив волю, они стояли под тяжелым взглядом, и их лица не выражали ничего, кроме слепой покорности. Только староста сохранил способность двигаться — всхлипывая, он ползал по земле, собирая рассыпавшиеся монеты, и причитал:

— Пощади нас, добрый человек! Не со зла мы, а только чтобы тебе угодить! Так старались, животы надорвали, а все одно тебе полезны…

Дальнейшее произошло так быстро, что Марсель даже не успел сообразить, что к чему. Один из охранников шагнул к ноющему старосте и резко взмахнул рукой — в следующее мгновение голова провинившегося покатилась по земле, а его тело так и осталось стоять не четвереньках, ужасая ученого своим видом.

— Сожгите здесь все, — наконец, прозвучал приказ.

После этого человек в маске с поразительной легкостью запрыгнул на своего коня, даже не воспользовавшись стременами, и, не дожидаясь своих спутников, ускакал в темноту. Марсель вжался в стену, за которой прятался все это время, и закрыл глаза, пытаясь справиться с внезапным приступом паники. Ему никогда прежде не приходилось попадать в подобные ситуации, и теперь он отчаянно нуждался в помощи друзей. Даже их присутствие добавило бы ему уверенности, однако рассчитывать было не на кого, а времени оставалось все меньше. Понимая, что каждая лишняя секунда, потраченная на сомнения, может привести к гибели всех этих людей, он стиснул в кулаке мешочек и вышел из своего укрытия.

Следующие несколько минут показались ему настоящим кошмаром. Похоже, души предков Лады имели свое мнение по поводу самопожертвования. Или, возможно, они просто более адекватно оценивали ситуацию и понимали, что смерть Марселя ни к чему не приведет. Так или иначе, но, сколько он ни пытался привлечь внимание помощников таинственного посланника, они вели себя так, будто его рядом не было. Ученый даже попытался ударить одного из них, но и из этого ничего не вышло — земляк Мусы только отмахнулся, словно отгонял комара. Увидев, как селяне покорно направились к самой большой избе и, зайдя в нее, прикрыли за собой дверь, мужчина понял, что еще немного — и

случится непоправимое. Телохранители стали обкладывать деревянное здание сеном и поливать какой-то резко пахнущей жидкостью, а историк все еще никак не мог заявить о своем присутствии. Наконец, когда все было готово, Марсель решился на отчаянный шаг: с ненавистью взглянув на мешочек, он развязал кожаный шнурок и, отбросив сомнения, встряхнул. Ничего не произошло. Не понимая, что происходит, историк заглянул в «сосуд», как его называла Лада, однако он, к его удивлению, был совершенно пуст. Старательные палачи продолжали исполнять поручение с пугающим спокойствием и сами при этом были похожи на сомнамбул — в какой-то момент ученому показалось, что они, возможно, также были всего лишь жертвами, настолько все их движения казались автоматическими.

Горько усмехнувшись, Марсель отвернулся от огня, который сначала медленно, а потом все быстрее начал пожирать избу, и шатающейся походкой отправился прочь от этого жуткого места. Телохранителя не заметили его, и он мог только догадываться, какую судьбу уготовили ему волхвы. Он не имел ни малейшего понятия о том, что делать дальше и куда идти. Усталости мужчина не ощущал, и даже когда выбросил в первые попавшиеся кусты бесполезный мешочек, ощущение постороннего присутствия не оставило его.

— Смирись с этим, — пробормотал вслух Марсель, все дальше удаляясь от поселения. — Теперь тебе придется терпеть это неприятное соседство. Но, может быть, вы хотя бы представитесь, уважаемые? Познакомимся?

Некоторое время он прислушивался к своим внутренним и внешним рецепторам, надеясь, что сущности, поселившиеся в нем, ответят. Но этого не произошло — души волхвов или не могли, или не хотели вступать с ним в диалог. Кивнув самому себе, историк остановился и огляделся по сторонам: он вышел на проселочную дорогу и теперь гадал, в каком направлении следовало двигаться дальше. Как говорится, налево пойдешь, в Киев попадешь. Направо — что там? Чернигов? Прямо пойдешь… Может быть, плюнуть на все и во Владимир махнуть? Горько усмехнувшись, историк крутанулся на месте и повернул налево. Княжеское гостеприимство в прошлый раз едва не закончилось его гибелью, возможно, на это раз все будет иначе? Марсель был далек от того, чтобы поверить в свою неуязвимость, но считал, что раз уж ему выпала честь попытаться изменить настоящее положение вещей, то не имело никакого смысла скрываться от того, кто мог и должен был на это самое положение повлиять. К тому же ему необходимо было встретиться с Ладой, чтобы обсудить появление нового игрока и цели, которые он мог

преследовать.

Девушка ничего не говорила ему о том, что на них объявлена охота, возможно, потому, что сама ничего не знала. Проходя мимо места, где они виделись с ней в последний раз, Марсель внимательно осмотрел окрестности — конечно, вероятность того, что жрица до сих пор была где-то неподалеку, была ничтожно мала, но попытаться все же стоило. Не заметив никого, историк вздохнул и побрел дальше. К счастью, ночь выдалась лунной, и ему не приходилось напрягать зрение, чтобы не сбиться с пути. Скорее всего, подумал он, сейчас Лада сидит в какой-нибудь норе со своим учителем, и они сообща пытаются придумать, как бы поставить на место зарвавшегося Баламошку. Он бы и сам был не прочь отказаться от своей почетной миссии, правда, пока не знал, как можно это сделать. Как бы там ни было, но у любого обращения должен был быть адресат, а его новые квартиранты предпочитали притворяться глухими.

Марсель был прав, представляя, как Лада беседует со старцем — как раз это и происходило в тот момент, когда он шел по направлению к Киеву. Однако он ошибался в содержании самой беседы. Ведагор сидел, нахмурившись, и с недовольным видом слушал свою ученицу, которая, с его точки зрения, несла какую-то чушь. Наконец, не выдержав, он вытянул перед собой руку, прерывая рассуждения девушки.

— То есть ты веришь в то, что этот лже-Кирилл исполняет нашу же волю? — прогудел волхв, стараясь говорить спокойным тоном. — Похоже, я ошибался в тебе.

— Почему вы так говорите, учитель? — обиделась Лада. — Да, я поступила своевольно, когда пыталась избавиться от него, но то, что он говорил мне, слишком похоже на правду. К тому же его сила…

— Силой этого человека мог наделить другой эгрегор, я думал, что ты это понимаешь.

— Да, но…

— Никаких «но» нет и быть не может! — Ведагор повысил голос, но тут же взял себя в руки и снова превратился в степенного наставника. — Он ввел тебя в заблуждение, дитя. Вспомни о том месте, где ты побывала — разве это то, чего мы хотели бы для своего народа?

— Нет, конечно, — осторожно, чтобы не раздражать учителя, отозвалась девушка, — однако после разговора с Марселем мне пришло в голову, что, возможно, это и есть та единственно верная реальность, которая возможна.

— О чем ты? — нахмурился волхв.

— Может быть, нам не стоит вмешиваться в естественный ход

истории? Ведь никто не может сказать наверняка, к чему приведут те или иные изменения. К тому же тот человек намекал на то, что мои знания о Киеве были однобокими, и то, что я там наблюдала, происходит повсеместно. По его словам, люди изменились под влиянием времени — и киевляне живут ничуть не хуже, чем те же византийцы. Кстати, пока я была там, то узнала кое-что…

— Продолжай.

Ведагор с сожалением смотрел на свою собеседницу и гадал, где же он совершил главную ошибку, из-за которой верная и преданная жрица превратилась в непослушную девчонку, ставящую под сомнение его слова. Он уже принял решение относительно ее, но все еще пытался оттянуть неизбежное. Если бы Лада смогла заглянуть в его мысли, то ужаснулась бы той судьбе, которую уготовил для нее наставник. Она искренне верила в то, что учитель относился к ней как к дочери — ведь он сам много раз говорил ей об этом. На самом же деле девушка была для него, прежде всего, инструментом для достижения поставленных целей. С точки зрения самого Ведагора в этом не было ничего предосудительного — он и себя рассматривал как орудие в руках у богов, и только они имели право использовать свое творение по его истинному назначению.

— Византии больше нет, — тем временем делилась своими мыслями Лада. — То есть на ее месте другое государство. И вера… В общем, все сложно. Мир будущего многогранен, и прежде мне мешала увидеть это только моя убежденность в том, что наша позиция единственно верная. Но после встречи с Марселем с моих глаз словно вдруг спала пелена…

Не дослушав, Ведагор сделал резкое движение рукой — и ткнул Ладу твердым, как камень, пальцем в самый центр лба. Девушка моментально отключилась и опрокинулась на спину, причем на ее лице сохранилось выражение крайнего изумления. С нескрываемым сожалением рассматривая лежащую перед ним девушку, волхв гадал, что заставило его сохранить ей жизнь. Она ведь была теперь абсолютно бесполезна и даже опасна. Если ее мысли дошли бы до остальных членов Совета, это могло бы внести смуту в их стройные ряды. Такие чувства как любовь и привязанность также были ему чужды — он слишком отдалился от людей, чтобы сохранить в себе их слабости. Тогда что? Покопавшись в себе, старец с удивлением признал, что этим чувством был страх. Да, страх перед тьмой, которую представляло собой будущее. Ему было известно лучше многих, что в этом мире все взаимосвязано, и он не был уверен в том, что смерть юной жрицы не будет иметь последствия для него самого. Если хотя бы

на мгновение допустить, что она говорила правду, то она станет последней выжившей и в далеком будущем передаст Марселю сосуд с душами. Возможно, прямо сейчас этот дуралей таскает на груди и его частичку. Вспомнив о чувстве бессилия, с которым он пытался пробиться сквозь невидимую стену, возникшую перед ним из ниоткуда, волхв сдвинул брови. Вчерашний Баламошка мог оказаться опасным противником, особенно если ему удастся разобраться с той великой силой, обладателем которой он оказался по глупому стечению обстоятельств. Если это случится, то он сможет читать самого Ведагора как открытую книгу. Представив, что он там увидит, старец стремительно поднялся: этого ни в коем случае нельзя было допустить! Человека из будущего нужно было остановить, во что бы то ни стало.

Лада стояла посреди бескрайнего поля и с недоумением оглядывалась по сторонам. Только что она сидела напротив учителя и пыталась доказать ему, что они могли ошибаться, и вдруг очутилась здесь. Ей никогда еще не приходилось испытывать ничего подобного, и поэтому девушка не сразу поняла, что произошло. Заметив деревья, виднеющиеся вдали, она направилась к ним, но уже спустя несколько минут поняла, что это бесполезно — с какой бы скоростью она ни шла, цель оставалась такой же далекой. Сев на траву, она закрыла глаза и попыталась установить мысленную связь с наставником, однако вскоре с ужасом поняла, что не могла этого сделать. В ее сознании не осталось ни одной ниточки, ни одной спасительной соломинки, за которую можно было бы ухватиться. Лада осталась одна на просторах собственного подсознания.

— За что, учитель?! — закричала она, закрыв лицо руками, и, конечно, ей никто не ответил.

Жрица могла только предполагать, почему Ведагор отправил ее в ссылку, но все же у нее оставалась надежда на то, что все это лишь временное наказание за излишнюю самонадеянность и непослушание. Ухватившись за эту мысль, девушка поднялась на ноги и, вытирая слезы, побрела вперед, не особо задумываясь о том, куда и зачем она идет. Впервые в своей жизни Лада ощутила абсолютное бессилие, и с горечью подумала о том, что теперь она, наверное, намного ближе к обычным людям, чем когда-либо прежде. В какой-то момент ей показалось, что она ощущает чье-то присутствие, однако, прислушавшись к своим чувствам, она подумала, что это всего лишь иллюзия.

Как раз в этот момент Марсель, вышагивающий по пыльной дороге, пытался освоить пульт управления своими новыми способностями. Воссоздав в своем воображении образ Лады, он старательно отправлял ей мысленные сигналы, но ему никто не

отвечал, и мужчина разочарованно вздохнул: выходит, функционал его супергеройской сущности был крайне ограниченным. Откуда ему было знать, что он опоздал всего на несколько мгновений, и если бы ему пришло в голову наладить связь немного раньше, то, скорее всего, уже сейчас он был бы в курсе происходящего? Только однажды у него возникло чувство, будто ему удалось достучаться до Лады, но оно тут же исчезло, и историк продолжил свой путь, стараясь больше ни о чем не думать. Подключившись к неведомому источнику энергии, ученый не ощущал ни намека на усталость и спустя несколько километров с удивлением отметил, что будто помолодел на двадцать лет. Усмехнувшись, он представил себе, какими сверхлюдьми должны были чувствовать себя волхвы, обладающие такими возможностями. Любой бы на их месте рано или поздно начал задирать нос. В конце концов, каждый жрец ведь изначально был человеком — со своими слабостями. Возможно, гордыня была самым часто встречающимся пороком, которым были подвержены Лада и ей подобные. Интересно, что бы по этому поводу сказал ее учитель?

Из простого любопытства Марсель представил себе старца, и тут же едва не упал от неожиданности: прямо перед ним возник образ волхва, который, похоже, сам не ожидал такого поворота и поэтому выглядел смущенным и сбитым с толку. Волна незнакомых чувств и эмоций захлестнула ученого, и он в первый момент растерялся: мысли Ведагора были чужды ему, они словно были из другого мира. Чтобы дать себе время прийти в себя, историк приветливо помахал старцу рукой и обратился к нему тоном, из которого не смог исключить насмешливые нотки:

— Ну, вот мы и встретились, уважаемый. Правда, наверное, не так, как тебе бы…

Волхв не дал ему договорить — взмахнув руками и нарисовав ими в воздухе замысловатую фигуру, он прервал связь, заблокировав только что налаженный канал. Это было так неожиданно, что Марсель не сразу понял, что произошло, и попытался снова достучаться до собеседника. Но сколько он ни пытался, у него ничего не получилось — образ Ведагора расплывался и никак не желал принимать законченный вид. Наконец, убедившись в бесполезности усилий, ученый прекратил попытки и задумался. Несмотря на то, что ему почти ничего не удалось увидеть, все же некоторые мысли волхва он смог разглядеть. Это было похоже на сеанс гипноза, когда пациент неожиданно вспоминает то, что попало в поле его бокового зрения. И то, что Марсель вспоминал, ему совершенно не нравилось. Ему вдруг пришло в голову, что жрец рассматривал

его не как человека и даже не как разменную фигуру на шахматной доске, а как явление, обстоятельство. Весь мир для него был всего лишь схемой, которая могла быть разобрана и собрана в иной последовательности.

— Физик-любитель, твою мать, — пробормотал мужчина себе под нос, испытывая приступ раздражения. — Надо же…

Среди обрывков мыслей, вырванных из контекста, были еще несколько моментов, которые беспокоили его. Вероятно, Ведагор — историк теперь точно знал, как зовут его противника — был не таким уж и всемогущим, раз не смог вовремя закрыться от него. Так или иначе, но, разрубая виртуальный кабель, волхв не сумел вовремя остановить трансляцию, и теперь у Марселя был набор картинок, из которых ему предстояло собрать единое целое.

— Как паззл, — кивнул сам себе историк и, сойдя с дороги, уселся на траву, нисколько не заботясь о том, что кто-то может его увидеть.

Чтобы как-то упорядочить мешанину, которой одарил его волхв, Марсель сначала избавился от ничего не значащих воспоминаний, среди которых неожиданно оказались весьма любопытные обрывки памяти, о которых и сам жрец, скорее всего, имел смутное представление. Копаясь в чужой личности, ученый вспомнил момент из собственного прошлого. Отец берет его с собой, отправляясь на чердак, чтобы разобрать хлам, который накопился там за многие годы. Мальчику всего шесть или семь лет, и для него вещи, скрывающиеся в пыльных коробках, представляют собой огромную ценность. Отец же, напротив, считает, что от всего этого нужно избавиться как можно скорее. Правда, иногда встречаются какие-то безделушки, которым он улыбается как старым знакомым.

— Смотри-ка, — кивает он сыну, держа в руках небольшую металлическую коробочку. — Я уже и забыл о том, что оставил эту капсулу времени для себя будущего. Выходит, у меня все получилось — я не открывал ее тридцать лет. Посмотрим?

И отец с сыном, на пару минут став детьми одного возраста, рассматривают то, что когда-то казалось мужчине самым ценным из всего, что у него было. То же самое сейчас делал Марсель. В его руках было что-то вроде той самой коробочки, вот только ее обладателем был сам Ведагор. С сожалением перебирая детские воспоминания, наполненные светлыми и радостными эмоциями, историк понял, что сам их обладатель не помнил ничего о них. Возможно, он намеренно удалил тот период своей жизни, но почему-то ученому показалось, что их насильно выдернули из его головы, заменив чем-то другим. Кто сделал это? Или что? Марсель не видел ответа на эти вопросы. Предположив, что их

уже никогда не удастся найти, мужчина отложил эту часть личности жреца в сторону и принялся разбирать оставшиеся осколки, стараясь не пропустить ничего важного. К сожалению, большинство составляющих, попадавшихся ему, не представляли никакой ценности. В них старец проявлял себя исключительно как положительный персонаж — он помогал людям, исцелял больных и немощных, предотвращал бедствия, в общем, представал в роли настоящего ангела-хранителя для своего народа. Несмотря на все эти благодеяние, Марселя не покидало чувство, что каждый раз, излечивая очередного пациента, жрец делал это не по доброте душевной, а следуя некой программе, от которой не мог отклониться. Что же могло такого произойти, чтобы он вышел из-под влияния этого таинственного программиста? Подумав, ученый пришел к выводу, что этим глюком мог стать он сам — ведь та же Лада говорила ему о том, что его перемещение в этот мир оказалось ошибкой. Жрецы посчитали его слабым и неспособным принимать собственные решения. Что ж, ребята, усмехнулся Марсель, и на старуху бывает проруха. Сами наворотили — теперь расхлебывайте.

Вспомнив о Ладе, ученый подумал, что, раз уж у него появились такие способности, то глупо было бы не воспользоваться ими, и попытался, не выходя из астрала, наладить контакт с юной жрицей. Однако, сколько он ни старался, ему так и не удалось настроиться на нужную волну. Марсель чувствовал, что девушка была где-то рядом, но в последний момент, когда ему уже казалось, что он вот-вот достигнет своей цели, связь обрывалась, и ему приходилось начинать поиски заново. В итоге он отказался от своих попыток. Во всяком случае, на время, уточнил историк, недовольно хмурясь — ему не понравилось ощущение бессилия, особенно на фоне новых открывшихся возможностей.

Вернувшись к Ведагору, историк, все еще думавший о Ладе, едва не просмотрел нечто важное. В его руках оказалось воспоминание волхва, которое тот, судя по всему, старался скрыть. Во всяком случае, оно отличалось от остальных. Марсель понимал, что его мозг самостоятельно придает мыслям жреца ту форму, которая была для него привычнее, поэтому теперь он вертел в руках кубик Рубика, поля которого были испещрены непонятными знаками.

— Руны? — удивился вслух мужчина, рассматривая древнюю символику. — Ах, ты, старый хитрец… Но ничего, сейчас разберемся.

Марсель любил головоломки — еще в бытность свою студентом он подсел на всевозможные ребусы, кроссворды и

прочие упражнения для мозга. В дальнейшем доцент исторических наук только развил свои навыки и теперь мог бы составить неплохую конкуренцию выдающимся умникам современности. Поэтому ему потребовалось всего несколько минут для того чтобы определить правильную последовательность и собрать кубик. В тот же момент предмет развалился на составные части, и ученый зажмурился от боли, которую причинило ему увиденное.

— Как же так? — сжимая голову, пробормотал он, обращаясь к пространству. — Почему?

Несмотря на то, что все, наконец, встало на свои места, Марсель успел трижды пожалеть о своей любознательности — если бы ему представился выбор, он, скорее всего, предпочел бы и впредь пребывать в неведении. Груз знаний оказался слишком тяжким, и историк, стремительно вынырнув из мира своего подсознания, медленно поднялся на ноги. Сделав несколько глубоких вдохов, он постарался унять колотящееся сердце, но уже спустя секунду согнулся пополам: его буквально вывернуло наизнанку, хотя он уже забыл о том, когда в последний раз принимал пищу. Когда приступ закончился, он на четвереньках отполз в сторону и упал на спину. Ведагор не был ни белым, ни черным в общем понимании этих слов — нет, у него была своя миссия, которой он до недавнего времени следовал, невзирая ни на что. В мире должно было быть равновесие, поэтому на каждого спасенного приходилась одна загубленная жизнь. Правда, в подобном подходе были свои нюансы. Волхвы старались спасать добрых людей и уничтожать злых, то есть делали то, о чем большинство обычных людей только мечтают. Но одно дело фантазировать о вселенской справедливости, и совсем другое — решать, кто имеет право на жизнь, а кто нет. Жрецы присвоили себе это право, и Марсель ничем не мог оправдать такую преступную веру в собственную непогрешимость. Ему было слишком хорошо известно о том, что происходит, когда одна группа лиц объявляет себя выше остальных и принимается решать вопросы мироздания.

Окончательно придя в себя, историк вернулся в исходное положение, но решил пока не использовать новые способности, а попытаться разобраться во всем самостоятельно. Нужно было отдать Ведагору должное — он старательно замаскировал свои прошлые и нынешние поступки, и если бы не помощь извне, Марсель никогда не увидел бы всего того, что ему открылось. Вспомнив о силе, которой наделила его престарелая версия Лады, он вдруг усомнился в том, что она хотела именно этого — разве что она полностью разочаровалась в своей вере или поняла, что

другого выхода попросту нет. Так или иначе, но ученый больше не воспринимал этот пресловутый «сосуд жизни» как что-то разумное — скорее, это было похоже на некий накопитель информации, который к тому же располагал мощным энергетический полем, способным защитить его обладателя, но не делавшим его неуязвимым. Тем не менее, это был огромный источник силы, обладатель которой был способен на многое. Во всяком случае, если речь шла о противостоянии с волхвами, которые использовали тот же ресурс.

Ведагор не был первым. Более того, он не входил даже в первую десятку. Однако по странному стечению обстоятельств ему удалось стать едва ли не лучшим вместилищем для тайных знаний, которыми он воспользовался по собственному разумению. С каждым годом расширяя свои горизонты, он постепенно возвышался над остальными, пока, наконец, не стал самым выдающимся из волхвов. Избавившись от необходимости отчитываться перед своими недавними наставниками, жрец принялся выстраивать ту реальность, которая казалась ему единственно верной. И, возможно, все закончилось бы его безоговорочной победой, если бы не досадный промах, который он совершил. Этом промахом стал Марсель. До поры до времени он полностью соответствовал ожиданиям Ведагора, который, подобно кукольнику, то и дело дергал за нужные веревочки, манипулируя своим подопечным, но в один прекрасный момент что-то пошло не так. Возможно, дело было в пресловутой свободе выбора, которым воспользовался Баламошка — и с тех пор все пошло наперекосяк. Владимир вспомнил о своих амбициях великого полководца, Лада начала сомневаться в словах учителя, который и сам стал совершать одну ошибку за другой. И вот к чему все это привело — тот, кто должен был исполнить свою роль и навсегда исчезнуть, растворившись в котле переписанной истории, сам стал представлять огромную силу, и с ней теперь приходилось считаться.

Марсель видел, что случилось с Ладой, и теперь ему было понятно, почему не удалось связаться с ней — девушка была заперта в собственном подсознании и мало чем могла помочь ему. Хорошо еще, что жрец не причинил вреда друзьям Баламошки — возможно, он просто не посчитал их достойными внимания. Однако, вспомнив об этой части своей жизни, ученый нахмурился: что бы он сделал на месте Ведагора? Ведь если волхв поймет, что больше не может управлять им, то, скорее всего, постарается найти рычаги давления. Курьян, Михайло, Муса, Маруся — все они были дороги Марселю, и он с ужасом представил себе, что может стать причиной их гибели. Не

оставляя себе времени на сомнения, мужчина поднялся на ноги и, круто развернувшись, быстрым шагом пошел в направлении Триполья. Прикидывая в уме время, которое должно уйти на дорогу, он с сожалением подумал о том, что многое отдал бы за велосипед. Впрочем, даже раздолбанная повозка с парой лошадей оказалась бы очень кстати. Интересно, как Ведагор умудрялся так быстро перемещаться в пространстве? Может быть, и он может так же? Остановившись на несколько секунд, ученый постарался решить эту проблему, но, не имея практических навыков, вскоре был вынужден признаться себе в том, что понятия не имеет, как это сделать, и продолжил свой путь. Несмотря на страх, который подгонял его, Марсель все еще надеялся на то, что жрец был не таким плохим, как он о нем думал. Хотя слова «хороший» или «плохой» не отражали всю глубину личности его противника. Скорее, речь шла о человечности или ее полном отсутствии. Так, беседуя с собой, чтобы не погружаться в сплошной негатив, ученый медленно, но верно приближался к селищу, успевшему стать для него родным.

Если бы Лада увидела своего учителя, то решила бы, что тот сошел с ума. Обычно степенный старец бегал по своей комнате, бормоча проклятья и размахивая руками. Он то останавливался, замирая на месте и обдумывая какую-то мысль, то возобновлял свои безумные метания. До своей внезапной встречи с человеком из будущего он, принимая во внимание все сказанной Ладой, тем не менее, надеялся на то, что этому лже-церковнику не удастся разобраться с той благодатью, что на него свалилась. У него даже появилась шальная мысль о том, что, возможно, его ученица что-то напутала по скудоумию, приняв желаемое за действительное. Однако теперь ему было совершенно ясно, что сбылись худшие его опасения — более того, он в очередной раз дал маху и не смог вовремя закрыться. Теперь ему оставалось только гадать, сколько его тайн успел освоить ученый.

— Может быть, зря ты так переживаешь? — обратился было волхв к себе, но тут же отмахнулся.

Действительно, сколько можно было спотыкаться на одном и том же месте? Слишком часто за последнее время он недооценивал своего противника, и вот к чему это привело. Нужно было избавиться от него еще тогда, когда у него была такая возможность, а не играть в добрячка. Что же делать?

Несмотря на то, что думал о нем Марсель, жрец верил в собственную светлую сторону — он на самом деле многое бы отдал за то, чтобы обойтись без кровопролития, и то, что периодически ему приходилось принимать трудные решения, казалось Ведагору вынужденной мерой. Он искренне желал добра

своему народу и не мог понять, почему Лада, его верная ученица, усомнилась в его благих намерениях. Разве мало он сделал для Руси? Он был далек от того, чтобы обвинять Марселя в злонамеренности, объясняя все его поступки обычной человеческой глупостью и ограниченностью. Человек из будущего просто не мог понять причин, заставивших жречество взять судьбу в свои руки. Правда, его смущал тот факт, что в дальнейшем члены Совета, судя по всему, откажутся от прежних убеждений и примут сторону недавних врагов. Но, подумав, старец пришел к выводу, что это было всего лишь проявлением слабости. Даже если ему предстояло погибнуть в этом котле, он будет биться до последнего. И не позволит остальным свернуть с намеченного пути.

Придя к такому суровому выводу, Ведагор принял единственно верное, как ему показалось, решению и, в последний раз взглянув на мирно спящую Ладу, поразился безмятежному выражению ее лица. Создавалось такое впечатление, будто она знала что-то такое, что было скрыто от него. Но это было лишь мимолетное чувство, и уже в следующее мгновение старец, решительно сдвинув брови, вышел из помещения и, оказавшись на свежем воздухе, вздохнул полной грудью. Сила природы в очередной раз наполнила его уверенностью в том, что его дело было правым.

Меланья на подсознательном уровне чувствовала, что нужно было срочно уходить из Триполья. Несмотря на теплый прием, который оказал им Михайло, особенно после того как Курьян поведал ему обо всех их злоключеньях, она снова и снова старалась убедить Мусу продолжить прерванный путь. Однако мавр словно не слышал ее. Впервые предоставленный самому себе, он вдруг ощутил вкус к жизни и теперь всерьез подумывал о том, чтобы вообще не возвращаться домой, где его, как он говорил, никто не ждал.

— Пойми, — объяснял он, старательно подбирая слова, — там мрак. Душа в темноте, понимаешь? Здесь светло, дышать легко. Зачем ехать?

— Светло, да не шибко, — возражала женщина, понимая, что любимый не понимает ее. — Я чувствую опасность, которая приближается. Если не уедем, быть беде.

— Смогу защитить, — усмехнулся Муса в ответ на очередной довод знахарки, похлопывая себя по поясу, на которой болталась грозная изогнутая сабля. — Друзья верные рядом.

Друзьями мавр теперь называл своих недавних подчиненных, которые продолжали повсюду таскаться за своим бывшим начальником, хотя он уже неоднократно говорил им о том, что

они больше не обязаны подчиняться ему. Однако воины, судя по всему, также не горели желанием возвращаться на родину и поэтому предпочли сохранить прежний статус. Муса не возражал.

— Эй, черненький, — окликнул его Курьян, который, вернувшись в родные края, быстро восстановился после трудного путешествия, и теперь целыми днями изводил его весьма навязчивыми изъявлениями дружеского расположения. — Может, в баньку сходим, а? У меня медовуха есть отменная! Что ты за своей бабой ходишь, как хвост? То она за тобой, то ты за ней. Уймись уже, никто у тебя ее не отнимет. Пойдем посидим, поболтаем.

— Нет, пить не люблю, — в очередной раз отказался Муса, который, несмотря на произошедшие в его жизни изменения, не спешил избавляться от своих привычек, среди которых алкогольное воздержание занимало важное место. — Или сам.

— Вот чудак-человек! — удивленно воскликнул Курьян, хлопнув себя по бедрам. — Так в том-то и смысл, чтобы не одному выпивать, а в хорошей компании. С друзьями.

— Мы друзья? — мавр удивленно поднял брови, чем не на шутку обидел мужика.

— Вы посмотрите на него, люди добрые! — воскликнул он, обращаясь к невидимой аудитории. — И он еще спрашивает! Можно сказать, бились плечом к плечу, чудом в живых остались, а он еще и сомневается!

Несмотря на то, что «биться плечом к плечу», как выразился Курьян, им не приходилось, Муса после этих слов задумался. Действительно, если он кого-то и мог считать своим другом, так только этого увальня. Да, он был нагл и болтлив, однако за последнее время бывший телохранитель на многое стал смотреть другими глазами и теперь был вынужден признаться себе, что испытывал к мужику что-то вроде привязанности. Пробормотав ругательство на своем родном языке, он кивнул, отвечая на вопросительный взгляд собеседника:

— Пойду в баню. Пить не буду.

— Вот, это дело! — обрадовался Курьян, который уже и не надеялся на то, что бывалый воин когда-то снизойдет до него. — Жди здесь, никуда не уходи, я мигом обернусь!

Муса с улыбкой наблюдал за тем, как мужик, сшибая все на своем пути, понесся в сторону дома. Скорее всего, усмехнулся мавр, этот хитрец решил, что раз уж ему удалось убедить неуступчивого воина отправиться с ним в баню, то рано или поздно тот и на медовуху согласится. Ему так давно не приходилось испытывать обычных человеческих эмоций, что он разучился радоваться — и теперь заново и с удовольствием

открывал в себе почти забытые светлые стороны. Если бы не Меланья, пробудившая в нем веру в любовь и счастье… Впрочем, Муса не хотел думать о том, что было бы в таком случае. У него не было ничего, потом появилось всё — зачем вспоминать о прошлых бедах и несчастьях? Вероятно, он все же смог как-то заслужить расположение Бога, раз он так щедро вознаградил его.

— Это не заслуга твоего бога.

Голос, раздавшийся из-за спины, не был знаком Мусе, однако у опытного солдата были крепкие нервы, и он остался внешне спокойным, когда обернулся и увидел в нескольких метрах от себя высокого старика с окладистой бородой. Несмотря на то, что незнакомец, судя по всему, не был вооружен, что-то подсказывало мавру, что с ним не стоит связываться, если на то нет особой необходимости.

— Кто ты? — обратился он к гостю, стараясь ничем не выдать своего беспокойства. — Зачем пришел?

— Я — тот, с кем твой хозяин ведет войну, — последовал невозмутимый ответ. — Я — волхв, Ведагор.

— Нет хозяина, — прищурился Муса, с удивлением понимая, что ему все сложнее держать себя в руках под тяжелым взглядом старца. — Я свободный человек. Никому не обязан подчиняться, только себе.

— И все же ты раб, — усмехнулся Ведагор, подходя ближе. — Раб своей веры. И ты несешь свою рабскую сущность на наши земли, хочешь родить здесь детей и воспитать их по собственному образу и подобию. Верно я тебя понял?

— Зачем говоришь такие слова? — впервые за все время разговора мавр искренне удивился, заметив в интонациях собеседника откровенную неприязнь. — Я не враг тебе.

— Ты ошибаешься.

Волхв теперь стоял всего в двух шагах от Мусы, и тот поразился, заглянув в его глаза — они были черными и такими глубокими, словно в них навечно поселилась ночь. Тем временем Ведагор продолжал:

— Я слышу искренность в твоих словах. Ты честный человек, и я заранее прошу у тебя прощения за то, что собираюсь сделать.

Поняв, что медлить больше нельзя, мавр выхватил из-за пояса саблю и молниеносно взмахнул ей в сторону странного гостя. Муса всегда отличался прекрасной реакцией, и в любом другом случае его выпад закончился бы для его противника неминуемой гибелью, однако все это было не важно, потому что удар так и не достиг цели. Не пройдя и половины пути, рука телохранителя безвольно повисла, и он упал лицом вперед, выронив свое грозное оружие. Ведагор некоторое время задумчиво смотрел на него

сверху вниз, а затем, надвинув на лицо капюшон, развернулся и неторопливой походкой направился в сторону леса. К тому моменту, когда Курьян вернулся с кувшином медовухи, волхва уже и след простыл. Заметив друга, лежащего навзничь, мужик тут же, забыв о своей ноше, которая с глухим звуком упала на землю и брызнула в разные стороны ароматным напитком, бросился к нему.

— Черненький, ты чего это удумал? Муса! Очнись!

Поняв, что все его попытки привести в чувство мавра ни к чему не приведут, Курьян вскочил на ноги и сломя голову бросился к дому Баламошки, в котором временно остановились Муса со своей возлюбленной. Не думая о том, что женщина может оказаться неодетой, мужик ввалился в хату и, отвечая на встревоженный взгляд Меланьи, замахал руками:

— Там с твоим что-то неладное. Лежит и не двигается, будто заснул.

Женщина изменилась в лице, однако не стала паниковать раньше времени и прежде, чем выйти наружу, привычными движениями собрала снадобья, которые могли бы пригодиться. Только после этого она развернула Курьяна к двери и подтолкнула:

— Показывай.

3

Дорога до места происшествия заняла меньше минуты, но за это недолгое время Меланья успела обругать себя последними словами за то, что пошла на поводу у своего упрямого жениха. Конечно, она была далека от того, чтобы обвинять его в чем-либо — нет, он почти ничего не знал ни о местных нравах, ни об опасности, которую представляли собой враги, которых они со своим Кириллом успели нажить. Владимир был самым безобидным из них, в этом знахарка не сомневалась. Несмотря на то, что женщина не могла соперничать в плане статуса даже с самым младшим из волхвов, ей были известны некоторые секреты этого таинственного ордена, и она точно знала, что с ними не стоило ссориться. Правда, у Меланьи еще была надежда на то, что Муса просто потерял сознание, потому что не рассчитал собственные силы и решил, что уже полностью оправился от недавнего ранения.

Увидев любимого, женщина подбежала к нему и склонилась над неподвижным телом. После беглого осмотра ей сразу стало ясно, что дело было не в ране — создавалось впечатление, что Муса, действительно, вдруг решил заснуть. Его лицо было безмятежным, однако, оглядевшись, знахарка заметила саблю, валявшуюся в нескольких шагах от мавра, и поняла, что здесь произошло нечто из ряда вон выходящее. Бывалый воин никогда не расстался бы со своим оружием без веской причины, и то, что его ножны были пусты, говорило о том, что он столкнулся с какой-то неведомой и неподвластной ему силой. Достав крохотный сосуд из дорожной сумки, которую она всегда носила с собой, Меланья осторожно открыла его и поднесла к лицу Мусы. Любой другой человек моментально пришел бы в себя, потому что содержимое сосуда источало очень резкий запах, от которого даже Курьян, стоявший в нескольких шагах от тела, попятился. Но мавр никак не отреагировал на это средство, и целительница спрятала его обратно в сумку.

— Ну, что там? — Курьян нерешительно приблизился и заглянул Меланье через плечо. — Поправится?

— Не знаю, — хриплым голосом отозвалась женщина, которой было очень трудно сохранять спокойствие. — Ничего не знаю.

Сбывались худшие ее опасения — дело едва ли обошлось без волхвов с их магией. Меланье приходилось несколько раз сталкиваться с ними, однако она не обладала и сотой долей их знаний, и теперь женщина чувствовала бессилие оттого, что

ничем не могла помочь любимому. Единственное, что ей оставалось, это попытаться найти кого-нибудь из жрецов и молить его о помощи. Правда, этот вариант казался очень сомнительным — ведь если мавр стал жертвой нападения одного из них, то им не было никакого смысла спасать его. Разве что она могла предложить им что-то взамен.

— Похоже, я опоздал…

Курьян подпрыгнул на месте от неожиданности, в то время как Меланья почти без эмоций повернула голову в сторону Марселя, который неслышно приблизился и теперь с сожалением смотрел на лежащего на земле воина.

— Да, ты не торопился, — бесцветным голосом отозвалась женщина.

— Я пришел так быстро, как только смог, — попытался оправдаться историк, но не успел больше ничего добавить, потому что Курьян, оправившись от первого потрясения, подскочил к другу и стиснул его в могучих объятиях:

— Баламошка, родной! — мужик, казалось, старался раздавить своего менее крупного приятеля. — Живой! А мы с Мусой уже думали, что уделал тебя князь.

— Не уделал, — задыхаясь, с трудом смог выговорить Марсель, и Курьян, опомнившись, отпустил его.

— Как же ты…

— Обожди, — отмахнулся ученый и склонился над мавром. — Что случилось?

— Лучше ты мне расскажи, — все таким же ровным и оттого пугающим тоном проговорила Меланья. — Кирилл… Или называть тебя Баламошкой? Странное прозвище для греческого посланника.

— Византийского, — смущенно поправил ее ученый. — Но ты права, я не тот, за кого выдавал себя.

— Кто же ты? Хотя, подожди. Выслушать тебя я всегда успею, но сначала нам нужно перенести Мусу в дом. Нельзя его оставлять здесь. Чай не собака.

— Да, конечно.

Марсель кивнул Курьяну, и тот, отодвинув женщину, с легкостью поднял мавра и, осторожно прижимая его к груди, как ребенка, отнес в дом. К счастью, по пути им никто не встретился, так что случившееся осталось незамеченным. Как только Меланья убедилась в том, что ее жених не упадет со скрепленных лавок, она тут же повернулась к хозяину и потребовала объяснений. Было похоже, что она с трудом сдерживается, чтобы не врезать ему, так что историк предусмотрительно не стал приближаться к разъяренной бабе слишком близко.

— Не знаю, с чего и начать, — Марсель говорил это совершенно искренне, потому что боялся запутаться в своих словах — ведь тот же самый Курьян знал далеко не все о своем друге.

— Начни с правды, — сердито проворчала женщина.

— Да будет так. Все началось с того, что я очень неудачно родился…

Марсель решил, что настал момент истины, и, уже ничего не скрывая, поведал всю свою историю от начала и до конца. За время его рассказа Курьян несколько раз хватался за голову и пытался задавать какие-то вопросы, но знахарка прикрикивала на него, и он испуганно замолкал. Только когда историк закончил свое повествование, мужик подошел к нему и, наклонившись, заглянул в глаза:

— Друг! Ты всю правду рассказал? Не брешешь?

— Верь мне, — устало улыбнулся Марсель. — И прости меня…

— За что же? — удивился здоровяк.

— Нужно было рассказать все давным-давно. Тогда многих бед удалось бы избежать.

— Ну, скажешь тоже, — Курьян вдруг рассмеялся, но, тут же спохватившись, с виноватым видом оглянулся на Меланью. — Рассказал бы раньше, никто бы тебе не поверил. Решили бы, что ты медовухи перепил, или что бешеная собака тебя покусала. Вот только Марселем я тебя все равно звать не стану, уж извини. Как по мне, так Баламошка тебе больше подходит.

— Называй, как хочешь, брат!

Марсель с благодарностью взглянул на друга, но в этот момент Меланья, которая успела переварить услышанное, подняла руку, призывая их к тишине, и заговорила:

— Мне все равно, как тебя называют твои друзья: Марсель, Кирилл, Баламошка — все это не важно. Скажи лучше вот что. Если я правильно поняла тебя, это Кирилл был многим обязан моему жениху, и это он не хотел его отпускать. Ты же сдержал слово, данное не тобой. Мой глубокий поклон тебе за это. Но теперь Муса нуждается в друге, который пошел бы ради него на смерть. Я верю, что он бы сделал это для тебя, пусть по незнанию и принимая тебя за другого.

— Можешь не продолжать, — Марсель с готовностью кивнул. — Я сделаю все, что от меня зависит. Но что я могу? И что, по-твоему, здесь произошло?

— Для того чтобы понять это, не нужно быть семя пядей во лбу, — женщина кивком поблагодарила собеседника за добрые слова, после чего села на лавку и погладила любимого по

голове. — Ты ведь говорил только что о том, что тот волхв точит на тебя зуб. Что ему нужно от тебя?

— Ясно, что, — нахмурился историк. — Чтобы я отступил и не мешал ему творить зло.

— Такое уж и зло? — Меланья прищурилась и смерила собеседника испытывающим взглядом.

— Я не уверен в его намерениях, — объяснил Марсель. — Но мне известно, к чему это приведет нас. Владимир погибнет, эти земли будут завоеваны чужаками, сами волхвы будут уничтожены… Я не могу сказать точно, когда именно это произойдет, но, судя по тому, что мне удалось выяснить, очень скоро. Возможно, уже происходит.

— Почему ты так думаешь?

Морщась от неприятных воспоминаний, историк рассказал об ужасе, свидетелем которого он стал недавно. Женщина внимательно выслушала его и, шикнув на Курьяна, который принялся вздыхать и причитать, обратилась к Марселю:

— Ты, похоже, человек неиспорченный.

— Не понимаю, к чему ты это мне говоришь…

— Иначе бы сразу все понял, — Меланья грустно усмехнулась и провела по лицу рукой, словно пытаясь снять с него невидимую паутину. — А так ты до сих пор гадаешь о том, кому это было нужно. Христиан зачем-то приплел.

— Все равно не понимаю.

— Да волхв этот твой и затеял все, — мрачно бросила знахарка. — И не смотри на меня такими телячьими глазами. Подумай сам хорошенько, и поймешь, что я права.

— Не может этого быть! — Марсель, наконец, справился с изумлением и неожиданно для самого себя вступился за своего противника.

— Мне и самой не нравится такой поворот, не сомневайся, — Меланья встала и прошлась по комнате. — Я бы, пожалуй, предпочла, чтобы ты оказался прав. С греками или византийцами мне было бы проще справиться, а тут другое дело. Теперь вся надежда только на тебя.

— Но зачем ему это нужно?

Историк продолжал сомневаться — требовалось что-то большее, чем пустые предположения. Он никогда не был адептом ни одной мировой религии, и язычество, пожалуй, было ему ближе остальных по своей системе ценностей. Ученый всегда считал, что если ему пришлось бы выбирать между верованиями, он, скорее всего, остановился бы на самой простой и максимально приближенной к природе. И теперь, услышав мнение знахарки, мужчина автоматически воспротивился ее

словам.

— Но в том, что на Мусу напали волхвы, ты хотя бы не сомневаешься? И то ладно. А остальное… — Меланья остановилась и бросила на историка такой взгляд, что тот непроизвольно попятился. — Я раньше все гадала, откуда ты такой положительный взялся. Даже подумала было, что там, в Византии, все такие — добрые да ладные. Но теперь мне все стало ясно. Не знаешь ты нашего мира, оттого и меряешь всех по себе. Для волхвов нет ничего хуже того, чтобы уступить свое, исконное, чужакам. Они считают, что эта земля принадлежит им. И раз уж кому-то из жрецов стало известно о том, чем все обернется, то можешь быть уверен в том, что они на все пойдут, чтобы предотвратить это.

— Даже на убийство своих же? — поразился Марсель, покосившись на Курьяна, который стоял рядом с хмурым видом и, похоже, был согласен со знахаркой.

— Если ради общего блага нужно будет принести эту жертву, то да, — кивнула Меланья. — К тому же ты сам говорил мне, что в том селище собрались сплошь лентяи да жадные до чужих денег люди.

— Да, но…

— Волхв выбрал самых негодных людишек, которых будет не так жалко. Помнишь, как тот человек встрепенулся, когда услышал о твоем шраме? А кому еще было известно о твоей метке, кроме самого Ведагора и его помощников? Не Владимир ведь затеял все это. Нет, он на такое не способен.

— Не верю, — упрямо помотал головой ученый, пытаясь привести мысли в порядок. — Там были дети.

— Уже отравленные своими родителями, — закончила женщина безапелляционным тоном. — Попытайся взглянуть на них глазами жреца. С его точки зрения, они опозорили свой род и поэтому недостойны носить звание славянина.

— Но тогда ведь выходит, что они убивали волхвов по поручению самого же Ведагора, — Марсель почувствовал, что у него голова идет кругом от обилия разрозненной информации, которая не желала складываться в единую картину.

— Не родился еще селянин, который сможет настоящего волхва убить, — убежденно заявила Меланья. — Это все обман. Скорее всего, те убитые были ведарями, как я. Нас волхвы не шибко любят, считают, будто мы пытаемся их славу на себя перетянуть.

— А это не так?

— Нет, конечно. Знахари всегда о человеке заботятся, даже в самые тяжелые времена. Мы сами по себе, но стараемся

держаться поближе к людям, чтобы в любой момент прийти на помощь.

— Выходит, волхвы не такие? — историк понял, что окончательно запутался. — Я думал, что как раз они, в первую очередь, и заботятся о своем народе.

— Вот видишь, ты уже и сам говоришь о нас так, словно мы вещи какие-то, — усмехнулась Меланья, подловив собеседника. — Мы не их народ. Это они должны нам служить, а не мы — им. Не знаю, когда все встало с ног на голову, но большинство славян думают, как и ты. А это не верно. Возможно, в этом все и дело — волхвы уверовали в то, что они стоят выше обычных людей, и теперь пытаются построить жизнь так, как считают правильным. Но у меня никто не спрашивал, чего хочу я.

— И у меня, — Курьян, обрадовавшись возможности вставить свое слово, с видом, преисполненным собственного достоинства, ударил себя по могучей груди, однако Меланья не обратила на него никакого внимания и продолжила рассуждения:

— Скорее всего, ты встал им поперек горла, но они оказались слишком гордыми, чтобы признать свою ошибку вовремя. Вот и получается, что все дело в тебе. А может быть, это и не волхвы вовсе, а только один из них, но это ничего не меняет — жрецы никогда не пойдут против одного из своих, даже если он совершит что-то неблаговидное. Ну, а после того, как ты сказал, что твой таинственный убийца в спутники выбрал себе таких же, как и мой Муса, мне все стало окончательно ясно.

— Что стало ясно?

— Он специально все сделал так, чтобы подумали на Кирилла и его помощников. Скорее всего, он уже приготовился разнести эту весть по всей округе, чтобы люди обозлились и даже слышать не захотели бы о греческой церкви. Так-то, дружок…

— И что же нам делать?

Марсель, еще недавно уверенный в том, что лучше остальных видит общую картину, вдруг почувствовал себя самонадеянным учеником, которому более опытный преподаватель объясняет его ошибки. Он все еще был далек от того, чтобы обвинять во всех грехах местное жречество, однако его вера в то, что сам он оказался здесь не по странному стечению обстоятельств, сильно пострадала. Все-таки странное существо человек, горько усмехнулся про себя историк, рассматривая свою скромную фигуру на фоне событий, свидетелями которых он стал. Вечно ему хочется верить в свою исключительность, считать, что весь мир вращается вокруг него. Но стоит произойти чему-то по-настоящему существенному, как он тут же теряется и ищет того, кто мог бы предоставить ему хотя бы приблизительный план

действий.

— Я не знаю, — отозвалась Меланья, задумчиво глядя на спокойно поднимающуюся и опускающуюся грудь Мусы. — Я только рассказала тебе о том, как обстоят дела. Остальное зависит только от тебя.

— От меня?! — Марсель от неожиданности поперхнулся, и Курьян принялся активно колошматить его по спине. — Благодарю, друг, довольно… От меня? Ты же сама только что говорила о том, что я ничего не понимаю в вашем мире. Нет, нет, должен быть кто-то еще. Какой-нибудь главный знахарь или ведарь, или кто там еще у вас есть. Мы ему обо всем расскажем, и он поговорит с волхвами.

— Нет никакого главного знахаря, — женщина с раздражение схватила ученого за плечи и с силой встряхнула. — Вообще никого нет, кроме нас. Отступишь — Муса погибнет, и я вместе с ним. А там все выйдет ровно так, как ты сам видел. Желаешь такой судьбы своей земле? Если да, то оставайся здесь. Женишься на своей Марусе, может быть, сможешь увезти ее подальше от этих мест и забыть обо всем, как о страшном сне.

Марсель вырвался из крепких рук знахарки и, чувствуя, что вот-вот сорвется, отошел к окну, чтобы успокоиться. Ему и раньше приходилось брать ответственность на себя, однако еще ни разу от его решения не зависело так много. Историку вдруг захотелось бросить все и бежать сломя голову, не оглядываясь и ни о чем не думая. Борясь с внезапным приступом паники, он случайно взглянул на Мусу и впервые подумал о том, что его бывшему телохранителю, судя по всему, было не больше тридцати лет. Скорее всего, даже меньше. Сколько из них он подчинялся приказам Кирилла? Как много крови пролил? Нет, он не мог оставить его в тот момент, когда жизнь Мусы, наконец, начала налаживаться. Это было бы просто бесчеловечно.

— А как же ты сам? — голос, раздавшийся в голове Марселя, прозвучал слишком четко, и он дернулся от неожиданности. — Как же Маруся, твои мечты о доме, о семье? Разве ты не заслужил всего этого?

Оглянувшись на Меланью и Курьяна, историк понял, что этот диалог происходил исключительно в его голове, и усмехнулся: похоже, волхв все еще считал его глупцом, если пытался сбить его с толку подобным образом. Возможно, это и сработало бы с каким-нибудь древлянином, но он давно не верил в глас с небес и поэтому мысленно послал к черту своего невидимого собеседника, добавив еще несколько не самых приличных эпитетов. После этого советчик замолк и больше ничем не выказывал своего присутствия. Подумав, что немного

поторопился с такой агрессивной реакцией, Марсель попытался восстановить связь, но очень скоро понял, что это бесполезно. Странно, но именно попытка воздействовать на него изнутри окончательно убедила ученого в том, как следовало поступить.

— Вот что, — Марсель подошел к знахарке, которая присела рядом с возлюбленным. — Ты знаешь, что такое фатализм?

— Что? — не поняла женщина.

— Фатализм — это вера в неотвратимость судьбы. Так вот, я фаталист и верю в то, что оказался здесь не случайно. Не без участия Ведагора, конечно, но и он ведь — всего лишь человек, пусть и более могущественный, чем большинство из нас.

— Волхвы — не люди, — убежденно возразила Меланья.

— Вас убедили в этом… Впрочем, не суть. Я знаю точно, что Ведагор боится меня. Боится не Марселя, но Баламошку. Не знает, чего от него ждать. Иначе он не стал бы пытаться повлиять на меня через Мусу.

— Допустим, — согласилась женщина. — И что?

— А то, что вы ему не нужны: ни твой жених, ни ты сама, ни Курьян — только я.

— А чего это? — по привычке вскинулся мужик, но тут же, опомнившись, замолчал.

— Значит, — продолжил Марсель рассуждать вслух, — мне следует выйти в чисто поле и попытаться договориться с ним. При этом никого из вас не должно быть поблизости, иначе дело не выгорит.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — убежденно заявила Меланья. — Ты никому так не поможешь, только погибнешь зазря.

Несмотря на то, что в словах женщины был смысл, историк знал, что она ошибается. Или хотел верить в это. Так или иначе, но он, рассказывая о своих приключениях, намеренно не упомянул о сосуде жизни, которым его снабдила старая жрица перед тем, как окончательно сгинуть. Он знал о том, что его сила не была безграничной, но почему-то был уверен в том, что Ведагор будет с ней считаться, хотя бы из чувства самосохранения. Марсель не знал, имел ли сам волхв отношение к артефакту, хранящемуся в нем, однако и сам его противник, судя по всему, не имел об этом ни малейшего представления. Вспомнив о том, каким растерянным выглядел старец во время их внезапной встречи, ученый подумал, что тот не ожидал такого поворота. Так или иначе, но это был единственный имеющийся у него козырь, которым следовало воспользоваться, пока не стало слишком поздно. Поэтому историк, не оставляя себе времени на сомнения, чтобы не передумать, в нескольких словах описал свои

намерения и, отмахнувшись от возражений знахарки, направился к двери. Однако тут перед ним возникло новое препятствие в лице Курьяна — мужик, до этого лишь испуганно хлопавший глазами, вдруг проявил ослиное упрямство и заявил, что ни за что не отпустит своего друга одного. Напрасно Марсель старался урезонить его, объясняя, что тот будет ему мешать — здоровяк только махал головой в ответ. В конце концов, историку надоел этот разговор, и он решил просто пройти мимо Курьяна. Не тут-то было! Встав в дверном проеме, мужик заявил, что, скорее, сдохнет, чем позволит Баламошке выйти. Даже Меланье не удалось переубедить упорствующего смельчака. Когда женщина попыталась оттолкнуть его в сторону, он впервые за это время так рявкнул на нее, что она удивленно охнула и попятилась.

— Ладно, пес с тобой, дурак, — проворчал Марсель, надеясь, что по пути сможет избавиться от навязчивого помощника. — Иди, только не мешай.

— Чтобы я — да под ногами путался? — радостно воскликнул мужик. — Я буду нем, как рыба. Ты даже не заметишь, что я рядом.

Продолжая бормотать что-то о своей способности оставаться невидимым и неслышным, Курьян вышел из избы, то и дело поглядывая на Марселя на тот случай, если тот решит сбежать от него. Меланья же на прощание крепко обняла историка, прижав его к своей могучей груди, после чего совсем по-бабьи всхлипнула и подтолкнула к двери. Не зная, как следует вести себя в таких случаях, и чувствуя себя как воин, отправляющийся на битву, мужчина растерянно помахал женщине рукой и отправился вслед за своим спутником, который, похоже, лучше него самого знал, куда следует идти.

— В чисто поле, говоришь? — обратился он к Марселю. — Понятно, как же. Мигом все устроим. Здесь рядышком. Вроде и под самым боком, а народу нет совсем. Гиблые места, никто туда не ходит.

— Отчего же гиблые? — автоматически уточнил историк, думая о своем.

— Люди добрые говорят, что там нечисть всякая водится, — с готовностью объяснил Курьян. — Если что и приходит недоброе, так только оттуда.

— Не понимаю, о чем ты… — отозвался Марсель, но тут же, оглядевшись, удивленно остановился. — Ты куда это меня привел?!

Обнаружив, что находится рядом с курьяновскими воротами, историк гневно взглянул на спутника, но тот только пожал плечами:

— Мы ведь в путь собрались, верно? Битва или не битва, а все одно от жажды страдать не следует. Жди здесь, Баламошка.

Не дав собеседнику возможности возразить, мужик моментально скрылся в доме и уже спустя несколько секунд снова появился, неся в руках очередной кувшин, покрытый россыпью мелких капель.

— Студеный, только из подполья, — с гордостью сообщил он. — Хлебнешь?

— Тьфу на тебя! — Марсель не на шутку разозлился, но решил не развивать конфликт. — Ладно, показывай дорогу.

— Как знаешь.

Курьян пожал плечами, словно ничего не произошло, и бодро зашагал в сторону от селища. Спустя пару сотен метров историк с удивлением отметил про себя, что, на самом деле, ни разу не замечал, чтобы кто-то из местных жителей ходил в этом направлении. Тем не менее, места показались ему смутно знакомыми, и весь остаток пути он ломал голову над тем, откуда могло появиться это несносное чувство дежавю. Только когда они приблизились к небольшой роще и Марсель, сделав всего несколько шагов, успел угодить в густые заросли ежевики, до него, наконец, дошло: друг привел его ровно в то место, где чуть больше года назад началась его новая жизнь. Это открытие так потрясло ученого, что он на некоторое время впал в состояние, близкое к тому, что наступает у боксера, пропустившего сильный встречный удар. Проще говоря, Марсель поплыл. Постаравшись понять свое состояние, он пришел к выводу, что оно было вызвано цейтнотом, в котором историк жил последние несколько недель. У него не было ни одной свободной минуты для того чтобы оценить перемены, произошедшие не только в его жизни, но и в нем самом. И теперь, разглядывая окрестности, он пытался вспомнить чувства, которые испытал, когда увидел все это впервые, но давно пережитые эмоции были скрыты под толстым налетом новых впечатлений, и ему не удалось вернуться в прошлое даже на мгновение.

— Смотри, куда идешь!

Курьян успел предупредить замечтавшегося спутника в последний момент перед тем, как тот едва не ухнул в здоровенную яму, оставленную повалившимся набок вековым дубом. Марселю и самому показалась забавной идея свернуть себе шею накануне, возможно, самой важной встречи в его жизни, и он, усмехнувшись, отозвался:

— Ничего, я заговоренный, мне смерть от падения не грозит.

— Откуда такая уверенность? — прищурился мужик, остановившись, чтобы вытереть пот со лба.

— Я уже падал, помнишь? — историк показал на свой шрам.

— А как же! — задорно хохотнул Курьян. — Но слишком уж странная у тебя эта… как ее…

— Логика?

— Точно, она.

— Почему же?

— Если думать, как ты, то выходит, что если один раз не утоп, по потом, сколько пьяным в прорубь ни ныряй, все равно ничего не случится. Не бывает так, брат.

— Наверное, ты прав, — кивнул Марсель, который, передохнув пару минут, уже готов был двигаться дальше. — Долго нам еще?

— А? А… — Курьян почесал затылок и огляделся. — Да мы на месте уже, кажись.

— Так что же ты молчишь? — возмутился историк, бросая гневные взгляды на легкомысленного друга.

— А кто молчит? — отозвался тот, бережно опуская свою ношу на пень, оказавшийся перед ним. — Кто угодно, но не я. Ну, что будем дальше делать? Злодея твоего звать? Ты давай зови, а я посмотрю.

— На твоем месте я бы спрятался от греха подальше, — Марсель с сомнением посмотрел на мужика, понимая, что его несдержанность на язык может испортить все дело. — Мы сюда пришли не шутки ради, поверь. Я понятия не имею о том, что может выкинуть этот волхв.

— Вот и поглядим, — с довольным видом кивнул Курьян.

— Да пойми же ты!..

Марселю вдруг показалось, что его друг, возможно, намеренно валяет дурака, потому что не хочет оставлять его наедине с грозным противником. Перебрав в памяти все переделки, в которые им приходилось попадать вместе, он не смог вспомнить ни одного случая, когда Курьян бросил бы его в беде. Да, мужик был ворчливым и временами даже нудным, не отличался хорошими манерами, и его сложно было назвать храбрецом, но каждый раз, когда ученому грозила опасность, он оказывался рядом. Мысленно наградив себя не самыми приятными эпитетами, Марсель смягчился и заговорил со своим спутником уже совсем другим тоном.

— Пойми, брат, я не хочу думать о том, как бы не только самому спастись, но и тебя от беды уберечь. Если ты останешься со мной, у Ведагора появится еще один повод ставить условия. Вспомни, что произошло с Мусой. Неужели ты думаешь, будто волхв его навестил просто так, от нечего делать? Нет, он хотел таким образом на меня повлиять, чтобы я перестал путаться у

него под ногами. Я не смогу говорить с ним на равных, если он доберется и до тебя.

Курьян больше не пытался отшучиваться и только периодически хмурился, пока его друг говорил. Наконец, он кивнул и, приблизившись к Марселю, хлопнул того по плечу:

— И все равно я тебя Баламошкой звать буду. Знаешь, мне кажется, что ты своим поведением новый смысл этому слову придал. Оно теперь звучит как-то… гордо, что ли. Добре, раз ты так желаешь, я посижу в овражке неподалеку. Но есть что, свисти — я мигом прибегу.

4

Поблагодарив друга за понимание, мужчина подождал, пока тот скроется из виду, и только после этого задумался. Ему до этого почему-то и в голову не приходило, что Ведагор может не откликнуться на его зов. Вот просто возьмет и проигнорирует. Что тогда? Внезапно почувствовав себя глупцом, Марсель решил собраться с мыслями и стал искать глазами место, чтобы присесть. Внезапно его взгляд уперся в кувшин с медовухой, который Курьян оставил, вероятно, по забывчивости. Испугавшись, что мужик вернется за ним в самый ответственный момент, историк прислушался — но нет, все было тихо. Тем не менее, он решил снять напиток с постамента, чтобы тот не привлекал внимания, однако у него ничего не вышло — кувшин словно прирос к пню. Не понимая, как такое возможно, Марсель отступил на пару шагов и попытался оценить объем сосуда. Не меньше корчаги, прикинул он. Литров двадцать пять — тридцать. Курьян всегда выбирал емкости под стать собственным габаритам, но все же это был не тот вес, который ученый не смог бы поднять, несмотря на свои не самые выдающиеся физические данные. Значит, мужик намудрил что-то. Камней, что ли, туда натолкал?..

Пока он гадал, в чем состояла причина такой невероятной неподатливости вполне подъемного с виду кувшина, из-за деревьев за ним наблюдал Ведагор. Волхв не знал о том, что именно сбило с толку его визави, и поэтому был неприятно удивлен тем фактом, что историк не производил впечатления напуганного человека. Напротив, казалось, что он ни во что не ставит своего соперника, и это пренебрежительное отношение неожиданно больно ударило по самолюбию жреца. Именно поэтому он вышел из-за своего укрытия и откашлялся. Марсель же, на самом деле, слишком увлекся загадкой, и на время забыл о том, зачем вообще пришел сюда. Вздрогнув от неожиданности, он оглянулся на жреца и кивнул ему, как хорошему знакомому.

— Приятно видеть тебя в добром здравии, жрец.

— Ты, я вижу, тоже в порядке, — спокойным голосом отозвался Ведагор. — Но давай обойдемся без всех этих сладких речей. Я знаю, что ты желаешь мне смерти. Не могу сказать, что и я молю своих богов о твоей долгой и счастливой жизни. Но ты по странному капризу природы стал обладателем невиданной силы, с которой я пока ничего не могу поделать, так что будем говорить на равных. Согласен?

— А я думал, что мы и прежде общались свободно, —

искренне удивился Марсель, но тут же пожал плечами, заметив, как собеседник нахмурился. — Ладно, пусть будет по-твоему. Тогда мой первый вопрос: это ты с Мусой сотворил ту пакость, из-за которой он проснуться не может?

— Ты знаешь ответ, — ровным тоном заявил старец, покосившись на кувшин.

— Знаю. Тогда скажи, зачем ты это сделал.

— Я думал, что мы договорились не изображать глупцов, — с раздражением бросил жрец.

— Хорошо, — вздохнул ученый, понимая, что беседа будет трудной. — Чего ты хочешь?

— Вот это правильный вопрос, — понимающе ухмыльнулся Ведагор. — И ответ будет ему под стать. Хотя ты о нем уже, конечно, догадался — иначе не пришел бы сюда.

— Хочешь отправить меня назад?

Марсель задал этот вопрос, уже ни на что не надеясь. Да, он оказался не таким уж и выдающимся переговорщиком — у него нашлось столько ахиллесовых пят, что можно было палить наугад, не боясь промахнуться. Не было бы Мусы, его место занял бы Курьян. Или Маруся. Или еще кто-нибудь из селища — он не смог бы бросить на произвол судьбы даже абсолютно незнакомого ему человека. Вероятно, Ведагор раньше просто не задумывался об этой его особенности, иначе он смог бы избавиться от нежеланного гостя задолго до того, как тот стал представлять собой реальную угрозу. Однако жрец удивил его, неожиданно отрицательно покачав головой:

— Нет, это невозможно. Я бы и сам рад закончить все это, но не могу.

— Не понимаю…

— Лада уже однажды закинула тебя в будущее, и что из этого вышло? Сплошное недоразумение. Нет, тебе нужно остаться здесь.

Несмотря на то, что Ведагор пытался представить все так, словно им двигала забота о Марселе, историк быстро понял, в чем было дело. Волхв не был уверен в том, что впоследствии ему не придется столкнуться с еще более мощной магией, чем та, которая уже спутала многие его планы.

— Тогда что? — ученый развел руками в стороны, словно приглашая собеседника. — Убьешь меня?

— И этого я тоже сделать не могу, — старец с таким явным сожалением поцокал языком, что мужчине стало не по себе. — Видишь ли, моя ученица то ли по доброте душевной, то ли по глупости, наделила тебя силой, о которой ты даже не догадываешься. Но не радуйся раньше времени — человек не

способен воспользоваться ей в полной мере, иначе он просто сгорел бы в одно мгновение. Но одно преимущество у тебя есть, с этим ничего не поделаешь.

— И какое же? — спросил Марсель, затаив дыхание — старец был чересчур разговорчивым, и это казалось странным.

— В тебе есть частичка каждого из нас, — металлическим голосом заявил Ведагор. — Убьем тебя — навредим себе. Это хитрый ход, даже мудрый, и я не могу представить, как Лада додумалась до него.

— Может быть, это не она? — предположил историк, глядя прямо в глаза собеседнику. — Может быть, это ты?

— Я?! — волхв внезапно так раскатисто расхохотался, что с соседнего дерева спорхнула какая-то большая темная птица и, хлопая крыльями, улетела. — Никогда не поверю в такую байку. Впрочем, этот мир полон загадок. Кто знает? Возможно, и я причастен к твоей истории. Но сейчас я не вижу смысла в подобной глупости и поэтому расскажу тебе о том, как все будет.

— Даже так? — Марсель приподнял брови, но его собеседник никак не отреагировал на это.

— Именно так. Подумай сам. Ты ведь не глупый человек и должен понимать, что дар, преподнесенный тебе Ладой, не распространяется на твоих друзей. Один ты в любом случае ничего не сможешь поделать с нами, а вот я — я могу. Если ты решишь и дальше строить мне козни, я убью каждого, кто тебе дорог. Когда они закончатся, я примусь за их друзей, родственников и просто знакомых. В конце концов, люди начнут сторониться тебя, потому что станут считать предвестником смерти. Наступит день, когда ты и сам захочешь закончить все это, но не сможешь…

— Почему? — насторожился Марсель, старавшийся не пропустить ни единого слова.

— Разве Лада не сказала тебе? — волхв смерил собеседника испытывающим взглядом и, не заметив попытки обвести его вокруг пальца, удивленно рассмеялся. — Ну, плутовка! Я и не подозревал в ней такого великолепного чувства юмора.

— Да говори уже, не томи! — вышел из себя мужчина.

— Ты бессмертен, дурень, — насмешливым тоном выдал Ведагор. — Моя ученица заразила тебя неспособностью умереть. Возможно, где-то в этом мире и существует способ убить тебя, но мне о нем не известно.

— Не может быть… — пробормотал Марсель, опускаясь на траву.

Новость, которую ему сообщил волхв, конечно, не была чем-то ужасным — напротив, о таком можно было только мечтать. Но

дело было в том, что Марсель никогда не был мечтателем. Он верил в то, что во всем должно быть равновесие, и поэтому планировал провести свою жизнь так, как получится, а потом благополучно состариться и умереть. Да, конечно, ему, как и всем остальным людям, было немного страшно оттого, что никто не мог гарантировать ему жизнь после смерти, но он видел в этом даже какой-то тайный посыл, который ему еще предстояло разгадать. И вот теперь все это исчезло. Заметив, какое неожиданное впечатление произвели его слова на мужчину, Ведагор удивился:

— Я вижу, ты не рад. Отчего? Разве это не то, чего должен желать каждый человек?

— Возможно, — растерянно пробормотал Марсель, — но я не каждый.

— Я уже это понял.

Жрец больше не смотрел на своего собеседника сверху вниз — реакция ученого показалась ему достойной уважения. Однако Ведагор не стал говорить ему об этом и вместо этого кивнул в сторону кувшина.

— Освежись, тебе это необходимо.

— Может быть, и так, — отозвался историк, продолжая сидеть. — Но слишком уж он тяжел для меня.

— Что ж, — пожал плечами волхв, решив, что настал подходящий момент для того чтобы попытаться наладить отношения с этим гордым человеком, насколько это вообще было возможно, — я могу помочь. Думаю, ты не станешь…

Говоря это, жрец протянул руку и ухватился за ручку сосуда, но тут же отпрянул и закричал от боли. Испугавшись, Марсель тут же очнулся от своих грез и моментально вскочил на ноги. Ведагор больше не издал ни звука, вместо этого он упал на землю и теперь молча катался по ней, словно пытался освободиться от невидимой сети, в которую угодил. В первый момент ученый растерялся, но быстро пришел в себя и постарался приблизиться к старцу, чтобы помочь или хотя бы понять, что происходит. Однако стоило ему подойти ближе, как Ведагор так резко выгнулся, что Марсель едва успел отскочить в сторону. Было видно, что волхв умирает — глаза утратили блеск и теперь выражали только огромное страдание, тело, которым он еще недавно владел в совершенстве, отказывалось подчиняться хозяину, и историк с ужасом наблюдал за тем, как жизнь медленно покидала его недавнего противника. Наконец, жрец дернулся в последний раз и замер, оставшись лежать на спине с широко раскрытыми глазами, которые смотрели в небо.

Все произошло так внезапно, что ученый еще некоторое

время отказывался верить в произошедшее. Но Ведагор был мертв, в этом не было никаких сомнений. Вспомнив о том, сколько вопросов он не успел ему задать, Марсель вдруг испытал постыдное чувство жалости к самому себе, словно его предал наставник, так и не открыв ему последнюю, самую главную тайну. Застонав, он сел перед неподвижным телом и обхватил голову руками. Что делать? Кто теперь спасет Мусу? Что станет с Русью? Того, кто больше всех волновался о ее будущем, больше нет, а с остальными историк знаком не был. Считали ли они так же, как покойный? Или, быть может, ему предстояло столкнуться с еще более неадекватным видением ситуации? А Лада? Ведагор говорил о ней так, словно ее уже не было в живых… Если это, действительно, так, то кто образумит Владимира и вернет его на прежний путь? О, Господи, помоги…

— Я вижу, понравилась жрецу медовуха-то.

Услышав этот голос, Марсель медленно поднял голову и столкнулся взглядами с Курьяном, который стоял, прислонившись к дереву, и спокойно жевал травинку. На первый взгляд, мужик был тем же, что и прежде, но что-то в нем изменилось — возможно, все дело было в его глазах. Прежде открытые и добродушные, теперь они источали холодный свет, несмотря на то, что их хозяин улыбался. Понимая, что происходит что-то неладное, историк поднялся на ноги и двинулся в сторону здоровяка, непроизвольно сжимая кулаки.

— Но-но, — усмехнулся тот, предупредительно выставляя перед собой руки. — Не балуй! Ты хоть и немрущий теперь, а все равно в тумаках ничего приятного нет, поверь мне. Это я тебе как знаток этого дела говорю.

— Кто ты такой? — Марсель остановился, не дойдя до мужика несколько метров.

— Я-то? — улыбнулся тот. — Мне казалось, что ты знаешь. Я Курьян. Удивлен? А ты чего ждал? Что к тебе сам Велес спустится?

— Тот Курьян, которого я знал, был мне другом, — проговорил сквозь зубы ученый. — А ты на друга не похож.

— Твоя правда, — согласился мужик, вздыхая. — Но и врагом тебе я никогда не был. Скорее, оберегом. Если бы не я, то тебя не стало бы еще тогда, на поле. Помнишь, как коса у самого твоего уха просвистела? А то, что я тебя в последний момент в сторону оттащил? Нет? Вот видишь, с чем мне приходилось жить все это время. Делаешь добро людям, делаешь, а они тебя потом даже не поблагодарят.

— Так кто же ты? — поняв, что Курьян не желает ему зла, историк успокоился и теперь просто пытался выяснить правду. —

Думаю, я имею право знать это.

— Может быть, — хитро прищурился мужик и, выплюнув травинку, слегка наклонился, чтобы его глаза оказались на уровне собеседника. — А может, и не имеешь. Но я привязался к тебе и поэтому скажу то, чего тебе должно хватить.

— Хватить для чего?

Марсель никогда прежде не воспринимал Курьяна как интеллектуала, и теперь ему было сложно так быстро перестроиться. Заметив это, здоровяк осуждающе покачал головой, но не стал развивать неблагодарную тему. Вместо этого он кивнул в сторону распростертого тела и заговорил совсем другим тоном, отказавшись от местного говора:

— Я когда-то был его учеником. Но так получилось, что он остался на своем уровне, а я пошел дальше.

— Дальше — это куда?

— Неужели ты считаешь, что наш мир ограничивается вот этим? — Курьян обвел взглядом лес и снова уставился на собеседника. — Ты ведь уже знаешь многое и мог бы предположить наличие других если не измерений, то хотя бы версий этого мира. Наша жизнь есть продолжение Земли, вот только вам, людям, известны только ее видимые части, вы не способны постичь суть. Тропосфера, стратосфера и прочие сферы — это всего лишь начало, за которым простирается безбрежный океан знаний.

— В который, конечно, для таких как я вход закрыт, — подытожил Марсель.

— Ты все верно понял, — улыбнулся Курьян, на мгновение превращаясь в себя прежнего.

— Это было обязательно? — ученый указал взглядом на Ведагора.

— К сожалению, да. Я пытался… Мы все пытались открыть ему глаза, но он оказался слишком упрямым. За что и поплатился.

— А как же остальные? — Марсель с надеждой взглянул на собеседника. — Муса, он ведь ни в чем не виноват.

— Я этого и не говорил, — здоровяк пожал плечами, словно речь шла о чем-то естественном. — Можешь не беспокоиться о нем. Он несколько минут назад пришел в себя и уже почувствовал всю прелесть семейной жизни, если ты понимаешь, о чем я.

Курьян рассмеялся, довольный своей шуткой, однако историк даже не улыбнулся. Посерьезнев, мужик недовольно нахмурился и буркнул:

— Раньше ты мне нравился больше. Вы только посмотрите на него: заграбастал бессмертие и еще чем-то не доволен!

— Значит, это правда? — удивился Марсель. — А я думал…

— Правда высшей пробы. Считай это бонусом, от которого ты не сможешь отказаться. А и захотел бы, все равно ничего бы не вышло.

— Почему?

— Путешествия во времени так просто не проходят. Как у нас говорят: назвался груздем — полезай в лукошко? Все-таки мудрый здесь народ, не находишь?

— И что мне делать? — историк не обратил внимания на веселый тон собеседника и с растерянным видом огляделся вокруг.

— Да, это сложно, — согласился Курьян. — Но ты привыкнешь. Хочешь совет? Не возвращайся в селище. Ни к чему хорошему это не приведет. Пройдут годы, и люди вокруг тебя начнут умирать. Это естественный процесс, но тебе нелегко будет смириться с потерей тех, кого ты любишь. Лучше оставь все как есть. Маруся рано или поздно найдет себе мужа, Муса с Меланьей проживут долгую и счастливую жизнь, у них будет много детей. Ладу мы тоже не оставим. Она уже знает слишком много, но у нее пытливый ум, и я думаю принять ее в свои ученицы. Как считаешь, выйдет из меня достойный наставник?

Взглянув на довольное лицо напротив, Марсель вдруг ощутил такую вселенскую тоску, что не выдержал и отвернулся.

— Можешь не отвечать, — продолжал голос, который доносился словно издалека. — Все в твоих руках. Мы еще встретимся, но это произойдет очень не скоро. Научись отпускать, Марсель Иванович. Это единственный способ познать истину.

Поняв по наступившей тишине, что остался один, ученый несколько секунд стоял неподвижно, удивляясь тому, что не чувствует ничего, кроме усталости, а затем, не оглядываясь и стараясь ни о чем больше не думать, зашагал прочь от Триполья, пообещав себе никогда больше туда не возвращаться.

* * *

— Выходит, дружок, ты обманул сам себя, — пробормотал Марсель Иванович, доцент исторических наук, декан одноименного факультета одного из киевских вузов, глядя на студентов, делавших вид, будто им очень интересно то, что он рассказывал. — Но это ничего, тебе не привыкать.

Несмотря на то, что он исколесил весь мир в поисках места, которое хотелось бы назвать домом, его неудержимо тянуло назад. Долгое время он боролся с этим чувством, но, в конце

концов, начал периодически наведываться в родные края, пока не перебрался туда насовсем. Впервые это случилось во времена правления Владимира Мономаха. Марсель лично принимал участие в проектировании улиц и площадей, но вскоре ему стало скучно, и он уехал, чтобы стать свидетелем захвата Иерусалима и последовавшего за этим третьего крестового похода. Грязь и религиозная истерия, царившие в средневековой Европе, не смогли скрасить даже встречи с историческими персонажами, и он удалился на Балканы, чтобы со стороны наблюдать за возникновением Боснии. Сейчас, вспоминая свои странствия, он с удивлением отмечал, что лучше всего запомнил их первую часть, когда все новое казалось ему чем-то важным и заслуживающим внимания. Однако вскоре события слились в один сплошной мутный поток, и он пришел к выводу, что человеческая природа весьма ограничена и имеет строгий лимит стандартных приемов, похожих на музыкальные ноты или смертные грехи. Забавное совпадение, кстати. И тех, и других всего семь, однако их сочетания могут рождать как монстров, так и гениев. Впрочем, первое отнюдь не исключает второго. Иоганн Гуттенберг, Исаак Ньютон, Наполеон Бонапарт или Альберт Эйнштейн — по сути, все эти выдающиеся люди были комбинациями одних и тех же нот, и Марсель, в итоге, научился воспринимать их как временное явление, которое, появившись, рано или поздно исчезнет, оставив после себя след, подобный тому, который оставляет комета. Одним суждено было прожить долгую и плодотворную жизнь, другим — сгореть раньше времени, но это ничего не меняло. И злодеи, и святые давали этому миру ровно то и ровно столько, сколько было нужно, не больше и не меньше, словно придерживаясь какого-то плана, разработанного неизвестным мастером судеб. Как только историк смирился с этим, в его душе наступил покой, и он почувствовал, что готов, наконец, вернуться домой.

Приобретенный за долгие века скитаний опыт, подкрепленный солидными счетами во многих банках мира, помог ему без труда устроиться в Киеве и получить место, которое он когда-то занимал. Правда, теперь все выглядело иначе, и Марсель, с грустной улыбкой наблюдая за молодыми недоспециалистами, пытался представить, как долго ему еще предстоит топтать эту землю. Нет, он не был против заглянуть в будущее, о котором пока не имел никакого представления, однако ему все же казалось, что цикличность истории не позволит ей двигаться в новом направлении.

Захлопнув учебное пособие, Марсель некоторое время смотрел на то, как студенты, покидав тетради в рюкзаки,

потянулись к выходу. У него была репутация одного из самых лояльных преподавателей во всем университете. Возможно, так получилось потому, что он давно уяснил для себя одну простую истину: в головах задерживаются только те знания, которые имеют значение. Все остальное — мусор, и нет никакого смысла пытаться насильно впихнуть его в учеников. Возможно, места, которое он займет, не хватит для чего-то действительно стоящего.

Этот день был особенным. И дело было не в том, что Инесса, неприступная преподавательница основ правоведения, наконец, ответила на его ухаживания. Сегодня он должен был пойти домой и, заглянув по пути в продуктовый магазин, потерять сознание, чтобы очнуться в 988-м. Может быть, все так и будет? Марселю было бы приятно снова увидеть Марусю. Но, подумав, он махнул рукой: надеяться на подобное было просто глупо — не для этого Курьян отправил его в свободное плавание без намека на наличие берега. Мечтательно закатив глаза к потолку, ученый сложил бумаги в портфель, подаренный благодарными выпускниками, и вышел из класса.

Киев жил своей жизнью, которая была ему если и не чужда, то, во всяком случае, не особо интересна. Представив себе, какое впечатление этот город должен был произвести на Ладу, Марсель усмехнулся и тут же едва не упал, споткнувшись о вытянутые ноги студента, который, развалившись, сидел на лавке кампуса и, казалось, не обращал никакого внимания на прохожих.

— Осторожнее нужно быть, папаша, — хохотнул молодой человек, но ноги так и не подобрал.

Марсель сначала хотел отчитать наглеца, но слова застряли в его горле. Прямо перед ним, приветливо улыбаясь и попыхивая дешевой сигареткой, сидел Курьян. Подождав несколько секунд и поняв, что историк все еще не в состоянии переварить увиденное, он вздохнул и похлопал ладонью по месту рядом с собой:

— Садись, дружище. Устал, небось. У меня здесь с Ладой вышел небольшой казус…

Курьян как-то стыдливо потупил взгляд, но тут же снова взглянул на Марселя и хитро прищурился:

— Никак не могу сладить с этой девчонкой. Столько времени прошло, а она все еще умудряется удивлять меня. Теперь вот затеяла смуту в наших рядах. Выходит, нам с тобой вдвоем придется снова разбираться с тем, что она наворотила. Что скажешь? Без обид?

Конец

© Роман Казимирский